

Муромские народные сказки и предания

Шотландские народные сказки и предания

Перевод с английского
М. КЛЯГИНОЙ-КОНДРАТЬЕВОЙ

Издательство
«Художественная литература»
Москва 1967

Художник
Н. АВТОКОЛЬСКАЯ

7—3—4
146—67

1. ТОМАС СТИХОТВОРЕЦ

Деревня Эрсилдун расположена у подножия Элдонских холмов.

В XIII веке в этой деревне жил некий Томас Лермонт. Он любил книги, стихи, музыку, а больше всего — природу; любил бродить по полям и лесам и наблюдать зверей и птиц. И он играл на лютне.

Как-то раз в солнечный майский день Томас запер свой дом, вышел из Эрсилдуна с лютней и отправился бродить по лесу. Этот лес рос по берегам небольшого ручья Хантли-берн, что течет с Элдонских холмов.

Утро было ясное, свежее. Деревья покрылись молодой листвой, а земля под деревьями — пышным ковром мхов. На лужайках цвели желтые первоцветы и звездочки анемоны тянулись к утреннему небу. Громко пели певчие птички, сотни насекомых летали вокруг, купаясь в лучах солнца.

Томас присел отдохнуть под большим тенистым деревом. Он лениво перебирал струны лютни и смотрел на лес. В его темную чашу вели извилистые тропинки под зелеными сводами.

И вдруг послышался отдаленный звон бубенчиков и колокольчиков, потом — топот копыт, и Томас с удивлением увидел, как по лесной тропинке верхом на сером коне к нему приближается всадница, такая прекрасная, какой он в жизни не видывал.

Она была в охотничьем платье из блестящего зеленого шелка цвета молодой травы и в бархатном зеленом плаще. Ее длинные золотистые волосы рассыпались по спине, а венец из драгоценных камней сверкал на солнце.

Конь легко ступал между деревьями. Седло на нем было из слоновой кости с ярко-алым чепраком, подпругой из крученого шелка и хрустальными стремянами. Золототканые поводья были украшены серебряными бубенчиками, а с каждой пряди конской гривы свешивались серебряные колокольчики. Это их звон услышал Томас, перед тем как к нему подъехала всадница.

Должно быть, она выехала на охоту — через плечо у нее висели охотничий рог, лук и колчан со стрелами, и она вела на шворе семь борзых. Семь гончих бежали рядом с ее конем.

Всадница негромко напевала старинную шотландскую песню. Она была так прекрасна, так роскошно одета и дер-

жалась так царственно-величаво, что Томас сорвал с себя шапку и хотел уже пасть на колени: он подумал, что перед ним сама Святая Дева.

Но красавица угадала его мысли и остановила его.

— Я не Святая Дева, — сказала она, — не царица небесная. Правда, я королева, но царствую я не на небе и не на земле, а в Стране Фей. И я приехала тебя навестить, Томас Лермонт из Эрсилдуна.

Красавица сказала правду — с этого мига Томаса словно околдовали. Он знал, как опасно смертным встречаться с феями, но был так заворожен красотой дивной всадницы, что совсем позабыл об осторожности и благоразумии.

Всадница улыбнулась и протянула Томасу руку, чтобы он помог ей спешиться. Он повиновался, затем поводьями привязал коня к терновому кусту, а красавицу усадил под деревом. Зачарованный ее неземной красотой, он не отрывал глаз от бледного прекрасного лица.

— Поиграй мне на лютне, Томас, — сказала королева фей. — Хорошо послушать музыку в зеленой тени.

И Томас взял свою лютню и заиграл. Никогда еще струны ее не рождали таких веселых звуков.

Когда же лютня умолкла, королева фей похвалила Томаса за игру.

— Я хочу вознаградить тебя, Томас, — проговорила она. — Можешь просить у меня чего хочешь.

Осмелев, Томас взял ее белые руки в свои и сказал:

— Позволь мне поцеловать тебя в губы, прекрасная королева!

Королева фей рук не отняла, но улыбнулась и молвила:

— Если ты поцелуешь меня в губы, Томас, ты с того мига будешь в моей власти. Придется тебе тогда прослужить мне семь долгих лет, а уж к добру это будет или к худу — кто знает?

— Что такое семь лет! — воскликнул Томас. — Если они — расплата за поделуй, пускай! Я расплачусь охотно.

И он прикоснулся губами к губам королевы фей.

Но как только их губы слились, Томас с ужасом увидел, что и лицо красавицы, и ее наряд странным образом начали изменяться, словно по волшебству. Ее зеленое платье и зеленый плащ полиняли, потом стали серыми, как пепел. Ее длинные золотистые волосы потускнели, потом стали совсем седыми. Ее прекрасное юное лицо увяло, потом покрылось морщинами и стало старым-престарым. Томас смотрел на нее, не помня себя от удивления. А королева фей расхохоталась.

— Теперь мною не залюбуешься, правда, Томас? — насмешливо проговорила она. — Но что поделаешь! Ты предался мне, Томас, ты обещал служить мне семь долгих лет. Тот, кто поцелует королеву фей, должен последовать за нею в ее страну и там служить ей, пока не кончится срок.

Бедный Томас упал перед ней на колени и стал просить пощады. Но королева фей была неумолима. Она лишь смеялась ему в лицо. Потом подвела к нему своего серого в яблоках коня.

— Нет, нет, — только и говорила она на все мольбы Томаса. — Ты просил у меня поцелуй, теперь плати за него. Не мешкай! Садись на коня ко мне за спину. Нам пора в путь!

И Томас сел, вздыхая и стеноя от ужаса, к ней за спину, а она пустила вскачь своего серого коня.

Быстрее ветра мчались они все дальше и дальше, то по зеленым полянам, то по холмам, покрытым вереском. И вот наконец впереди показалась пустыня. Голая, сухая, унылая, она простиралась перед ними до самого края земли.

«Неужто придется нам ехать по этой пустыне? — со страхом подумал Томас. — Разве может смертный живым добраться до ее конца?»

Тут всадница натянула поводья. Серый конь остановился на всем скаку и стал как вкопанный.

— Слезай, Томас, — сказала королева фей, посмотрев на своего спутника через плечо. — Приляг на землю, положи голову ко мне на колени, а я покажу тебе тайное — то, чего не могут видеть глаза смертных.

Томас соскочил с коня и прилег на землю. Королева фей села подле него, и он положил голову к ней на колени. А когда опять посмотрел на пустыню, которая лежала впереди, увидел, что многое там переменялось. По пустыне теперь тянулись три дороги, и все они были разные.

Одна дорога была широкая, ровная, гладкая. Она вела прямо вперед, через нески пустыни, и тот, кто пошел бы по ней, никогда бы не заблудился.

Другая дорога ничуть не походила на первую. Она была узкая, извилистая, длинная. С одной стороны ее окаймляла живая изгородь из терна, с другой — из шиповника. Их колючие кусты были так высоки, а усаженные шипами ветки разрослись и так переплелись друг с другом, что почти невозможно было продраться сквозь эту чащу.

Третья дорога была непохожа на первые две. Очень красивая, она вилась по горному склону среди густого вереска, папоротника и золотисто-желтого дрока, маня к себе путника.

— Теперь послушай меня, — сказала Томасу королева фей, — и ты узнаешь, куда ведут эти три дороги. Первая дорога, как видишь, широкая и ровная. Идти по ней легко, и многие охотно выберут этот путь. Но хоть он и легок, а ведет ко злу, и те, что его изберут, век будут жалеть о своем выборе. Это — Путь Греха... Что до второй, узкой дороги, ее преграждают колючие ветви терна и шиповника. Лишь немногим захочется хотя бы только спросить, куда она ведет. Но если спросят и услышат ответ, их, быть может, и повлечет на эту дорогу. Это Путь Праведности... Ну, а

третья дорога, — та, что красиво вьется вверх по горному склону среди пышного папоротника, — третья ведет неведомо куда. То есть это смертные не знают — куда, а я скажу тебе, Томас, что ведет она в Страну Фей. И по ней мы и поедем.

Тут королева фей поднялась и подошла к своему коню, а он уже бил копытом о землю и дергал головой — так ему не терпелось поскорее вернуться домой, в Страну Фей.

— Теперь слушай меня, Томас, — молвила королева фей. — Когда мы с тобой приедем в мою страну, не говори там ни с кем, кроме меня, если хочешь вернуться домой, в Эрсилдун, через семь лет. Ибо смертный, попавший к нам, должен замкнуть себе уста, а не то придется ему остаться у нас навеки. И если ты, Томас, молвишь лишнее слово в моих владениях, ты утратишь свое счастье и будешь обречен вечно блуждать по пустыне, что простирается между миром смертных и миром фей.

Королева фей снова села в седло и приказала Томасу сесть к ней за спину. И вот они помчались по красивой дороге, что вилась по горному склону.

Но дорога эта была не такой уж приветливой и веселой, какой казалась издали. Вскоре она спустилась в узкое ущелье и спускалась все ниже и ниже, так что чудилось, будто она ведет в недра земли. В ущелье царил полумрак, а воздух был холодный и тяжелый. Где-то с шумом низвергался поток, и немного погодя серый конь вступил в него. И вот вода, холодная, ледяная, замочила Томасу ступни, потом поднялась до колен. И увидел он, что вода эта — темная. Как Томас потом узнал, здесь текла вся кровь, когда-либо пролитая на земле.

Мрак в ущелье сгустился. Конь пробирался вперед в непроглядной тьме, и Томасу стало так страшно, что он чуть не лишился чувств и не упал с коня в алую воду. Пришлось

ему крепко уцепиться за пепельно-серый плащ королевы фей, чтобы удержаться в седле.

Но вот мрак стал постепенно рассеиваться, и серый конь вышел из ущелья на яркое солнце. Томас приободрился, поднял голову и увидел, что теперь они едут по прекрасному плодovому саду. Яблоки, груши, финики, фиги, виноград зрели здесь в изобилии. Томасу так хотелось есть и пить и он так ослабел, что уже протянул было руку к ближайшему дереву, чтобы сорвать с него сочный плод. Но королева фей повернулась и остановила его.

— Здесь тебе ничего нельзя есть, — сказала она. — Если ты до чего-нибудь дотронешься, придется тебе остаться в Стране Фей навсегда. Но скоро я сама сорву и дам тебе яблоко.

Немного погодя они подъехали к крошечной яблоньке, усеянной красными плодами. Королева фей наклонилась, сорвала яблоко и подала его своему спутнику.

— Это яблоко я могу тебе дать и даю с радостью, — молвила она, — потому что это Яблоко Правды. Тот, кто его съест, будет всю жизнь говорить только правду. Ложь никогда не слетит с его уст.

Томас взял и съел яблоко, и в этот миг на него снизошел Дар Правдивости. Вот почему люди потом прозвали его «Томас Правдолюбец».

Путь их уже оканчивался. Теперь серый конь бежал по какой-то волшебной стране, озаренной нездешним светом. И вскоре впереди на вершине холма возник великолепный замок.

— Вот мой дом, — с гордостью промолвила королева фей и показала рукой на замок. — Там обитают мой супруг и его придворные. Но, должна сказать, что нрав у моего супруга вспыльчивый. Он гневается, когда видит меня с каким-нибудь красивым незнакомцем. Поэтому прошу тебя, и ради меня, и ради тебя самого, не отвечай ни слова тому, кто

вздумает с тобой заговорить. Если же меня спросят, кто ты, я скажу, что ты лишен дара речи. Так ты останешься незамеченным в толпе.

Тут королева фей поднесла к губам свой охотничий рог и громко, пронзительно затрубила. И в этот миг она снова изменилась. Куда девались ее серые, как пепел, одежды, ее седые космы и морщины! Она опять предстала перед Томасом юная и прекрасная, в зеленом охотничьем платье и плаще, с золотистыми волосами, распущенными по плечам.

Переменился и Томас. Его грубое домотканое платье превратилось в одежду из тонкого сукна, а ноги оказались обутыми в атласные туфли.

Как только королева фей затрубила в рог, раздались ответные звуки тысячи невидимых труб, запахнулись двери замка на холме, и король эльфов быстро вышел навстречу своей супруге в сопровождении придворных дам, рыцарей, пажей и менестрелей. Их было так много, что когда Томас соскочил с коня и смешался с толпой, ему нетрудно было пройти в замок незамеченным.

Все обитатели замка, видимо, очень обрадовались возвращению своей королевы. Они потянулись за ней в большой зал, а она милостиво беседовала с ними и протягивала им руку для поцелуя. Потом она вместе с мужем взошла на помост в глубине зала. На этом помосте стояло два трона. Король с королевой сели и стали смотреть на празднество, тут же начавшееся в зале.

А бедный Томас остался в стороне. Он чувствовал себя здесь чужим и одиноким, но, как завороченный, неотрывно смотрел на невиданное зрелище.

В одной части зала придворные дамы танцевали с рыцарями; в другой — охотники вносили и бросали на пол оленей с ветвистыми рогами, должно быть, недавно убитых на охоте. Сюда же приходили повара, свеживали оленей, отрезали от туш куски мяса и уносили их на кухню.

И так все это было странно и непривычно для Томаса, что он не замечал времени — все стоял и смотрел, смотрел, не отрывая глаз и не говоря ни слова.

Трое суток феи не покидали зала, а Томас смотрел на них. Но вот королева фей вдруг встала с трона, спустилась с помоста и, пройдя по всему залу, подошла к Томасу.

— Пора нам уезжать, Томас, — сказала она, — если только ты хочешь снова увидеть свой родной Эрсиддун.

Томас удивленно посмотрел на нее.

— Ты говорила, что я должен служить тебе семь долгих лет, госпожа моя, — воскликнул он, — а я пробыл здесь только три дня!

Королева фей улыбнулась.

— В Стране Фей время идет быстро, друг мой, — молвила она. — Ты думаешь, что пробыл здесь только три дня, но на самом деле прошло семь лет с тех пор, как мы с тобой встретились. А теперь тебе время нас покинуть. Мне и хотелось бы, чтобы ты побыл здесь подольше, но я не смею тебя удерживать, и — ради твоего же блага. Ибо каждые семь лет к нам из Царства Тьмы приходит Дух Зла и уносит с собой одного из моих подданных, кого сам выберет. А ты — красивый юноша, и я боюсь, как бы он не выбрал тебя. Я не хочу, чтобы ты попал в беду, и потому нынче же вечером увезу тебя на твою родину.

Тут к замку подвели серого коня. Королева фей и Томас сели на него и тронулись в обратный путь.

И вот они снова подъехали к ручью Хантли-берн, что течет с Элдонских холмов.

Королева фей стала прощаться с Томасом Лермонтом. Он попросил ее дать ему что-нибудь такое, что он смог бы показать людям. А то ведь они не поверят, что он действительно побывал в Стране Фей.

— Я уже одарила тебя Даром Правдивости, — отозвалась она. — Теперь я одарю тебя Даром Прорицания и

Даром Стихотворства. Ты сможешь предсказывать будущее и сочинять прекрасные стихи. Но кроме этих невидимых даров, я подарю тебе нечто такое, что смертные смогут увидеть собственными глазами. Я подарю тебе арфу, сделанную в Стране Фей.

Она немного помолчала, потом заговорила снова:

— Теперь ты вернешься домой. Но сначала послушай меня, Томас. Придет время, когда я снова позову тебя к себе, и где бы ты тогда ни был, ты должен будешь откликнуться на мой зов. Я пошлю за тобой двух посланцев, и ты сразу узнаешь, что они не из вашего мира... А теперь до свидания, друг мой! Настанет день, когда я тебя позову.

Томас заглянул в темные глаза королевы Фей и понял, что приворожен ею навек. И он с радостью обещал подчиниться ее приказу — откликнуться, когда она его позовет. Но вдруг его одолела дремота, и он крепко уснул.

Проснулся он в густой тени могучего дерева, что росло на берегу Хантли-берна. Он вскочил на ноги и стал растерянно вглядываться в лесные тропинки. Но они были безлюдны. Напрасно он ждал, что опять послышится звон серебряных бубенчиков и колокольчиков. Все было тихо. И тут ему показалось, что он никогда не жил в Стране Фей, а все, что помнил про нее, просто приснилось ему в этот летний вечер.

Однако вместо его лютни под деревом лежала арфа из Страны Фей. «Когда-нибудь я туда вернусь!» — воскликнул он, взял арфу в руки и пошел домой, в Эрсилдун. Ему очень хотелось узнать, что там произошло за семь лет.

Как только он вошел в деревню, какая-то старушка громко вскрикнула в ужасе: она подумала, что он воскрес из мертвых. Ведь все в деревне считали Томаса Лермонта пропавшим без вести.

Вскоре жители Эрсилдуна перестали удивляться тому, что Томас вернулся. Но им пришлось удивиться снова, когда

он стал рассказывать о том, как побывал в Стране Фей. Дети окружали его и взбирались к нему на колени, чтобы послушать о волшебной стране, а старики качали головами и шепотом вспоминали, что Томас Лермонт не первый, кого увлекла за собой королева Фей. Но сколько бы Томас ни рассказывал про свои приключения, он умалчивал о том, что обещал вернуться в Страну Фей, когда его позовут два нездешних посланца.

Каждый день он ожидал, что в нем проявятся дары королевы Фей. Он уже не мог произнести ни слова лжи. Однако Дар Прорицания и Дар Стихотворства в нем еще не пробудились.

Но вот как-то раз все жители деревни собрались вместе, чтобы подумать, как им избежать беду. Во всей округе тогда начался падеж скота от чумы, и жители Эрсилдуна боялись за свои стада.

И тут какая-то невидимая сила заставила Томаса Лермонта вскочить на ноги. Слова сами собой полились из его уст, и он предсказал, что в Эрсилдуне и его окрестностях ни одна скотина не заболит чумой. Пока он говорил, лицо у него было такое вдохновенное, что деревенские жители смотрели на него с благоговейным трепетом и, как ни странно, поверили ему сразу.

Томас сказал правду — ни одно животное в деревне не заболело чумой.

С тех пор Томас Лермонт начал пророчествовать, и нередко — в стихах. Люди легко запоминали его стихи и передавали их из уст в уста. Предсказания Томаса сбывались, и молва о нем пронеслась по всей Шотландии.

Вот некоторые из его пророчеств.

Он предсказал битву при Баннокберне таким двустишием:

В Бредском ручье тогда
Алой станет вода.

И в самом деле: в страшный день этой битвы воды Баннокберна покраснели от крови побежденных англичан.

Томас Лермонт предсказал также объединение Англии и Шотландии под властью того, кто был сыном французской королевы, но в чьих жилах текла кровь шотландца Брюса:

Когда королева французов сына родит,
Британию он от морей до морей покорит,
Потомкам его подчинятся шотландец и бритт.

Это произошло в 1603 году, когда король Яков, сын Марии, королевы Шотландской, стал королем Англии и Шотландии.

Одно из своих замечательных предсказаний Томас Лермонт произнес 18 марта 1285 года, когда царствовал Александр III, один из самых славных и мудрых королей Шотландии. В этот день за Томасом послал граф Марч и спросил его:

— Какая погода будет завтра?

— Завтра перед полднем забушует буря, какой еще не видывала Шотландия, — ответил Томас.

Наутро день выдался тихий и ясный. Граф снова послал за Томасом.

— Ты предсказывал, что сегодня будет буря. Почему же ее нет? — с упреком спросил он.

— Полдень еще не настал, — спокойно ответил Томас.

И вдруг в комнату ворвался человек с криком: «Король умер!» Оказалось, что король ехал верхом по крутой горной дороге, упал с коня и расшибся насмерть.

— Вот теперь в Шотландии забушует великая буря, — сказал Томас Лермонт.

Действительно, когда разнеслась скорбная весть, все стали оплакивать доброго короля. А потом в стране настало смутное время, и продолжалось оно много лет.

В другой раз Томас предсказал:

Пока акации древо стоит,
Эрсилдуи земли свои сохранит.

Так оно и было. В тот год, когда акация, что росла в Эрсилдуне, рухнула на землю, все тамошние торговцы разорились, и селение вскоре лишилось последнего клочка общинной земли.

А два предсказания Томаса еще не исполнились. Одно из них гласит:

Когда Коровы Гаури на сушу перейдут,
Тогда не за горами будет Страшный суд.

Надо сказать, что «Коровы Гаури» — это два валуна. Они стоят в узком заливе Тэй, ниже границы прилива, близ Айвергаури. Говорят, будто они приближаются к суше со скоростью одного дюйма в год.

Другое предсказание:

Йорк был, Лондон есть, Эдинбург станет
Лучшим из трех, когда время настанет.

Не мудрено, что слава о Томасе Стихотворце разлетелась по всей Шотландии. К нему стали съезжаться богатые лорды и графы. Они щедро вознаграждали Томаса за его прорицания и дивились его необычайному дару.

Сам он тоже ездил по всей стране и встречался со многими людьми, но Эрсилдуна не покинул. На деньги, полученные в награду за предсказания, Томас Лермонт построил в Эрсилдуне замок и жил там много лет.

Однако, как ни был Томас богат и славен, он не чувствовал себя вполне счастливым. Люди читали в его глазах какую-то странную тоску. Казалось, он не мог позабыть о не-земном мире фей.

Так прошло четырнадцать лет. Началась война между Англией и Шотландией, и наступил день, когда шотландское войско стало на отдых на берегах реки Твид, неподалеку от Эрсилдунского замка.

Томас Лермонт каждый год задавал большой пир в своем замке и сзывал на него окрестных жителей. Вот и теперь он задал пир и пригласил на него всех полководцев шотландского воинства.

Этот пир люди помнили долго.

Волянички играли на волянках, гости лихо плясали и веселились до упаду, зал оглашали ликующие клики. Столы ломались от яств, и пенный эль рекой лился в чары. И вот наконец Томас Стихотворец, владелец Эрсилдунского замка, заиграл на своей неземной арфе.

Гости, затаив дыхание, слушали эти волшебные звуки. Но вдруг в зал вбежал слуга, и лицо у него было такое, что Томас сразу же поднялся с места. Наступила полная тишина, и вбежавший сказал:

— Господин мой, я сейчас видел нечто весьма странное. Два белоснежных оленя, самец и самка, вышли из дальнего леса и сейчас идут по улице.

Это и вправду была странная новость. Ведь ни один зверь из тех, что водились в дальнем лесу, за холмом, ни разу не отважился выйти из-под деревьев хотя бы на опушку. Да и кто когда видел белоснежных оленей?

Гости во главе с хозяином вышли из замка и увидели при лунном свете, что к ним идут два оленя — самка и самец. Не пугаясь собравшейся толпы, они медленно приближались. И Томас понял, что животные эти — не из мира смертных.

— Это зов, — тихо молвил он, — зов королевы Фей. Долго я его ждал и наконец услышал!

Счастье наполнило его душу. Он отделился от толпы и пошел навстречу оленям. И как только он к ним приблизился, они остановились, словно приветствуя его.

И вот люди увидели, как Томас пошел по улице в сторону леса с одним оленем по правую руку и с другим по левую. Вскоре все трое подошли к крутому берегу разлившейся речки Лидер и скрылись в ее бурлящих водах.

Так Томас Лермонт Стихотворец навеки покинул Эрсилдун.

Его долго искали, но не нашли. И люди по сей день верят, что белоснежные олени были посланы королевой Фей за Томасом и он вместе с ними ушел в Страну Фей.

2. КЕНОНБИ ДИК И ТОМАС ИЗ ЭРСИЛДУНА

Много лет назад жил-был один барышник, торговец лошадами. Он жил на юге Шотландии, близ границы с Англией, неподалеку от Лонгтауна. Звали его Кенонби Дик. Он всю жизнь разъезжал по стране с табунами. На одной ярмарке покупал лошадей, на другой продавал и наживал на этом немалые деньги.

Человек он был не робкого десятка, и напугать его было нелегко. Люди даже говорили, что уж если Кенонби Дик на что-то не отважился, так на это никто не решится.

Как-то раз вечером он возвращался домой с ярмарки и вел за собой в поводу пару лошадей, — продать их ему не удалось. И вот случилось ему проехать по Боуденской

пустоши, что лежит к западу от Элдонских холмов. Как все знают, об этих холмах не раз упоминал Томас Лермонт Стихотворец в своих самых известных пророчествах. А еще говорят, будто там покоятся король Артур и его рыцари. Покоятся они под тремя холмами в ожидании таинственного зова, который должен их пробудить.

Но барышник, конечно, не думал ни о короле Артуре с его рыцарями, ни о Томасе Стихотворце, — ему до них не было никакого дела. Он ехал шагом, вспоминая о том, как утром торговал на ярмарке, и раздумывая, кому бы сбыть своих непроданных лошадей.

Но вдруг он отвлекся от своих мыслей — навстречу ему шел почтенный седовласый старец в старинной одежде. И так неожиданно он появился, словно из-под земли вырос.

Когда они поравнялись, старец, к великому удивлению Кенонби Дика, спросил, за сколько он согласится продать своих двух лошадей.

Хитрый барышник, оглядев старца, смекнул, что он человек не бедный, и в надежде на выгодную сделку назвал высокую цену.

Старец начал с ним торговаться, но вскоре понял, что это бесполезно. Кенонби Дик ни разу в жизни не поддался на уговоры покупателей и не уступил лошади дешевле той цены, какую назначил сам. Наконец старец согласился купить обеих лошадей. Он порылся в кармане своих штанов, скроенных как-то по-чуждому, вынул кошелек, набитый золотом, и принялся отсчитывать деньги.

Тут Кенонби Дик удивился еще больше, — старец протянул ему золотые монеты, но не такие, какие тогда были в ходу, а очень старинные. На одних было выбито изображение единорога, на других — голова короля в шапке. Таких монет теперь не принимали, но они все же были вычеканены из чистого золота, и барышник взял их охотно. К тому же он продал старцу лошадей вдвое дороже, чем они

стоили. «Нет, на этой сделке я ничего не потеряю», — подумал он.

Наконец они расстались, и на прощанье старец поручил Дикю привести ему еще лошадей, таких же хороших и за ту же цену, но с одним условием: Дик должен всякий раз приводить лошадей на это же самое место и обязательно поздно вечером, когда совсем стемнеет. Приезжать он должен один, без спутников.

Шло время, и барышник думал, что наконец-то ему попался покладистый покупатель. Всякий раз, как ему случилось купить хорошую лошадь, он приводил ее поздно вечером на Боуденскую пустошь, когда было уже совсем темно. Тут к нему навстречу выходил седовласый незнакомец, покупал лошадь и платил за нее старинными золотыми монетами.

Пожалуй, барышник и до сего дня продавал бы лошадей старцу, если бы сам не оплошал.

Кенонби Дик любил выпить. Его постоянные покупатели это знали и всегда ставили ему угощение. Но старец ни разу его не угостил. Он только платил деньги и уводил купленных лошадей.

И вот как-то раз Дикю пуше прежнего захотелось выпить. А он догадывался, что таинственный покупатель живет где-то поблизости, — ведь он вечно бродит по горам, когда все люди спят. И вот, продав лошадь старцу, Кенонби Дик намекнул, что не худо бы, мол, «пойти нам к тебе домой и маленько подкрепиться».

— Только смельчак отважится проситься ко мне в гости, — отозвался на это старец. — Но, коли хочешь, пойдем со мной. Только помни: если ты оробеешь, потом весь век будешь каяться, что пошел.

На это Кенонби Дик только расхохотался.

— Да я еще ни разу в жизни не сробел, — вскричал он, — и черт меня подери, если я чего-нибудь испугаюсь теперь! Показывай дорогу, старик! Я пойду за тобой следом.

Старец, не ответив ни слова, начал подниматься по узкой тропинке на пригорок довольно странного вида. Издали он напоминал зайца, и потому люди прозвали его «Заячьим холмом».

Говорили, будто на этом пригорке собираются ведьмы, и ночью никто не решался проходить мимо него. Но Кенонби Дик не боялся ведьм и смело шагал в гору вслед за своим проводником. Впрочем, надо сказать, что он немного смутился, когда старец вдруг повернул ко входу в какую-то пещеру. Это тем более удивило барышника, что раньше он не видел никакой пещеры на этом склоне.

Он остановился и в недоумении оглянулся кругом, спрашивая себя, куда же ведет его старец. А тот с упрёком поглядывал на него.

— Можешь повернуть назад, — сказал старец. — Я тебя предупреждал, что ты пускаешься в очень опасный путь, навстречу тяжчайшему испытанию твоей смелости.

В голосе его звучала насмешка, и это задело Дика за живое.

— А кто говорит, что мне страшно? — возразил он. — Просто я хотел запомнить это место, чтобы в другой раз найти пещеру.

Незнакомец только пожал плечами.

— Найдешь, если пожелаешь прийти сюда опять, — сказал он.

И он вошел в пещеру, а Дик следовал за ним по пятам.

Первые два-три шага они сделали в непроглядной тьме, и барышник, пожалуй, отстал бы от своего проводника, если бы тот не протянул ему руку. Но вскоре впереди забрезжил слабый свет. Он становился все ярче и ярче, и наконец спутники очутились в огромном подземелье. Его тускло освещали пылающие факелы, вставленные в щели каменных стен. Света хватало лишь на то, чтобы различить окружающие предметы, но они отбрасывали на пол такие темные тени,

что чудилось, будто от них еще больше сгущается полумрак, царивший в обширной пещере.

Всего удивительным было то, что вдоль одной из стен здесь тянулся длинный ряд денников, точь-в-точь как в конюшнях, и в каждом деннике стоял вороной конь, взнузданный и под седлом, словно готовый к бою. А на соломе у ног каждого коня лежал его хозяин — могучий рыцарь в черных как уголь доспехах, с обнаженным мечом в руке, зашищенной железной наручью.

Но ни один конь не шевелился, ни одна цепь не гремела. Рыцари и кони были одинаково безмолвны и недвижны. Казалось, будто их околдовали и превратили в изваяния из черного мрамора.

В этих безжизненных, оцепенелых конях и людях и в этом гнетущем безмолвии было что-то до того жуткое, что как ни смел был Кенонби Дик, мужество ему изменило и колени его задрожали.

Однако он последовал за старцем в дальний конец подземелья. Там стоял стол старинной работы, а на нем лежали сверкающий меч и рядом — охотничий рог, украшенный диковинными узорами.

Когда они подошли к столу, старец повернулся к Кенонби Дик и торжественно проговорил:

— Ты, наверное, слышал, добрый человек, про Томаса Лермонта из Эрсилдуна. Люди прозвали его «Томас Стихотворец». Он одно время жил у королевы Страны Фей и получил от нее Дар Правдивости и Дар Прорицания.

Кенонби Дик только кивнул, — язык прилип у него к гортани и сердце упало, когда он услышал имя прославленного прорицателя. Ведь он знал, что, если судьба свела его с Томасом Стихотворцем, значит, не миновать ему встречи с грозными Силами Тьмы.

— Я, говорящий с тобою, и есть тот самый Томас Лермонт из Эрсилдуна, — продолжал седовласый старец. —

А следовать сюда за мной я позволил тебе потому, что хотел узнать, из какого ты теста вылеплен. Вот перед тобой лежат рог и меч. Тот, кто затрубит в этот рог или обнажит этот меч, станет, если только не испугается, королем всей Британии. Так сказал я, Томас Стихотворец, а ты знаешь, что с уст моих не может слететь ложь. Что до тебя, все зависит от твоей храбрости. И задача твоя будет легкой или тяжелой смотря по тому, что ты возьмешь в руку раньше — меч или рог.

Надо сказать, что Кенонби Дик больше привык орудовать кулаками, чем играть на музыкальных инструментах, поэтому он сначала решил было взять меч. Думал: «Что бы ни случилось, а в руке у меня будет чем защищаться». Но только он протянул руку к мечу, как ему пришло в голову, что если пещера полна духов, — в чем он не сомневался, — то они примут это как вызов на бой и всем скопом кинутся на него.

И вот он дрожащей рукой взял рог и затрубил, но до того тихо, что трубные звуки вряд ли донеслись до другого конца пещеры.

Однако в ней сразу же началось такое, что содрогнулся бы и храбрейший из храбрых. По огромному подземелью прокатились раскаты грома; зачарованные рыцари и их кони внезапно пробудились от своего колдовского сна. Рыцари вскочили на ноги, схватили свои мечи и угрожающе размахивали ими, а огромные воронные кони били копытами об пол, фыркали и грызли удила, словно стремясь вырваться из дешиков. В пещере, где лишь минуту назад царило безмолвие, поднялся дикий шум и переполох.

Теперь пришла пора Кенонби Дик у показать, что он храбрец, и если бы это ему удалось, жизнь его пошла бы иным путем.

Но он потерял мужество и тем упустил свое счастье. Рыцари смотрели на него так грозно, что он в ужасе выронил рог и перешительно потянулся к мечу.

Но он даже не дотронулся до него — чей-то таинственный голос зазвучал в подземелье, и послышались следующие слова:

Погибнет трус, который сгоряча
Хватает рог, не обнажив меча!

И Дик не успел опомниться, как в пещеру ворвался резкий холодный вихрь, подхватил его, понес к узкому проходу и вышвырнул вон на каменную осыпь.

Кенонби Дик покатию вниз по осыпи, и наутро пастухи нашли его под горой, уже почти бездыханного. Сил у него хватило лишь на то, чтобы рассказать им, какое страшное приключение привело его к гибели.

1. МОРЕГ И ВОДЯНОЙ КОНЬ

Когда наступают теплые дни и папоротник темнеет под летним солнцем, горцы-фермеры, по древнему обычаю, ведут стада в горы, на летние пастбища. Там они отпирают двери своих летних хижин и живут в них, пока не придет пора возвращаться домой.

Много лет назад жил-был один фермер по имени Доналд Мак-Грегор. Его летник стоял в глухом месте, на склоне горы, у подножия которой лежало большое озеро. Хижина у Доналда Мак-Грегора была маленькая, бедная, и вокруг нее простиралась поросль вереска, а внизу, под горой, росла пышная трава. Там было богатое пастбище для его скота. Однако люди не завидовали Мак-Грегору. Больше того, они с осуждением покачивали головами и говорили ему, что напрасно он построил себе хижину в таком месте. А по вечерам, когда уже темнело, ни один человек не отваживался даже ступить на тропку, что к ней вела. Ведь все знали, что в глубинах большого озера обитает страшное чудище — Водяной Конь — и оно рыщет по окрестным горам.

Никто не знал, какое оно, это чудище. Те, кому случалось увидеть, как страшилище поднимается из темных вод озера, умерли от страха и ничего не смогли рассказать про него. Когда же чудище рыскало по горам, оно принимало разные обличья и являлось то в виде старухи, то в виде черного ворона, то в виде лисицы с хитрыми глазами. А в своем настоящем виде оно появлялось, только когда подкрадывалось к добыче, чтобы схватить ее и безжалостно растерзать.

Ходили слухи, что Водяной Конь громаден и черен, что на чудовищной его голове торчат два острых сатанинских рога, а когда он мчится по вереску, его не догонит и ветер.

Много ходило рассказов про это страшилище, и каждый год оно губило новые жертвы. Но, наперекор всему, Доналд Мак-Грегор не слушал соседей, когда они говорили, что опасно-де жить так близко от озера. Ему советовали перенести его летник на другой берег того ручья, что протекал неподалеку. Ведь известно было, что Водяной Конь не может перешагнуть через текучую воду, а значит, ему недоступна вся местность за ручьем. Но на все уговоры Доналд Мак-Грегор отвечал, что хочет пасти свой скот на самом

лучшем пастбище, а самое лучшее пастбище как раз на берегу озера.

— Что до Водяного Коня, — говорил он, — то я поверю в него не раньше, чем встречу с ним.

Когда же ему напоминали о злополучных жертвах чудища, он возражал:

— Если эти люди пропали без вести, значит, они слишком загостились у соседей. Возвращались домой под хмельком, споткнулись где-нибудь в темноте, ну и свалились в пропасть.

Но в конце концов пришлось ему признать, что он был неправ, и вот как это случилось.

У Доналда Мак-Грегора была дочь Морега, и отец нежно любил ее. Каждый год она уходила вместе с ним на летние пастбища и все длинные светлые дни просиживала у порога хижины за прялкой. Когда же наступали сумерки и лиловые тени на вереске сгущались, девушка спускалась на берег озера и сзывала свое стадо. Она босиком бежала с горы, уговаривая себя, что бояться нечего, — ведь отец не раз говорил ей, что ничего страшного тут нет. Но все-таки дрожь пробегала у нее по телу, когда она смотрела на темные воды озера, лизавшие травянистые берега, и опасно вглядывалась в тени прибрежных рябин. Но домой она всегда возвращалась благополучно. А днем все ее страхи пропадали. Она даже пела песни, когда сидела на солнышке за прялкой.

Как-то раз ясным утром, когда Морега беззаботно вертела колесо своей прялки, перед нею вдруг возникло что-то темное и заслонило от нее солнце. Девушка оборвала песню и вскрикнула.

— Я не хотел тебя пугать! — послышался ласковый голос.

Морега подняла глаза и увидела, что перед нею стоит молодой человек, высокий, красивый, широкоплечий и, должно

быть, очень сильный. Но он казался каким-то странным. Волосы и одежда у него были темные и такие мокрые, что с них вода капала.

— Как это ты ухитрился так вымокнуть? — спросила его Морега. — Ведь на небе — ни облачка!

— Да вот шел я по берегу одного озера, высоко в горах, — не долго думая, отвечал молодой человек, — поскользнулся и упал в воду. Ничего, на солнышке я скоро обсохну.

Он сел на землю у ног Мореги и принялся болтать с нею, да так весело, что она даже перестала прясть. Однако, несмотря на его любезное обхождение, и ласковые речи, и нежные взгляды, было в нем что-то странное, и Морега это чувствовала, но старалась об этом не думать.

Но вот солнце озарило голову молодого человека, и он запустил руки в свои мокрые кудри.

— Положи голову ко мне на колени, — сказала Морега, — я приглажу тебе волосы.

Молодой человек положил голову на колени Мореги, и она принялась осторожно расчесывать гребенкой его темные кудри. Но вдруг замерла в ужасе.

Она увидела, что между зубьев гребенки застряли тонкие зеленые водоросли и тина. Они были ей хорошо знакомы — точно такие же водоросли и тина запутывались в сетях ее отца, когда он ловил рыбу в большом озере под горой. И вот теперь они оказались в волосах незнакомца.

«Полно, да разве он человек? — подумала Морега. — Нет, это страшный Водяной Конь. Вышел из подводного логова и прикинулся молодым красавцем, чтобы зачаровать и погубить меня».

Тут Водяной Конь заметил ужас в глазах девушки. А Морега со страшным криком столкнула с колен темнокудрую голову, вскочила, опрокинув прялку, и бросилась бежать. Не помня себя она бежала вниз по крутому склону, а за нею,

страшная при свете солнца, гналась огромная тень. И тень эта была темнее самых глубоких вод большого озера.

Но Морега оказалась счастливей других жертв Водяного Коя. Ему не удалось догнать девушку — она успела добежать до ручейка, что журчал близ озера. И как только перепрыгнула через текучую воду, опасность миновала.

С тех пор ни один человек не переступал порога белой хижины, что стояла на горном склоне, над колдовским озером. Не заходил в нее и сам хозяин — Доналд Мак-Грегор. Он так напугался, когда дочь его чуть не погибла, что с того дня уже не высмеивал рассказов про Водяного Коя.

А развалины белой хижины до сих пор стоят в чаще кудрявого папоротника.

2. АССИПАТЛ И ВЛАДЫКА МОРСКОЙ ЗМЕИ

Давным-давно жил-был на севере Шотландии один зажиточный фермер. У него было семеро сыновей и одна дочь. И младшему сыну люди дали очень странное прозвище — его прозвали Ассипатл, что значит: «Тот, кто валяется в золе».

Пожалуй, Ассипатл заслужил эту кличку. Мальчишка он был ленивый — не хотел работать на ферме, как работали

его братья. Целый день где-то носился, оборванный, нечесаный, и на уме у него были только тролли да великаны, эльфы да гномы.

В длинные летние дни, когда припекало солнце, когда пчелы жужжали, навевая дремоту, и даже крошечные насекомые двигались, словно во сне, мальчик укладывался на кучу золы во дворе фермы. Там он лежал часами, пересыпал золу между пальцами, как песок на морском берегу, грелся на солнышке и сам себе рассказывал сказки.

А братья его тем временем усердно работали в поле. Они показывали пальцами на Ассипатла, смеялись над ним и говорили друг другу, что люди недаром прозвали его — «Тот, кто валяется в золе». Совсем никудышный малый!

Когда старшие братья возвращались домой с работы, они гоняли младшего по поручениям и дразнили его, а мать заставляла его подметать полы, носить торф из торфяной кучи и воду из колодца и вообще выполнять такую работу, за которую никто другой не хотел браться.

Тяжело жилось Ассипатлу. Частенько ему приходилось бы совсем туго, если бы не сестра. Она его очень любила и терпеливо слушала его рассказы. И она никогда не смеялась над ним, не говорила, как братья, что он «все врет».

Но вот пришла беда. По крайней мере — для несчастного Ассипатла.

У короля той страны, где жила семья фермера, была только одна дочь — принцесса Джемделавли. Отец горячо любил ее и ни в чем ей не отказывал. Случилось так, что принцессе Джемделавли понадобилась прислужница. Однажды принцесса ехала верхом мимо фермы и увидела сестру Ассипатла, когда та стояла у калитки. Девушка понравилась принцессе, и она попросила отца взять ее в услужение.

Король согласился сразу — он выполнял все желания дочери. Вскоре на ферму примчался вестник и передал фермеру приказание короля отпустить дочь во дворец.

Фермер очень обрадовался, что дочери его выпало такое счастье. Обрадовались и мать ее, и шестеро братьев — словом, все домоладцы, кроме Ассипатла. А он с грустью смотрел вслед сестре, когда та уезжала верхом на коне, гордясь своим новым нарядом и башмачками. Эти башмачки отец сам ей сшил из коровьей кожи, чтобы она носила их, когда придет во дворец и начнет служить принцессе, — дома-то она всегда бегала босиком.

Шло время, и вот однажды королевский гонец проскакал во весь опор по стране со страшной вестью. Накануне вечером какие-то рыбаки, что выехали на лодках в море, завидели издали Местера Стуруорма, а все знают, что это — самый большой, самый главный и самый прославленный из всех Морских Змеев. В Писании он назван «Левинафаном», и живи он в наши дни, хвост его протянулся бы до Исландии, в то время как морда касалась бы Нордкапа.

Рыбаки видели, как страшное чудовище повернуло морду к берегу и то и дело открывало пасть и зловеще зевало. Оно словно хотело показать, что проголодалось, и если его не накормят, оно погубит всех на земле — человека и зверя, птицу и ползучих тварей.

Все знали, что дыхание Змея отравлено ядом и как огнем опалает все, на что он дышит. Вздумай это страшное чудовище поднять голову и дохнуть губительным паром на сушу, цветущая страна через несколько недель превратилась бы в пустыню.

Когда разнеслась эта весть, люди помертвели от ужаса — ведь они знали, какая великая беда им грозит. Король созвал всех своих советников и попросил их придумать, как помочь горю.

Целых три дня совещались эти важные бородатые мужи. Многие они предложили, много мудрых суждений высказали, но — увы! — так и не смогли придумать, как прогнать Морского Змея.

Наконец к вечеру третьего дня, когда все уже перестали надеяться на спасение, дверь в палату совещаний открылась, и вошла королева.

Надо сказать, что королева была вторая жена короля. В народе ее не любили, потому что она была женщина надменная и резкая. Падчерицу свою, принцессу Джемделавли, она ненавидела, а с мужем своим, королем, беседовала гораздо реже, чем с одним знаменитым волшебником, которого все боялись.

Степенные советники неодобрительно посмотрели на королеву, когда она смело вошла в палату совещаний, стала у трона и заговорила громким голосом:

— Вы думаете, старейшины, что вы храбры и сильны и способны защищать народ. Может, и так, когда вам придется бороться со смертными. Но тот враг, что теперь угрожает нашей стране, вам не по плечу. Перед ним ваше оружие все равно что солома. Не силою рук можно его победить, а колдовством. Итак, послушайте мои слова, хоть я и женщина. Посоветуйтесь с великим волшебником. От него ничто не скрыто. Он знает все тайны земли, воздуха и моря.

Ни королю, ни его приближенным этот совет не понравился. Волшебника они ненавидели. И к тому же им было известно, что королева в его власти. Но ведь сами они ничего не могли придумать и не знали, где искать помощи. Вот и пришлось им волей-неволей послушаться королевы и послать за колдуном.

Когда же он явился на зов и сел среди них, им стало не по себе. Это был длинный, тощий, страшный человек; борода его свисала до колен, волосы окутывали его, словно плащом, а лицо у него было блее извести. Казалось, он боялся солнца и всю жизнь просидел в темноте.

Советники и король смотрели на него косо. Но ведь никто другой не мог им помочь. Поэтому они рассказали ему все и попросили у него совета и помощи. Колдун холодно

ответил, что подумает, а завтра снова придет в палату совещаний и скажет, что надо делать.

На другой день он пришел и подал такой совет, что волось у всех стали дыбом от ужаса.

— Только одним можно умиловить Великого Змея и спасти страну, — сказал волшебник. — Надо каждую субботу бросать ему на съедение семерых молодых девушек, самых красивых. Попробуйте сделать это два-три раза, и если Морской Змей не смилуете и не уплывет прочь, тогда придется прибегнуть к другому, уже последнему средству. Но оно так ужасно, что пока не стоит о нем говорить, чтобы не пугать людей раньше времени.

Что было делать королю и советникам? Они и ненавидели волшебника, и боялись его. Но как ни тяжело им было, пришлось его послушаться. И король поневоле издал жестокий указ.

И вот каждую субботу королевские слуги хватали семерых прекрасных, ни в чем не повинных девушек, приносили их на берег, связанных по рукам и ногам, и оставляли одних на утесе, что вдавался в море. Чудовище протягивало свой длинный раздвоенный язык и слизывало девушек себе в пасть, а народ в ужасе смотрел на это с вершины высокого холма. Вернее — мужчины смотрели с каменными лицами, а женщины закрывались передниками и громко рыдали.

— Неужто нет никакого другого средства?! — кричали они. — Неужто нельзя спасти страну как-нибудь иначе?

Но мужчины только стонали и качали головой.

— Нет другого средства, — говорили они, — нет!

И вот как-то раз негодующий детский голос прозвучал в толпе:

— Разве нет среди вас взрослого мужчины, готового сразиться с чудовищем, убить его и спасти жизнь девушкам? Если нет, за это возьмусь я. Я не боюсь Местера Стурорма.

Это крикнул мальчик Ассипатл, и все удивленно оглянулись на него. А он смотрел на громадного Морского Змея, гневно сжав кулаки, и его большие голубые глаза сверкали, полные жалости и возмущения.

— Бедный малый с ума сошел! Разум у него помутился от этого зрелища, — перешептывались люди.

Они окружили мальчика, чтобы приласкать его и успокоить, но тут подошел старший брат Ассипатла и отвесил ему оплеуху.

— Тебе сражаться с Морским Змеем! — презрительно крикнул он. — Как бы не так! Ступай домой, заройся в свою золу и перестань болтать чушь.

Он схватил Ассипатла и потащил к братьям, и потом все они пошли домой.

Но Ассипатл все время твердил, что убьет Морского Змея, а старшие братья до того рассердились на «хвастунишку», что принялись бросать в него камнями, и мальчику пришлось спасаться бегством.

В тот же вечер шестеро братьев молотили рожь в риге, Ассипатл, как всегда, лежал в золе и думал свою думу, пока не пришла его мать и не приказала ему сбежать к братьям и позвать их ужинать.

Ассипатл встал, — он ведь был довольно послушный сын. Но едва он вошел в ригу, братья бросились на него, в отместку за то, что он убежал от них днем, сшибли его с ног и так завалили соломой, что, не приди сам фермер узнать, почему они так замешкались, Ассипатл, пожалуй, задохнулся бы.

За ужином мать стала бранить старших сыновей. Она говорила, что только трусы набрасываются всем скопом на того, кто моложе и меньше их. Тут Ассипатл перестал есть овсянку, поднял глаза и сказал:

— Не огорчайся, мать! Я сам не хотел с ними драться. А захотел бы, так всех бы отколотил.

— Почему ж ты не попробовал? — закричали братья.

— Потому что не хочу попусту тратить силы. Они мне понадобятся, когда я пойду сражаться с громадиной Змеем, — спокойно ответил Ассипатл.

Тут уж все его родные захотели пуще прежнего.

А время все шло. Каждую субботу семерых девушек бросали чудищу на съедение. И наконец в народе заговорили, что пора с этим покончить, а не то в стране не останется ни одной девушки.

Король опять созвал своих старейшин. Они долго совещались и решили, что надо еще раз послать за волшебником и спросить у него, какое другое, последнее, средство он знает.

— Что бы это ни было, — говорили старейшины, — хуже, чем мы поступаем теперь, поступить нельзя.

Но они не знали, чем грозит новое средство.

Надо сказать, что жестокая королева ненавидела свою падчерицу, принцессу Жемделавли, и злому волшебнику это было известно. Знал он и то, что королева не прочь совсем избавиться от падчерицы; вот он и придумал, как ему угодить королеве. Он явился на совещание, притворяясь очень огорченным, и сказал, что остается сделать только одно: отдать принцессу Жемделавли Морскому Змею. Тогда уж он наверное уйдет.

Как только он это сказал, зловещая тишина наступила в палате совещаний. Все закрыли себе лица руками, потому что никто не решался взглянуть на короля.

Король нежно любил свою дочь и берег ее как зеницу ока. Но он был справедлив и понимал, что нельзя щадить свое родное дитя, когда заставляешь других отцов жертвовать дочерьми ради спасения родины.

Он пошел к принцессе и поговорил с нею. Потом вернулся к старейшинам и дрожащим голосом объявил, что и он сам, и его дочь готовы на жертву.

— Она мое единственное детище, — сказал король, — она последняя в нашем роду. Однако оба мы полагаем, что ей нужно отдать жизнь ради спасения родной страны.

Соленые слезы потекли по щекам суровых бородатых мужей, когда они выслушали короля. Ведь все они знали, как ему дорога принцесса Жемделавли. Однако они нашли, что слова короля — это мудрые слова и что решение он принял верное и справедливое. Конечно, лучше погибнуть одной девушке, хоть она и королевской крови, чем толпам других девушек погибать неделя за неделей и — без всякой пользы.

Тяжело вздыхали советники. И вот престарелый законник, глава Королевского совета, встал, чтобы произнести смертный приговор принцессе. Но он еще не успел вымолвить ни слова, как вдруг выступил вперед королевский оруженосец.

— Природа учит нас, что у каждого гада есть хвост, — сказал он. — Сейчас наш законник произнесет приговор, а приговор этот поистине ядовитый гад. Значит, у него должен быть хвост. И вот какой хвост: если Владыка Морской Змей поглотит принцессу, но не удалится немедленно, следует угостить его уже не девушкой, нежной и юной, а вот этим тощим, жестким, старым колдуном!

Не успел он это сказать, как раздались столь громкие возгласы одобрения, что злой волшебник весь съежился и его бледное лицо помертвело.

И вот приговор произнесли, но было решено, что его приведут в исполнение только через три недели, чтобы за это время король разослал своих послов во все соседние королевства. Послы должны были объявить, что любой храбрец, который сможет прогнать чудище и спасти принцессу, получит ее в жены. А в приданое за нею ему дадут все королевство и, кроме того, прославленный королевский меч, что в древности принадлежал скандинавскому богу Одину.

Этим мечом Один сражался и побеждал всех своих врагов. Меч назывался «Сиккерсеншер», что значит «Верноразящий», и ни один человек не мог устоять против него.

Слухи об этих решениях разнеслись по всей стране, и каждый человек в ней оплакивал принцессу Джемделавли, — ведь ей грозила такая страшная гибель! Оплакивали ее и фермер, отец Ассипатла, и его жена, и шестеро их сыновей — словом, все домочадцы, кроме самого Ассипатла. А он сидел на куче золы и молчал.

Когда же в соседних королевствах узнали про воззвание короля, все молодые храбрецы встрепетались. Им казалось, что убить морское чудовище не так уж трудно, а прекрасную жену, цветущее королевство и добрый меч найдешь не каждый день.

И вот тридцать шесть воинов прибыли в королевский дворец, и каждый твердо надеялся получить обещанную награду.

Но король послал их всех посмотреть на громадного Змея, что лежал в море, разевая необъятную пасть. И когда воины увидели его, двенадцать человек из них внезапно заперемогли, а двенадцать так испугались, что пустились бежать без оглядки и ни разу не остановились, пока не добрались до своих родных мест. Итак, лишь двенадцать из тридцати шести храбрецов вернулись в королевский дворец, но и эти до того приуныли, когда поняли, какой подвиг взяли на себя, что храбрости их как не бывало. Ни один даже не попытался убить Морского Змея.

Три недели прошли медленно. И вот наступил вечер накануне того дня, когда должны были принести в жертву принцессу. В тот вечер король решил хоть немного развлечь своих гостей и устроил торжественный ужин.

Невеселый это был пир — все только и думали о том, какое страшное дело должно свершиться завтра, и никто не мог ни есть, ни пить.

А когда ужин кончился и все отошли ко сну, кроме короля и его старого оруженосца, король вернулся в главный зал и медленно взлез на свой трон, стоявший на высоком помосте. Этот трон был непохож на теперешние: это был просто огромный ларь, и в нем король хранил все самые дорогие свои сокровища.

Дрожащими руками отодвинул старый король железные засовы, поднял крышку ларя и вынул чудесный меч Верноразящий, тот, что некогда принадлежал богу Одину.

Преданный оруженосец когда-то бился плечом к плечу с королем в сотнях битв и теперь смотрел на него с великим состраданием.

— Зачем ты вынул свой меч? — тихо спросил он. — Ведь для тебя дни битв миновали. Ты доблестно сражался, господин мой, когда рука твоя была сильной и верной. Но когда воину восемь десятков лет, да еще шестнадцать, как исполнилось тебе, пора ему посылать в бой других людей, помоложе.

Старый король в гневе повернулся к нему, и глаза его загорелись, как в былые дни.

— Замолчи! — крикнул он. — Не то я подниму свой меч на тебя. Неужто ты думаешь, что я отдам на съедение чудовищу свою единственную дочь, а сам и пальцем не пошевелишу, чтобы ее спасти, когда никто другой за это не берет? Говорю тебе, нет, — клянусь на этом мече, — я он скрестил большие пальцы обеих рук на Верноразящем, — что и меч и я, мы погибнем, прежде чем хоть волос упадет с головы моей дочери. Итак, ступай, мой старый товарищ, прикажи приготовить мою ладью, поставить на ней паруса и повернуть ее носом к морю. Я сам пойду сражаться с Морским Змеем. А если я не вернусь, поручаю тебе защищать мою возлюбленную дочь. Гибель моя, может статься, спасет жизнь ей.

В тот вечер на ферме родителей Ассипатла люди улеглись спать рано, — наутро все домохозяды собирались подняться на вершину холма у моря, чтобы увидеть, как Морской Змей поглотит принцессу. Все, кроме Ассипатла, — его решили оставить дома стеречь гусей.

Мальчик так огорчился, что не мог спать, — ведь он задумал большое дело! Он ворочался с боку на бок в своем углу на куче золы и вдруг услышал, как его родители разговаривают, лежа на своей широкой кровати. Ассипатл прислушался и понял, что они ссорятся.

— До холма над морем очень уж далеко, — говорила мать Ассипатла. — Боюсь, что пешком мне туда не добраться. *Лучше останусь дома.*

— Ну, нет, — возразил отец. — С какой стати тебе сидеть дома, когда там вся округа соберется? Садись в седло ко мне за спину. Поедем вместе на моей доброй кобыле Быстроножке.

— Не хочется мне, чтобы ты беспокоился — брал меня с собой, — сказала его жена. — А потому не хочется, что, по-моему, ты меня уже не любишь так, как любил раньше.

— Да ты помешалась! — в досаде крикнул фермер. — Почему ты думаешь, что я тебя разлюбил?

— Потому что ты перестал рассказывать мне свои тайны, — ответила фермерша. — Да вот, недалеко ходить, возьмем хоть эту самую Быстроножку. Целых пять лет я умоляла тебя сказать мне, почему, когда ты сам едешь на ней верхом, она летит быстрее ветра, а если кто другой на нее сядет, она тащится, словно убогая старая кляча.

Фермер рассмеялся.

— Я не потому скрывал это от тебя, хозяйка, что мало тебя любил, — сказал он, — а потому, что мало тебе доверял. Ведь бабьи языки болтают без удержу, а я не хотел, чтобы другие люди узнали про мою тайну. Но уж если это тебя огорчает, я, так и быть, скажу тебе все... Слушай! Когда я

хочу остановить Быстроножку, я один раз хлопаю ее по левому боку. Когда хочу, чтобы она бежала, как бегут другие лошади, я два раза хлопаю ее по правому боку. А уж когда мне пужно, чтоб она летела как ветер, я свищу в гусиное горлышко. Но ведь я не знаю, когда мне понадобится, чтобы она летела как ветер, и потому всегда ношу с собой гусиное горлышко в левом кармане куртки.

— Значит, вот как ты управляешься с этой лошадкой, — сказала фермерша, очень довольная, — и вот куда у нас деваются гусиные горлышки! Ну, и хитрец же ты, хозяин! А теперь, когда я про все узнала, можно мне и заснуть.

Ассипатл уже перестал ворочаться с боку на бок в золе. Он тихо сидел в своем уголке, и щеки у него горели, а глаза сверкали.

Мальчик понял, что наконец-то пришел его час.

Он терпеливо ждал, пока не догадался по дыханию родителей, что они заснули. Потом подкрался к отцовской одежде, вытащил гусиное горлышко из кармана куртки и бесшумно выскользнул из дому. А как только выбежал во двор, стрелой помчался на конюшню, оседлал и взнуздal Быстроножку, закинул поводья ей на шею и вывел ее за ворота.

Добрая кобылка не привыкла к Ассипатлу. Она становилась на дыбы, лягалась, рвалась вперед. Но мальчик вспомнил про слова отца и хлопнул ее по левому боку. Быстроножка тотчас стала как вкопанная. Ассипатл вскопал на нее, хлопнул ее два раза по правому боку, и добрая лошадь с громким ржанием побежала рысью.

Топот ее копыт в ночной тишине поднял на ноги весь дом. Фермер и шестеро его сыновей, спотыкаясь, помчались вниз по лестнице, в тревоге крича друг другу, что кто-то, должно быть, увел Быстроножку.

Фермер первый добрался до двери, и когда увидел при свете звезд, как убегает его любимая лошадь, заорал во весь голос:

— Вор! Вор! Держи вора! Тпру, Быстроножка, тпру!

Быстроножка услышала голос хозяина и сразу остановилась. «Ну, я пропал!» — подумал Ассипатл. Ведь он знал, что его отец и братья бегают быстро и вот-вот подбегут к нему. А Быстроножка — ни с места! Но, к счастью, он вспомнил про гусиное горлышко. Вынул его из кармана и свистнул. Резвая кобыла тотчас же рванулась вперед, помчалась быстро, как ветер, и одним скачком перемахнула через холм. Погоня и десятка шагов пробежать не успела, как осталась далеко позади.

Заря уже занималась, когда мальчик увидел море. Там, впереди, на волнах лежало громадное чудовище, и Ассипатл знал, что должен его убить, — затем он и примчался сюда издалека. Всякий сказал бы, что глупо даже мечтать об этом. Ведь Ассипатл был щуплый, безоружный юнец, а Владыка Морской Змей был так велик, что, как говорили люди, длина его равнялась четверти земной окружности. Язык его был раздвоен на конце и походил на вилы. И этими вилами он мог ухватить все, что хотел, сунуть себе в пасть и сожрать.

Однако Ассипатл не испугался — под его лохмотьями билось сердце героя.

«Ну, брат, теперь берегись! — сказал он себе. — Не хватает силы, выручит хитрость».

Ассипатл соскочил с Быстроножки, привязал добрую лошадь к дереву, а сам пошел пешком, внимательно глядя по сторонам. И вот он заметил на опушке леса небольшой домик.

Дверь его была не заперта. Мальчик вошел и увидел, что старуха хозяйка крепко спит на кровати. Он не стал ее беспокоить, сам снял с полки чугунок и внимательно осмотрел его.

«Это мне пригодится, — подумал он, — а старушка, наверное, не рассердится, когда узнает, что я взял чугунок, чтобы спасти жизнь принцессе».

Потом он вытащил из очага кусок рдеющего торфа, сунул его в чугунок и пошел своей дорогой.

В море, у самого берега, он увидел королевскую ладью. Она была уже под парусами, и нос ее был повернут в сторону Владыки Морского Змея. Ладью сторожил лодочник.

— Какое холодное утро! — сказал ему Ассипатл. — Неужто ты тут не замерз? Хочешь, пойди на берег, прогрейся и согрейся, а я сяду в ладью и буду ее сторожить, пока ты не вернешься.

— Как бы не так! — возразил лодочник. — А что скажет король, если он сейчас придет? Увидит, что я оставил его славную ладью под охраной такого сопляка, как ты, а сам греюсь на песочке, и что тогда будет? Пожалуй, голову снесут!

— Как хочешь, — небрежно бросил Ассипатл и принялся что-то искать на берегу среди камней. — А я пока поищу хороших ракушек и зажарю их себе на завтрак.

И вот мальчик набрал ракушек, а потом начал рыть ямку в песке, чтобы положить туда рдеющий торф. Лодочник с завистью смотрел на него: ему тоже захотелось есть.

Но вдруг Ассипатл закричал и запрыгал:

— Золото, золото! Клянусь богом Тором, кто бы подумал, что здесь найдется золото?!

Тут уж лодочник не выдержал — позабыл и про короля, и про свою голову. Выскочил из ладьи, отпихнул Ассипатла и стал торопливо рыться в песке.

Тогда Ассипатл схватил свой чугунок, вскочил в ладью, оттолкнул ее от берега и успел проплыть по морю полмили, прежде чем лодочник понял, как его одурачили. Ведь он, конечно, не нашел никакого золота.

Лодочник очень рассердился, а старый король рассердился еще больше, когда вместе с придворными спустился на берег. В руке у него был славный меч Верноразийный — ведь он все еще лелеял несбыточную надежду, что ему, слабому, дряхлому старику, удастся победить чудовище и спасти дочь.

Но теперь, когда ладья уплыла, даже эта надежда угасла. Королю оставалось только стоять на берегу среди все прибывающей толпы подданных и ждать, что будет.

И вот что было.

Ассипатл медленно плыл по морю, не отрывая глаз от Морского Змея. Вскоре он заметил, что страшное чудовище время от времени зевает, словно ждет не дожидается кормежки. И всякий раз, как оно зевало, громадный поток воды устремлялся ему в глотку, затем снова выливался наружу через огромные жабры.

И вот храбрый мальчик спустил парус и направил нос ладьи прямо к пасти чудовища. Как только оно зевнуло опять, ладью вместе с мальчиком втянуло в пасть, и они провалились через глотку Морского Змея в его темную утробу. Ладья плыла там все дальше и дальше, но вскоре вода стала убывать и выливаться из громадных жабр Змея. Наконец ладья как бы стала на мель. Тут Ассипатл выскочил из нее с чугуном в руках и побежал на поиски.

Немного погодя он добрался до печени чудовища. А он знал, что в рыбьей печени много жира. Мальчик прокопал в ней дырку и сунул туда рдеющий торф.

Какой тут вспыхнул пожар! Ассипатл едва успел вовремя вскочить в ладью — у Морского Змея начались такие судороги, что он отрыгнул ладью, и ее выбросило прямо на сушу целую и невредимую.

На море поднялось такое волнение, что и королю, и его дочери (она к тому времени уже сошла на берег, одетая, как невеста, в белое платье), и всем придворным, и всем деревенским жителям пришлось искать убежище на вершине холма. С этого безопасного места они теперь смотрели на море, ожидая, что будет дальше.

А Владыка Морской Змей заматался во все стороны, извиваясь и корчась. Он высунул из воды свою отвратительную голову, а язык его взметнулся и с такой силой ударил

по земле, что прорыл в ней огромную трещину. В эту трещину хлынуло море, и оно образовало кривой пролив, который теперь отделяет Данию от Швеции и Норвегии.

Потом у чудовища выпало несколько зубов. Они не потонули, но образовали острова, которые теперь называются Оркнейскими островами. Немного погодя у чудовища выпало еще несколько зубов, и они тоже превратились в острова. Их мы теперь называем Шетландскими островами.

Затем Змей свернулся в комок и издох. Этот комок превратился в остров Исландию. В недрах его все еще горит огонь — тот самый огонь, который когда-то зажег Ассипатл куском рдеющего торфа. Вот почему в этой холодной стране иные горы извергают пламя.

Когда все наконец поняли, что Владыка Морской Змей действительно мертв, король, не помня себя от радости, обнял Ассипатла, поцеловал его и назвал своим сыном. Он снял с себя королевскую мантию, надел на мальчика и опоясал его своим добрым мечом Верноразящим. Затем подозвал дочь, принцессу Джемделавли, вложил ее руку в руку Ассипатла и объявил, что, когда придет время, она станет женой этого героя, и он будет правителем всего королевства.

Тут все сели на коней, причем Ассипатл ехал верхом на Быстроножке рядом с принцессой, и, счастливые, вернулись в королевский дворец.

Но как только они подъехали к воротам, навстречу им выбежала прислужница, сестра Ассипатла. Она попросила принцессу поклониться и прошептала ей что-то на ухо.

Лицо у принцессы потемнело; она повернула назад свою лошадь, поскакала к отцу — он вместе с придворными ехал позади, — и передала ему слова прислужницы. Лицо короля тоже потемнело, как грозная туча.

Вот что оказалось: жестокая королева обрадовалась, что навсегда избавилась от падчерицы, и все утро миловалась со злым волшебником, благо старый король уехал.

— Его надо тотчас же казнить! — воскликнул король. — Нет ему прощенья!

— Трудно будет найти его, ваше величество, — сказала прислужница. — Вот уже час, как он бежал вместе с королевой на самых резвых конях, какие только нашлись в конюшне.

— А я догоню его! — крикнул Ассипатл и быстрее ветра помчался за беглецами на своей доброй кобыле Быстроножке.

Вскоре он их почти догнал, выхватил свой меч и громко приказал им остановиться.

Они услышали крик, обернулись и расхохотались, увидев, что это всего лишь тот мальчик, что всегда валяется в золе.

— Дерзкий мальчишка! Я его проучу! — крикнул волшебник и ринулся навстречу Ассипатлу.

Он никогда не был воином, но знал, что обычное оружие не может повредить его заколдованному телу, и ничего не боялся.

Но он не знал, что Ассипатл держит в руке тот самый меч, каким великий бог Один победил всех своих врагов. Мальчик одним ударом меча сразил волшебника, и тот мертвый свалился с коня.

Тут подъехали придворные. Они тоже пустились в погоню, но лошади у них были не такие резвые, как Быстроножка. Придворные схватили за повод коня королевы и отвели его вместе со всадницей ко дворцу.

Королеву привели в совет, судили и повелели заточить ее в высокой башне. Там она и протомилась до конца своих дней.

Когда Ассипатл стал взрослым, он женился на принцессе Джемделабли, и множество гостей пировало и веселилось на их свадьбе. Когда же старый король умер, молодые заступили его место и долгие годы правили королевством.

КАРЛИКОВ КАМЕНЬ

Далеко-далеко, на самом краю зеленой долины на острове Хой высится громадный валун. Валун этот — полый, и жители северных островов прозвали его «Карликов камень», потому что в нем, по преданию, много веков назад жил карлик Спорро.

Никто не знал, откуда пришел Спорро на остров Хой и как долго он прожил в темной пещере внутри валуна. Известно только, что роста он был крошечного, что тело у него было уродливое — кособокое, горбатое, зато лицо — дивной

красоты. И он не старел. Он всегда казался юношей, и улыбка не сбегала с его прекрасного лица.

Ходили слухи, будто отцом Снорро был не простой смертный, но эльф и что он одарил сына даром вечной юности. Но никто этого не знал наверняка, ибо Снорро поселился в валуне задолго до того, как родились самые древние старики, что тогда жили на острове Хой.

Одно было ясно: от матери своей, — а она, по общему мнению, была смертной женщиной, — он унаследовал тщеславие и честолюбие — свойства опасные. И чем дольше он жил, тем тщеславнее и честолюбивее становился. Он даже носил на шее зеркальце из полированной стали и то и дело смотрелся в него, любясь своей красотой.

Люди нередко обращались к нему за помощью, но помогал он лишь тем, что смиренно кланялись ему и говорили с ним так же почтительно, как с королем.

Надо сказать, что он почти все свои дни проводил в горах, собирая, — или только притворяясь, что собирает, — разные лекарственные травы. Потом он приносил их домой, в свое темное жилище, готовил из этих трав целительные снадобья и настойки и продавал их окрестным жителям за большие деньги.

Еще была у него какая-то таинственная книга в кожаном переплете с медными застежками. Снорро читал ее часами и гадал по ней простодушным островитянам, если они просили его об этом.

Люди трепетали перед книгой Снорро не меньше, чем перед ним самим, ибо ходил слух, что книга эта некогда принадлежала богу Одину. И, упоминая имя карлика, они осеяли себя крестным знаменем, чтобы защититься от его злых чар. Но никто не знал, почему Снорро поселился в Карликовом камне. А поселился он там вот почему.

Поблизости от валуна был холм очень странного вида. Он походил на громадную бородавку, и так его и прозвали

«Хойская горка-бородавка». Говорили, будто где-то на этом холме лежит волшебный карбункул и того, кто его отыщет, камень одарит тремя драгоценными дарами — здоровьем, богатством и счастьем, иначе говоря, всем тем, чего жаждут люди.

И еще говорили, будто этот карбункул можно увидеть. Но увидит его лишь тот, кто придет на некое место в некое время. Однако где находится это место и в какое именно время туда надо прийти, не знал никто.

И вот Снорро твердо решил отыскать волшебный камень. Казалось, он только тем и занимается, что читает свою большую книгу да готовит лекарства из трав. Но на самом деле он блуждал по горам и внимательно осматривал каждый камень и каждый пучок травы в поисках волшебного карбункула. А ночью, когда все спали, он выходил из своего жилища с заступом и киркой в руках, копал землю и переворачивал камни в надежде найти желанное сокровище.

Куда бы он ни шел, его всегда сопровождал огромный ворон с седой головой. Ворон жил у Снорро в валуне и был ему верным другом и товарищем. Островитяне боялись этой зловещей птицы, пожалуй, не меньше, чем ее хозяина. Хоть они и ходили к Снорро за советом, когда попадали в беду, хоть и покупали у него лекарства и приворотные зелья, но всегда опасались его и подозревали, что он водится с нечистой силой.

В те времена Оркнейскими островами совместно правили два графа. Они были единокровные братья. Старший, Поул, был высокий красивый юноша с темными волосами и глазами как терновые ягоды. Все островитяне любили его потому, что он был человек добрый и мягкосердечный, а кроме того, очень искусный в рыцарских ратных трудах и забавах. При виде его глаза стариков светлели, а дети выбегали ему навстречу, когда он ехал верхом мимо их дома.

И все это казалось тем более примечательным, что граф Поул был хоть и приветлив, но до того неразговорчив, что люди дали ему два прозвища: «Поул Бессловесный» и «Поул Молчаливый».

Брат его, Гарольд, отличался от него, как день от ночи. Волосы у него были светлые, глаза голубые, и его прозвали «Гарольд Златоуст», потому что он был очень словоохотлив и красноречив.

Однако его не любили. Он был человек надменный, завистливый, вспыльчивый. При виде его не светлели глаза стариков, а дети, вместо того чтобы бежать ему навстречу, прятались от него в материнские юбки.

Гарольд знал, что все любят его молчаливого брата, и так завидовал ему, что братья начали сторониться друг друга.

Как-то раз летом граф Гарольд поехал в гости к шотландскому королю, и вместе с ним поехали его мать, графиня Хелга, и ее сестра, графиня Фрокёрк.

И вот в то время, когда они гостили при дворе шотландского короля, Гарольд встретился с молодой красавицей ирландкой. Ее звали леди Морна, и она приехала из Ирландии в Шотландию, чтобы служить шотландской королеве.

Леди Морна была так мила, добра и прекрасна, что завоевала сердце графа Гарольда, и он решил на ней жениться. Но как он ни старался, не смог понравиться леди Морне. Она догадывалась, что он ревнив и завистлив, видела злобу в его глазах, слышала, как грубо он ругал слуг, и не хотела выходить за него замуж. И когда граф Гарольд стал просить ее руки, она, к великой его досаде, отказала ему, уверяя, что предпочитает остаться в девушках.

Граф Гарольд скрежетал зубами в бессильной ярости. Но он понял, что настаивать бесполезно, и решил добиться своего хитростью. Он попросил свою мать пригласить леди Морну погостить у них на Оркнейских островах, надеясь, что там он рассеет ее недоверие и уговорит ее выйти за

него. О своем брате, графе Поуле, он совсем позабыл, а если и помнил, то никак не думал, что тот может сделаться его соперником.

Но это как раз и случилось. Леди Морна, не подозревая ничего худого, приняла приглашение графини Хелги и поехала с нею, когда та вместе с сестрой и сыном вернулась к себе, в графство Оркни. Там граф Поул, очарованный ирландской красавицей, полюбил ее с первого взгляда, а леди Морна полюбила его с того часа, как увидела.

Конечно, они не смогли скрыть свои чувства, и когда Гарольд догадался, что они любят друг друга, его гнев и ревность перешли все границы. Схватив книжал, Гарольд бросился к брату в башенку и пригрозил убить его на месте, если тот не пообещает ему отказаться от женитьбы на их прекрасной гостье. Но Поул быстро его успокоил.

— Не тревожься, брат, — мягко проговорил он. — Правда, я полюбил леди Морну, но это еще не значит, что я ее завоюю. Неужели она изберет того, кого люди прозвали Бессловесным, если может выйти за такого, как ты? Ведь ты, брат, за словом в карман не лезешь, так что люди дали тебе лестное прозвище — Гарольд Златоуст.

Эти слова польстили тщеславию Гарольда, и он решил, что, пожалуй, его единокровный брат прав. «Куда ему, бессловесному, ухаживать за такой красавицей, как леди Морна! Не удастся ему завоевать эту девушку!» — подумал Гарольд и бросил на пол свой книжал. Он пожал руку брату и даже попросил у него прощения за свои недобрые мысли. Потом ушел, очень довольный собой и всем светом.

К тому времени подошел праздник рождества. А у графов Оркнейских был обычай покидать перед святками замок Кёркуолл, в котором они жили всегда, и несколько недель проводить в огромном дворце Орфире, расположенном в девяти милях от Кёркуолла. Граф Поул решил уехать на

несколько дней раньше прочих, чтобы все приготовить в Орфире к приезду графской семьи.

Но вот случилось так, что накануне отъезда он увидел леди Морну в большом зале. Она сидела у окна и плакала, потому что ей грустно было расставаться с графом Поулом. А он, как увидел ее слезы, уже не смог больше сдерживаться. Обнял красавицу, стал шептать ей о своей любви и попросил ее стать его женой.

Она сразу же согласилась. Прижавшись румяной щекой к его плечу, она призналась, что полюбила его в тот день, как впервые увидела, и тогда же решила, что не выйдет ни за кого другого.

Некоторое время они сидели рядом, наслаждаясь своим новым счастьем, но вот Поул встал.

— Пойдем, возлюбленная моя, сообщим эту добрую весть моей мачехе и брату, — сказал он. — Может быть, Гарольд вначале и будет досадовать, — ведь он сам хотел жениться на тебе. Однако его доброта вскоре возьмет верх над досадой, и он будет радоваться вместе с нами.

Но леди Морна покачала головой. Она лучше знала, как отнесется к этому известию граф Гарольд, и ей хотелось отдалить признание, грозившее бедой.

— Нет, лучше пока ничего не говорить, — молвила она. — Скажем после рождества. Ведь нам самим сладко будет хранить нашу тайну хотя бы короткое время. Успеем открыть ее позже.

Граф Поул повелеvole согласился. На другой день он уехал в Орфир, а его возлюбленная осталась в Кёркуолле.

Но он не знал, какая опасность ему грозит. Сестра его мачехи, графиня Фрокёрк, случайно зашла в зал, когда он объяснялся в любви леди Морне, и спряталась за занавеской. Старуха слышала каждое слово влюбленных, и в сердце ее вспыхнула черная ярость...

Графиня Фрокёрк была женщина честолюбивая и жестокая. Она всю жизнь ненавидела графа Поула, — ведь он не был ее кровным родственником и, больше того, стоял на дороге у своего брата, ее родного племянника. Если бы Поул умер, Гарольд стал бы единоличным правителем графства Оркни.

А теперь, когда старуха узнала, что он в довершение всего похитил сердце леди Морны, девушки, которую полюбил Гарольд, ненависти ее и гневу не было предела. Как только влюбленные расстались, графиня поспешила к сестре, и они проговорили всю ночь, до рассвета.

На другой день чья-то лодка поплыла по узкому проливу, что отделяет остров Помону (иначе — Мейнланд) от острова Хой. В лодке сидела женщина, но кто она была такая, люди не знали, ибо она с ног до головы закуталась в черный плащ и закрыла лицо темной густой вуалью.

Лишь карлик Снорро узнал ее, и даже раньше, чем она сбросила плащ и вуаль, — графиня Фрокёрк была его старая знакомая. Не раз за свою долгую жизнь она прибегала к его помощи, когда замышляла какое-нибудь злое дело, и всегда щедро платила ему червонным золотом. Поэтому Снорро радушно принял графиню. Но когда он услышал, с какой просьбой она к нему явилась, улыбка сошла с его лица, и он покачал головой.

— Раньше я хорошо служил тебе, леди, — сказал он, — но теперь боюсь выполнить твою просьбу. Подготовить убийство знатного графа — это опасное дело, особенно когда все так его любят, как любят Поула... Ты знаешь, почему я поселился в этом глухом углу, знаешь, что я ишу волшебный карбункул. Знаешь также, что люди боятся и ненавидят меня. А если молодой граф умрет, подозрения падут на меня, и придется мне бежать с острова, потому что жизнь моя станет дешевле песчинки. И тогда рухнут все мои

надежды отыскать карбункул. Нет, леди, не могу я пойти на это. Не могу!

Злая графиня предложила карлику гору золота. Она соблазняла его, суля богатство и высокое положение, и в конце концов даже обещала выхлопотать для него видную должность при дворе шотландского короля. Тут в карлике сновой силой вспыхнуло честолюбие. Он заколебался в своем решении и наконец согласился выполнить просьбу графини.

— Я достану свой волшебный ткацкий станок, — сказал он, — и сотку тончайшую ткань дивной красоты. Но перед тем, как ее соткать, я отравлю пряжу ядовитым зельем. Тот, кто наденет одежду из этой ткани, умрет, даже не успев ее поносить.

— Плут, а умен! — отозвалась графиня с жестокой усмешкой на злом лице. — Награду получишь! Дай мне ярда два этой чудесной ткани, а я сошью из нее хорошую безрукавку и в сочельник подарю ее прекрасному молодому графу. Наденет он мой рождественский подарок и не доживет до конца года.

— Не доживет! — подтвердил карлик Снорро с коварной улыбкой.

И они расстались, условившись, что ткань будет прислана во дворец Орфир накануне сочельника.

Пока графиня Фрокёрк ездила по своим злым делам на остров Хой, в замке Кёркуолл произошло одно событие. Гарольд воспользовался тем, что брат его в отъезде, и опять предложил свою руку и сердце леди Морие, а она снова отказала ему и, опасаясь, как бы он не повторил своего предложения, призналась, что уже обещала стать женой его брата.

Как только Гарольд это услышал, ревность и ярость вспыхнули в нем с такой силой, что чуть не пожрали его самого. Обезумев от злобы, он бросился вон из дома, вскочил на коня и помчался к морю.

И вот пока он во весь опор скакал по берегу, взгляд его упал на оснеженные горы острова Хой, что возвышались над проливом. И тут он вспомнил про карлика Снорро, у которого тоже бывал когда-то, как и его тетка.

— Выход найден! — вскричал он. — Дурак я был, что сразу же не подумал об этом! Я пойду к Снорро и куплю у него приворотное зелье. Леди Мориа выпьет его и возненавидит моего дорогого брата, а мысли свои обратит на меня.

Он нанял лодку и поплыл по бурным волнам к острову Хой, а причалив к берегу, поспешил в ту уединенную долину, где высился Карликов камень. Самого карлика ему не пришлось долго искать. Снорро стоял у входа в свою пещеру с вороном на плече и молча смотрел на закат.

Странная улыбка мелькнула на его лице, когда он слышал чьи-то шаги. Он обернулся и увидел молодого графа.

— Что привело тебя сюда, сэр граф? — весело спросил он, предвкушая поживу.

— Я пришел за приворотным зельем, — ответил Гарольд и рассказал карлику про свою любовь к леди Морие. — За зелье я тебе заплачу, только давай его поскорее!

Снорро окинул его взглядом с головы до ног.

— Слепа та девушка, сэр Златоуст, — сказал он, — которой нужно выпить приворотное зелье, чтобы полюбить такого доблестного рыцаря, как ты.

Граф Гарольд сердито расхохотался.

— Легче поймать солнечный луч, чем привлечь к себе неуловимую прихоть женщины, — сказал он. — Некогда мне болтать! Есть пословица: «Прилив и время не ждут человека». Вот и меня прилив ждать не станет. Давай зелье, давай сейчас же!

Видя, что он не шутит, Снорро молча вошел в свою пещеру и вскоре вернулся с небольшой склянкой, полной розовой жидкости,

— Влей это в винную чарку леди Морны, — сказал он, — и ручаюсь, что не пройдет и суток, как она полюбит тебя сильнее, чем ты ее любишь.

Он махнул рукой, как бы приказывая графу удалиться, и скрылся в пещере.

Граф Гарольд поспешил домой, в замок. Но прошло два дня, а ему все не выпадало случая вылить приворотное зелье в винную чарку леди Морны. Наконец этот случай представился. Однажды вечером, за ужином, Гарольд вылил зелье в чарку и, отстранив маленького пажка, сам подал ее леди Морне.

Она поднесла чарку к губам, но только сделала вид, что отпила из нее. Уже одно то, что ненавистный ей Гарольд взял в руки эту чарку, возбудило ее подозрения. Гарольд отошел, чтобы сесть на свое место, и тут леди Морне удалось незаметно вылить все вино на пол. И она еле удержалась от улыбки, увидев, каким довольным стало лицо Гарольда, когда она поставила на стол пустую чарку.

Вскоре он обрадовался еще больше, потому что леди Морна стала беседовать с ним очень приветливо. Она его так боялась, что этой приветливостью хотела купить себе душевное спокойствие на то время, пока графский двор не переедет в Орфир, где она будет под охраной своего возлюбленного.

Гарольд бурно радовался. Он был уверен, что приворотное зелье уже подействовало и надежды его скоро сбудутся.

Спустя неделю графский двор переехал в Орфир, где граф Поул уже все приготовил для приезда гостей.

Конечно, он был вне себя от радости, когда вновь увидел леди Морну, и она очень обрадовалась встрече с ним. Теперь она знала, что ей нечего бояться нежеланного внимания графа Гарольда.

Но для Гарольда их радость обернулась желчью и горечью; он еле сдерживался, хотя пока еще верил в приворотное снадобье карлика Снорро.

А графиня Хелга и графиня Фрокёрк, те с нетерпением ждали волшебной ткани — смертоносного подарка графу Поулу.

И вот в канун сочельника обе злодейки сидели вместе в покоях графини Хелги и говорили о будущем — о том времени, когда их любимец Гарольд станет единоличным правителем графства Оркни. Вдруг кто-то постучал в окно, и они увидели седоголового ворона, жившего у карлика Снорро. Он сидел на карнизе за окном и в клюве держал запечатанный сверток.

Женщины открыли окно, и ворон с хриплым карканьем уронил сверток на пол. Потом захлопал своими огромными крыльями, медленно взмыл к небу и полетел в сторону острова Хой.

Дрожа от волнения, сестры сломали печать на свертке и вынули ткань. Она была необыкновенно красива — отливала всеми цветами радуги, сверкала золотом и драгоценными камнями.

— Отменная выйдет безрукавка! — воскликнула графиня Фрокёрк со зловещим смехом. — Хорош будет наш Бессловесный граф, когда ее наденет!

И, не тратя времени попусту, обе женщины принялись кроить и шить безрукавку. Они проработали всю ночь и весь следующий день, а вечером, когда уже почти кончили шить, услышали на винтовой лестнице чьи-то торопливые шаги. И вот граф Гарольд распахнул дверь.

Щеки его горели от волнения, глаза сверкали. Ведь здесь, в Орфире, леди Морна, живя под защитой своего возлюбленного, снова стала чуждаться Гарольда. Он это заметил и начал терять веру в приворотное зелье Снорро.

В гневе и досаде он подбежал к матери, чтобы рассказать ей о своих горестях, как вдруг увидел на столе чудесную безрукавку. Она сверкала золотом и серебром, отливала всеми цветами радуги и была так красива, что казалась

одеянием фей. У Гарольда при виде ее дух захватило от восхищения.

— Для кого ты это купила? — спросил он мать, ожидая, что она скажет: «Для тебя!»

— Это рождественский подарок твоему брату Поулу, — ответила графиня Хелга.

Она хотела было сказать, что безрукавка принесет смерть Поулу, но не успела и слова вымолвить. Гарольд обезумел от зависти, — значит, его ненавистному брату достается все самое лучшее на свете!

— Все Поулу! — вскричал он. — Всюду Поул! Ненавижу его! Имя его слышать не могу! Ну нет, клянусь, — этого подарка он не получит!

И он сдернул безрукавку со стола.

Мать и тетка бросились ему в ноги, умоляя его положить безрукавку на место и крича, что каждая нить ее отравлена. Но все было напрасно — Гарольд их даже не слышал. Он выскочил за дверь, надел безрукавку и со злорадным хохотом сбежал вниз по лестнице, чтобы покрасоваться перед леди Морной.

Но едва он ступил в зал, как рухнул на пол от нестерпимой боли. Все домочадцы сбежались к нему, а обе графини, в ужасе от своего поступка, пытались стянуть с него безрукавку. Но они опоздали. Смертельный яд уже сделал свое дело.

Отстранив обеих женщин, Гарольд повернулся к брату, который обнял его, опустившись рядом с ними на колени.

— Я желал тебе зла, Поул, — проговорил Гарольд, — а ведь ты всегда был мне верным и добрым другом. Прости меня в мыслях своих! А вот этих, — и, собрав последние силы, он показал рукой на обеих злых женщин, что привели его к гибели, — этих двух женщин берегись, потому что они покушаются на твою жизнь.

Тут голова его упала на плечо брата, он испустил глубокий вздох и скончался.

Когда Молчаливый граф понял, отчего погиб его брат и откуда взялась безрукавка, гнев его был безмерен. Он поклялся страшной клятвой покарать не только карлика Снорро, но и свою злую мачеху и ее жестокую сестру.

Однако ему не пришлось отомстить за брата — обе графини воспользовались суматохой, вызванной смертью Гарольда. Они незаметно выскользнули из дворца, пробрались на морской берег, сели в лодку и направились в Шотландию. Там у них были обширные владения, там их очень почитали, и никто не поверил бы ни одному слову, сказанному против них.

Но все же их настигло возмездие, как оно всегда рано или поздно настигает злых, себялюбивых и жестоких. На Шотландию вскоре напали скандинавы, подожгли замок графинь, и обе они погибли в огне.

Узнав о бегстве мачехи и ее сестры, граф Поул поспешил на остров Хой, чтобы захватить там карлика. Но когда Поул подошел к Карликову камню, оказалось, что пещера в нем опустела. Исчезли даже все следы ее обитателей.

Никто не знал, что с ними случилось. Некоторые люди думали, что карлик с вороном бежал вместе с графиней Хелгой и графиней Фрокёрк. Но большинство островитян полагало, — и, пожалуй, это вернее, — что Духи Воздуха унесли Снорро и в наказание за его коварство заточили в какой-то неведомой темнице. А ворон был унесен вместе с ним.

Во всяком случае, никто с тех пор не видел карлика Снорро. И где бы он ни был, он потерял надежду отыскать волшебный карбункул.

Что касается Молчаливого графа и его возлюбленной ирландки, то они повенчались вскоре после похорон графа Гарольда. И еще сотни лет спустя, всякий раз как жители Оркнейских островов хотели сказать, что такие-то люди счастливы, они говорили: «Счастливы, как граф Поул и графиня Морна».

1. ПРИНЦ И ДОЧЬ ВЕЛИКАНА

Давным-давно, когда на земле еще не перевелись великаны, в Тетертауне правил король, и был у него сын Айен. Как-то раз королевич пошел на охоту. Вдруг видит — на дереве змея. Подкралась к ворону и вот-вот укусит его. Айен схватил свою пращу, запустил в змею камнем, и она мертвая свалилась на землю. А ворон в тот же миг превра-

тился в красивого юношу с черными блестящими волосами и темными глазами. Он с благодарностью посмотрел на своего спасителя и сказал:

— Тысячу раз благодарю тебя, королевич, за то, что ты меня расколдовал и я из ворона стал опять человеком. Вот возьми этот узелок и ступай своей дорогой. — Тут юноша протянул Айену какой-то предмет с острыми углами, завернутый в тряпку. — Но помни: узелок развяжи только там, где тебе больше всего хотелось бы жить.

И юноша скрылся из виду за гребнем горы.

Королевич пошел домой, но ему не терпелось узнать, какой подарок он получил. Узелок был очень тяжелый, и когда Айен подошел к густому темному лесу, что рос за несколько миль от его отчего дома, он решил присесть и отдохнуть.

«Ну теперь уж наверное ничего страшного не случится, если я только загляну в узелок и посмотрю, что там такое», — подумал королевич.

Не утерпел и развязал узелок. И вдруг перед Айеном возник огромный замок, какого он в жизни не видывал. Башенки замка вздымались выше самых высоких деревьев, а вокруг него раскинулись пышные цветники и зеленые сады.

Айен прямо залюбовался этим замком. Но вдруг сообразил, какую глупость сделал, что не поборол любопытства.

«Надо мне было подождать до той красивой зеленой лощины, что напротив нашего дома, — сокрушался он. — Ведь больше всего мне хотелось бы жить там. Эх, если бы можно было опять завернуть замок в тряпку и отнести туда!»

И вдруг послышались чьи-то шаги, да такие тяжелые, что даже деревья в лесу закачались. Ветви их трепетали, земля тряслась, и вот уже вдали показался громадный великан с огненно-рыжими волосами и бородой.

— Напрасно ты построил себе дом здесь, королевич, — заревел он. — Ведь эта земля моя!

— А мне вовсе и не хочется, чтобы дом мой стоял здесь, — молвил Айен. — Да только не могу я опять завернуть его в тряпку и унести.

Тут великан ухмыльнулся в свою рыжую бороду и сказал:

— Какую награду дашь ты мне, королевич, если я сам заверну твой замок в тряпку?

— А какой награды ты просишь? — спросил Айен.

— Отдай мне своего первенца, когда ему исполнится семь лет, — ответил великан.

У Айена пока не было ни жены, ни детей, и он охотно согласился.

— Только-то? — сказал он. — Пожалуйста! Первенца моего ты получишь.

Великан тотчас схватил замок вместе с пышными цветниками и зелеными садами и завернул все это в тряпку, а королевич взял узелок и отправился домой.

Как только Айен дошел до красивой зеленой лощины, что была перед его отчим домом и где ему так хотелось жить, он тотчас развязал узелок. И вот в лощине возник замок, а вокруг него раскинулись пышные цветники и зеленые сады. Айен очень обрадовался. Распахнул огромную дверь замка и вошел в большой зал. В зале стояла красивая девушка с ясными глазами. Она улыбнулась Айену и сказала:

— Подойди ко мне, королевич! Все здесь к твоим услугам, если ты согласен жениться на мне сегодня же вечером.

Королевич был рад жениться на такой красавице. Их тут же обвенчали, и они мирно и счастливо зажили в своем новом замке, а когда старый король скончался, Айен стал правителем Тетертауна. Вскоре у королевской четы родился сын, но Айен и думать позабыл о своем опрометчивом обещании великану.

Прошло семь лет и один день. И вдруг деревья в зеленых садах закачались, земля затряслась, и великан с огненно-рыжими волосами и бородой подошел к замку требовать своей награды.

Королева выглянула в окошко, увидела великана и спросила короля:

— Милый мой муж, что ему здесь нужно, этому страшному рыжему великану?

— Горе мне! — ответил Айен. — Он пришел за нашим первенцем.

И, сокрушенный, он поведал жене про свою встречу с великаном семь лет назад.

— Позволь мне уладить дело, — сказала королева. — Я придумала, как помочь горю.

Между тем великан ревел все громче, требуя обещанного, и Айен крикнул ему в ответ:

— Сейчас пришлю тебе своего сына. Мать одевает его в дорогу.

А королева приказала привести сынишку повара. Он был ровесник маленького принца, и она решила отдать великану этого мальчика вместо своего сына. Ведь она думала, что великана обмануть не трудно.

Она одела сынишку повара в платье принца и отвела к великану. Великан ушел вместе с мальчиком, но еще не успел далеко отойти, как подумал: «А вдруг этот мальчишка вовсе не маленький принц?» И вот он отломил от орехового куста толстый прут, подал его сыну повара и спросил:

— Что делает твой отец с этим прутом, если возьмет его в руки?

— Должно быть, отгонит им собак и кошек, что подбираются к мясу на королевской кухне, — ответил мальчик.

Так великан узнал, что этот мальчик не королевский сын, и в страшном гневе повернул обратно к замку. Король

с королевой увидели великана и догадались, что им не удалось его обмануть. Но королева все-таки не сдалась. Она позвала сынишку дворецкого, тоже семилетнего мальчика. Пока великан нетерпеливо ждал на дворе, королева одела сынишку дворецкого в платье принца и отослала его великану вместо своего сына.

Великан увел мальчика, но еще не успел отойти далеко, как снова решил узнать, правда ли ему отдали маленького принца, а не кого-то другого. Он опять отломил прут от орехового куста, подал его мальчику и спросил:

— Что делает твой отец с этим прутом, если возьмет его в руки?

— Должно быть, отгонит кошек и собак, если те близко подойдут к королевским бутылкам и стаканам, — ответил сын дворецкого.

Так великан узнал, что и этот мальчик не королевский сын, и повернул назад к замку в еще более страшном гневе.

— Давайте мне своего сына! — заревел он, да так громко, что затряслись самые высокие башенки. — А если и на сей раз не отдадите, — камня на камне не останется от вашего замка!

Делать нечего. Как ни горько было королеве, она знала, что в третий раз ей великана не перехитрить.

В это время маленький принц играл со своим щенком во дворе. Королева, заливаясь слезами, позвала его и отвела к великану. А тот, как завидел мальчика, сразу узнал, что он королевский сын, — очень уж он был красивый и держался гордо.

Вместе они прошли длинный путь от королевского замка до великанова дома. Дом этот стоял на берегу озера с темной водой. Здесь принца радушно встретили, и здесь он остался жить.

Проходили годы, принц вырос, стал сильным, красивым юношей.

Как-то раз утром он пошел в горы на охоту, а когда возвращался, услышал, подходя к дому, тихое пение. Он поднял голову и увидел в самом верхнем окошке красивую девушку с золотисто-рыжими волосами.

— Прекрасная девушка, кто ты? — спросил он, и в душе его сразу вспыхнула любовь к ней.

— Я младшая дочь великана, — ответила она, — и часто на тебя любовалась, когда ты проходил по дому моего отца.

Принц, не долго думая, признался ей в любви, и дочь великана ответила, что для нее нет большей радости, чем стать его женой.

— Но слушай внимательно, что я тебе скажу. От этого зависит наше будущее счастье, — молвила она. — Завтра отец предложит тебе жениться на одной из моих двух старших сестер. А ты откажись и скажи, что хочешь жениться на его младшей дочери. Отец разгневется, но я дело улажу, и все будет хорошо.

И правда, на другой же день великан позвал принца и предложил ему выбрать себе в жены одну из его двух старших дочерей. Но принц не забыл наказа красавицы и сказал великану:

— Я хочу жениться на твоей младшей дочери.

Великан страшно разгневался — ведь младшая дочь была его самым дорогим сокровищем, и он прочил ее за могущественного короля, что правил соседним королевством. И он сразу придумал, как отомстить принцу за столь дерзкую просьбу.

— Многого ты просишь, принц, — сказал он и хитро ухмыльнулся в свою рыжую бороду. — Такое сокровище, как моя младшая дочь, даром не получишь. Если хочешь на ней жениться, сперва сделай три дела, какие я тебе поручу. А не сумеешь, потеряешь не только мою дочь, но и самое

жизнь свою. Ну, что скажешь? Согласен ты рискнуть жизнью ради своей прихоти?

— Охотно, — ответил принц. — Ведь без этой прихоти, как ты говоришь, жизнь моя будет все равно что потухший очаг.

На другой день великан ушел на охоту, а перед уходом задал принцу первую задачу — велел ему вычистить громадный хлев во дворе. В этом хлеву стояло сто коров, и его не чистили семь лет.

— Я вернусь вечером, — сказал великан. — К тому времени хлев у тебя должен быть таким чистым, что покати по нему золотое яблоко — из конца в конец прокатится, ни за что не зацепится. А не вычистишь, уж я попой твоей кровушки!

Принц выслушал эти слова, и сердце у него упало. Однако наутро он встал рано, пошел в хлев и принялся за работу, хоть и видел, что ее не закончить. Но как только великан вышел из дому и скрылся за горами, младшая его дочь прибежала к принцу и стала его утешать.

— Не горюй! — говорит. — Я же тебе сказала, что все будет хорошо. И не тревожься! Приляг вон там за дверью, под тенистым деревом и спи себе.

Принц послушался. Лег под тенистым деревом и, хоть и был беспокоен, крепко заснул. Проснулся он уже в сумерках. Посмотрел — девушки и след простыл. Но хлев был вычищен, да так хорошо, что покати по нему золотое яблоко — и оно из конца в конец прокатится, ни за что не зацепится.

Немного погодя великан вернулся, увидел, что принц выполнил первое его поручение, и в досаде нахмурил свои рыжие лохматые брови.

— Как тебе это удалось, не знаю, — говорит. — Но раз дело сделано, придется мне задать тебе вторую задачу. — И он приказал принцу: — Завтра покрой этот хлев кровлей

из птичьих перьев. Все они должны быть разных цветов — так, чтобы даже двух одинаковых не было. На это уйдет тысяча тысяч разных птиц. А не сумеешь, я, как вернусь, вволю попой твоей кровушки.

Наутро солнце взошло рано, а принц еще раньше взял лук и стрелы и отправился на торфяные болота, чтобы настрелять птиц и набрать перьев для кровли. Но он не надеялся на удачу. Да ему и не повезло — к полудню он подстрелил только двух черных дроздов, но перья у них были одинакового цвета. И вдруг к нему подошла младшая дочь великана и говорит:

— Не горюй! Я же тебе говорила, что все будет хорошо. И не тревожься. Приляг вон там, на душистый вереск и спи себе.

Принц послушался, хоть и подумал, что как проснется он, так ему и конец придет. Он лег на вереск и заснул крепким сном. Когда он проснулся, сумерки уже спускались на болото, а великановой дочери и след простыл. Тогда принц вернулся домой и прямо диву дался, увидев, что хлев уже покрыт кровлей из птичьих перьев. Тысяча тысяч разных перьев сверкало там, отливая всеми цветами радуги. Тысяча тысяч разных птиц ушло на эту кровлю.

Великан увидел, что и второе его поручение выполнено, и разгневался хуже прежнего.

— Как ты сделал это, не знаю, — сказал он. — Но раз уж дело сделано, придется задать тебе третью задачу. Завтра принеси мне к обеду пять сорочьих яиц, что лежат в гнезде на верхушке ели у озера. Принесешь, я в тот же вечер задам пышный свадебный пир.

Наутро принц пошел к озеру, когда предрассветный туман еще лежал на воде. Ель была такая могучая, что верхние ее ветви упирались в облака. Высоко-высоко на этих ветвях виднелся маленький комочек — сорочье гнездо. От земли до нижних ветвей ели было футов пятьсот.

Как ни старался принц забраться на дерево по стволу — не смог. Только выбился из сил да ободрал себе руки о шершавую кору. В полдень он все еще стоял на земле под деревом и в отчаянии глядел на свои окровавленные ладони, как вдруг к нему подбежала младшая дочь великана. Но на этот раз она не велела принцу ложиться спать.

Она один за другим обломала свои пальчики и понатыкала их в щели на стволе дерева, так, чтобы принцу было за что ухватиться руками и на что ступить ногой. И вот принц начал карабкаться на ель — быстро, как только мог. Наконец добрался до самой верхушки и стал на тонкий гибкий сук. А сук прогнулся под его тяжестью — вот-вот переломится. Но принц уже протянул руку к сорочьему гнезду.

— Ох, скорей, скорей! — крикнула ему снизу дочь великана. — Отец домой идет! Его дыхание мне спину жжет!

Принц быстро схватил гнездо и поспешил спуститься на землю с пятью сорочьими яйцами, целыми и невредимыми. По дороге он вынимал из щелей пальчики девушки, но так торопился, что позабыл на верхушке дерева мизинчик с ее левой руки.

— Ну, теперь скорей снеси яйца моему отцу, — сказала дочь великана. — И нынче же вечером я стану твоей женой, если только ты сумеешь узнать меня. Отец прикажет мне и сестрам одеться одинаково и закрыть лицо плотными покрывалами. И вот когда свадебный пир кончится, отец скажет тебе: «Ступай к своей жене, королевский сын!» А ты выбери из нас троих ту, что без мизинчика на левой руке.

Принц обрадовался, что все три дела уже сделаны, и поспешил отнести великану пять сорочьих яиц. Увидел их великан и пришел в страшную ярость, но постарался ее скрыть и велел готовиться к пышному свадебному пиру. А принцу сказал:

— Нынче вечером получишь, чего желал. Если только... — и он хитро ухмыльнулся в свою рыжую бороду, — если только ты узнаешь свою невесту.

И вот когда в зале отпировали и блюда с мясом были опорожнены, а сосуды, полные эля, осушены, великан повел принца в небольшую комнату, где их ждали все три великановы дочери. Они были одеты совершенно одинаково в длинные платья из белоснежной шерстяной ткани, а лица их были закрыты плотными покрывалами, так что рассмотреть их было невозможно.

— Ну, королевский сын, теперь подойди к своей жене, — сказал великан.

Принц подошел к трем девушкам и, не колеблясь, стал рядом с той, у которой не было мизинца на левой руке. Тут великан увидел, что все его козни не привели ни к чему — принц добился-таки его младшей дочери. И великан так разгневался, как еще никогда не гневался. Но пока что делать было нечего. Пришлось ему позволить молодым удалиться в брачный покой.

Как только принц и дочь великана остались одни, она сказала:

— Смотри не засни, а не то погибнешь! Надо нам бежать, пока отец тебя не убил.

И вот она взяла яблоко и разрежала его на девять ломтиков. Два ломтика она положила в изголовье кровати, два — в ногах. Потом вывела принца из дома и положила два ломтика яблока у первой двери и два у второй. Последний ломтик она оставила за воротами, что вели во двор. Затем молодые пошли в конюшню, сняли путы с молодой сивой кобылицы, сели на нее верхом и помчались прочь на крыльях ветра.

А великан думал, что молодые все еще в брачном покое. Немного погодя он крикнул им:

— Вы спите?

И два ломтика яблока, что лежали в изголовье кровати, *ответили:*

— Нет еще!

Великану не терпелось, чтобы молодые поскорее заснули, — тогда он пошел бы в их спальню и убил бы принца.

И вот он опять крикнул:

— Вы спите?

И два ломтика в ногах кровати ответили:

— Нет еще!

В третий раз великану ответили те два ломтика, что лежали у первой двери, а в четвертый раз — те, что лежали у второй. Тут великан заподозрил неладное и нахмурился.

— Должно быть, вы сбежать хотите, — сказал он.

Наконец он в пятый раз спросил:

— Вы спите? — и ломтик яблока, что остался за воротами, ответил:

— Нет еще! — но голосок у него был такой тихий, что великан сразу обо всем догадался. Он вскочил на ноги и заревел:

— Вы сбежали!

Тут он ринулся вон из дома, в страшном гневe на дочь за то, что она его обманула, и погнался за беглецами. А те все летели вперед на сивой кобылице.

Наутро, чуть забрезжило, дочь великана сказала мужу:

— Слышишь, как земля дрожит? Это отец нас нагоняет — его дыхание мне спину жжет.

— Ох! Что же нам делать? — вскричал принц. — Как нам от него спастись?

— Сунь руку в ухо сивой кобылице, — сказала дочь великана, — и что найдешь там, то брось назад, да так, чтобы это упало поперек дороги отцу.

Принц сунул пальцы в ухо сивой кобылице и вынул оттуда сучок с колючками. Он бросил сучок назад через плечо, и на дороге выросли и разрослись на двадцать миль за-

росли терновника, такие густые, что даже маленький зверек ласка и тот не мог бы пробраться сквозь эту непродоходимую чащу.

Как увидел великан преграду на своем пути, выругался страшным ругательством.

— Все равно нагоню! — зарычал он и быстро повернул домой, чтобы взять свой острый топор и нож, каким сучья обрезают.

Вскоре он вернулся и быстро прорубил себе дорогу в чаще. И вот в полдень, когда солнце высоко стояло на небе, дочь великана снова крикнула мужу:

— Отец нагоняет! Его дыхание мне спину жжет!

И она опять велела принцу сунуть пальцы в ухо сивой кобылице и потом бросить на дорогу то, что он оттуда вынет. На сей раз принц вынул обломок серого камня и бросил его назад через плечо. И как только камешек упал на дорогу, позади беглецов выросли отвесные скалы и загроздили равнину на двадцать миль в длину и двадцать в ширину.

Великан увидел перед собой эти неприступные горы и заревел:

— Меня не остановишь! Все равно нагоню!

Он бегом бросился назад, и земля тряслась под его ногами. А как прибежал домой, схватил свой толстенный лом и громадную кирку. Уже темнело, когда он наконец пробил себе дорогу в скалах. Но вот взошла луна, и дочь великана крикнула мужу в третий раз:

— Отец нагоняет! Его дыхание мне спину жжет!

Принц не стал дожидаться ее приказа — сам в третий раз сунул пальцы в ухо сивой кобылице и вытащил маленький пузырек с водой. И едва он бросил его назад через плечо, бездонное озеро в двадцать миль длиной и двадцать шириной разлилось позади беглецов. А великан гнался за ними до того быстро, что не смог остановиться, когда озеро вдруг

разлилось у его ног. Полетел вниз головой прямо в темную воду и утонул. И ни дочь его, ни принц и никто другой на свете никогда уже больше его не видели.

Верная сивая кобылица перешла на ровную рысь. Луна поднялась высоко и осветила все вокруг. И тут принц вдруг узнал свои родные места.

— Гляди! Мы подъезжаем к моему отчому дому! — сказал он молодой жене. — Вот те самые поля, где я играл ребенком.

И он возрадовался великой радостью, что наконец-то вернулся на родину.

Немного погодя они подъехали к старому каменному колодцу и спешились, чтобы немного отдохнуть. Когда же принц встал и собрался ехать домой, дочь великана сказала:

— Лучше поезжай к отцу один и подготовь его к моему приходу. А я подожду тебя здесь.

Принц согласился, и когда он вскочил в седло, жена стала ему наказывать:

— Милый мой, не позволяй никому — ни человеку, ни зверю — дотронуться до тебя губами, пока ты далеко от меня. А если позволишь, найдет на тебя помятение и ты навсегда меня позабудешь.

— Да разве могу я тебя позабыть! — возразил принц. Но все-таки обещал выполнить наказ жены.

Он ускакал и вскоре подъехал к своему богатому отчому дому, что стоял в красивой зеленой долине. И хотя принцу было только семь лет, когда за ним пришел великан, он сразу вспомнил и эти высокие башенки, и пышные цветники, и зеленые сады, что окружали замок. Он оставил во дворе свою сивую кобылицу и вошел в огромный зал. Родители его сидели за главным столом, и когда увидели перед собой красивого стройного юношу, узнали в нем своего сына. Они бросились его обнимать, но принц помнил наказ жены и

отстранился, когда родители попытались поцеловать его в щеку.

Ему очень хотелось поскорее вернуться за женой, и он сразу же принялся рассказывать родителям про все, что с ним приключилось. Но вдруг зашуршал камыш, которым был устлан пол, и стройная борзая собака с радостным лаем выскочила из-под стола. Это была собака принца, и с ней он играл, когда она была малым щенком.

Собака бросилась к принцу и ткнулась мордой прямо ему в губы, а он не успел ей помешать. И вот горе! Принц сразу же забыл дочь великана. Отец стал было просить сына продолжать рассказ.

— Ты начал говорить нам про одну прекрасную девушку, сын мой, — молвил король.

Но принц даже не понял отца, — только посмотрел на него и сказал:

— Про какую девушку? Никакой девушки я не встречал, отец мой.

Между тем дочь великана ждала его там, где он с нею расстался, — у старого каменного колодца. Время шло, а принц все не возвращался, и она поняла, что случилось то, чего она так боялась: он ее позабыл.

Поблизости не было никакого человеческого жилья, и дочь великана влезла на дерево, что росло у колодца. Она опасалась, как бы на нее не напали волки, и решила там подождать, пока кто-нибудь не подойдет.

Не успела она усесться на суку с развилкой, как слышались чьи-то шаги, и к колодцу подошла старая женщина с ведром в руке. Это была жена сапожника, что жил неподалеку, и он послал ее по воду. Старуха наклонилась над колодцем, чтобы опустить в него ведро, и вдруг отшатнулась, словно в испуге, — она увидела, что в воде отражается прекрасное женское лицо. Это было лицо великановой

дочери, но жена сапожника была придурковата и подумала, что это ее собственное лицо отразилось в воде.

— Ох, да какая же я красавица! — вскричала она и погладила свои морщинистые щеки. — Да разве пристало таким красоткам, как я, носить воду для какого-то никудышного неуклюжего старого мужлана-сапожника!

Она бросила свое ведро и ушла домой. А бедный сапожник прямо диву дался, когда его жена вернулась домой без ведра, да еще прихорашиваться стала. Он пожал плечами и сам пошел по воду, а когда подошел к колодцу, дочь великана окликнула его с дерева и спросила, нельзя ли ей где-нибудь переночевать. Сапожник, как только увидел ее прекрасное лицо, сразу догадался, что это ее отражение старуха приняла за свое.

Он пригласил красавицу переночевать в его доме и отвел ее туда. Тут жена сапожника уразумела, что ошиблась, и сама над собой посмеялась. Старики уговорили гостью пожить у них, пока она сама не решит, куда ей идти. А дочь великана все это время обдумывала, как ей вернуть мужа.

Как-то раз старый сапожник пришел домой в большом волнении.

— В королевском замке скоро будут играть свадьбу, — сказал он. — И мне заказали обувь для жениха и всех домашних.

Дочь великана спросила его, кто женится, и сапожник ответил:

— Сам молодой принц женится на дочери какого-то богатого лорда.

С того дня по всей округе только и разговоров было, что о пышной свадьбе в королевском замке. И когда настал день этой свадьбы, дочь великана наконец придумала, что ей делать.

Перед самым венчанием король задал пир на весь мир. Пригласили всех, кто жил в окрестностях замка. На пир

пошел и сапожник с женой. Пошла с ними и дочь великана. Их усадили за один из тех длинных столов, что были накрыты в большом зале, и они стали пить и есть досыта и веселиться всласть.

Многие гости заметили дочь великана. Они говорили между собой про ее красоту и спрашивали, кто она такая. Принц сидел с невестой и всей родней за главным столом, и он тоже заметил красавицу с золотисто-рыжими волосами. Тут что-то промелькнуло у него в голове, но сразу же позабылось. И вот когда веселье было в самом разгаре, король предложил гостям выпить за здоровье и счастье его сына. Все гости поднялись и пожелали счастья прекрасному юному принцу.

Дочь великана тоже подняла кубок, чтобы выпить за счастье своего мужа, но еще не успела поднести его к губам, как вдруг в кубке вспыхнуло и взвилось яркое пламя. Все в огромном зале примолкли, когда увидели это чудо. Но вот из пламени вылетели два голубя. У первого голубя крылья светились золотым светом и грудка была как расплавленное золото. У другого голубя перья сияли, словно кованое серебро. Обе птицы вместе сделали круг в воздухе и опустились на главный стол прямо против принца. Он глядел на них и дивился. И тут голуби заговорили с ним человеческим голосом.

— О королевский сын, — сказал золотой голубь, — ты помнишь, кто вычистил хлев во дворе великана и кто рассеял твою тревогу?

— О сын короля, — сказал серебряный голубь, — или ты забыл, как тот хлев покрывали кровлей из перьев тысяч птиц?

А потом они заговорили вместе:

— О королевич, или ты не помнишь, как для тебя добыли сорочьи яйца, что лежали в гнезде на верхушке ели у озера? Когда ты доставал их, твоя верная возлюбленная

потеряла свой мизинчик, и нет у нее этого мизинчика до сих пор.

Тут принц вскочил и схватился за голову. Он вспомнил, какие задачи задавал ему великан и кто выполнял эти задачи. Вспомнил он и прекрасную девушку, что стала его женой.

И вот он оглядел все длинные столы в зале и встретился глазами с дочерью великана. С криком радости он подбежал к ней и взял ее за руку. Так наконец к ним вернулось счастье.

Свадебные гости пировали много дней, и если еще не кончили, значит, и сейчас пируют.

2. ВЕЛИКАН
ДРЕГЛИН ХОГНИ

Жил-был один человек, и было у него три сына, а кормить их денег не хватало. И вот когда старший сын вырос и увидел, что дома прокормиться нечем, он пошел к отцу и сказал:

— Отец, дай мне коня, чтоб на нем верхом ездить, дай собаку, чтоб с ней на охоту ходить, а еще дай сокола, чтоб его на дичь напускать, и я пойду по белу свету свое счастье искать.

Отец дал ему все, что он просил, и старший сын тронулся в путь. И вот он все ехал и ехал по горам и долам,

а вечером подъехал к темному дремучему лесу и забрался в самую глухомань — думал, где-нибудь тропинку найдет. Но никакой тропинки в лесу не было. Юноша порыскал в чаще и наконец понял, что заблудился.

Делать нечего, пришлось ему привязать коня к дереву, а себе приготовить постель из листьев. Но тут он заметил, что вдали светится огонек. Юноша сел на коня, поехал на этот огонек и немного погодя выбрался из леса на поляну. На поляне стоял великолепный замок. Во всех его окнах горел свет, но входная дверь была заперта.

Юноша подошел к двери и постучался. Никто не ответил. Тогда он приложил к губам свой охотничий рог и громко затрубил в надежде, что в замке его услышат.

И тут дверь вдруг открылась сама собой. Юноша прямо диву дался. Но еще больше он удивился, когда вошел в замок и стал ходить по комнатам. Во всех комнатах ярко горел огонь в каминах, а в большом зале был накрыт стол, и на нем стояли блюда с сытными яствами. Но во всем обширном замке как будто не было ни одного человека.

Юноша очень продрог, промок и притомился. И вот он поставил своего коня в стойло на огромной конюшне, а собаку и сокола с собой взял и вернулся в замок. Сел за стол в большом зале и поужинал досыта. Потом примостился у огня, чтобы обсушиться.

Время было позднее, и юноша уже хотел было подняться наверх и вздремнуть в одной из спален, как вдруг часы на стене пробили полночь. Тотчас открылась дверь, и в зал вошел огромный страшный великан Дреглин Хогни. Он был косматый, с длинной бородой, глаза его под кустистыми бровями горели мрачным огнем. В руке он держал какую-то диковинную дубинку.

Великан как будто ничуть не удивился незваному гостю. Он прошел через весь зал и тоже сел у камина напротив юноши. Оперся подбородком на руки и уставился на гостя.

— А что, конь твой лягается? — спросил он наконец грубым, резким голосом.

— Еще как лягается-то! — ответил юноша.

И правда, отец ведь смог дать ему только необъезженного жеребца.

— Я умею обездыхать коней, — сказал великан, — и я помогу тебе обездыхать твоего. Возьми вот это и брось на своего коня.

Тут он выдернул у себя из головы длинный жесткий волос и подал его юноше.

И так грозно он говорил, что юноша не посмел послушаться — пошел на конюшню и бросил волос на своего коня. Потом он вернулся в зал и снова сел у камина. Как только он уселся, великан опять спросил:

— А что, пес твой кусается?

— Еще как кусается-то! — ответил юноша.

И правда, собака у него была такая злая, что никто, кроме хозяина, не смел ее погладить.

— Я умею приручать самых диких собак на свете, — сказал великан. — Возьми вот это и брось на своего пса.

Он выдернул другой волос у себя из головы и подал его юноше, а тот сейчас же бросил волос на свою собаку.

Потом великан задал юноше третий вопрос:

— А что, сокол твой клюется?

Юноша рассмеялся.

— Еще как клюется-то! — ответил он. — Мне приходится завязывать ему глаза, пока он не летает, а не то он закусывает всех, кто ему под клюв попадется.

— Больше не будет клеваться, — мрачно проговорил великан. — Брось-ка на своего сокола вот это.

И он в третий раз выдернул у себя из головы волос и подал его юноше, а тот бросил волос на сокола, как раньше бросал на коня и собаку.

И тут не успел он и глазом моргнуть, как страшный великан вскочил и с такой силой ударил его по голове своей диковинной дубинкой, что бедняга замертво повалился на пол. И тотчас же собака и сокол замертво упали рядом с хозяином, а конь в конюшню оцепенел. Он недвижно стоял в стойле, словно каменный.

Значит, вот как умел укрощать великан неприрученных животных.

Прошло сколько-то времени, и второй из трех братьев пошел к отцу и стал его просить, как просил старший брат:

— Отец, дай мне коня, сокола и собаку и отпусти по белу свету побродить, счастье свое поискать.

Отец выслушал его и дал ему все, что он просил, как раньше дал старшему сыну.

И вот юноша пустился в путь, вечером подъехал к темному дремучему лесу и заблудился, как и старший брат. Вскоре он тоже заметил вдали огонек, подъехал к замку, вошел в него, поужинал и сел у огня. Словом, сделал все как старший брат. Потом вошел великан и задал ему те же три вопроса, что задавал его старшему брату, а юноша ответил на них так же, как отвечал тот. И ему тоже великан дал три своих волоса с приказом бросить один волос на коня, другой на собаку, третий на сокола. А потом убил его, как убил его старшего брата.

Шло время; младший брат ждал-ждал старших братьев, да так и не дождался. И вот он попросил у отца коня, собаку и сокола и сказал, что хочет поехать на поиски братьев. А бедный старик, хоть и боялся остаться один на старости лет, дал ему все то, что он попросил.

Младший брат пустился в путь и вечером подъехал к темному дремучему лесу, а потом и к замку. Но он был маленький, смекалистый, и ему не по праву пришлось все, что он увидел. Не понравился ему и пустой замок, и накрытый

стол, а пуше всего — сам хозяин, великан Дреглин Хогни. И юноша решил держать ухо востро.

И вот когда великан спросил, лягается ли его конь, юноша только коротко ответил: «Да». А когда великан дал ему свой волос и приказал бросить его на коня, юноша пошел на конюшню, но волоса на коня не бросил, а зажал его в кулаке и вернулся в замок.

Тут он улучил время, когда великан на него не смотрел, и бросил волос в огонь. Волос зашипел, как змея, и сгорел.

— Что это шипит? — подозрительно спросил великан.

— Да это вода капает из сырого полена, — спокойно ответил юноша.

Великан ему поверил. Потом он дал ему еще два волоса и приказал бросить их на собаку и сокола, а юноша бросил их в огонь. Оба волоса зашипели, но великан на это не обратил внимания. Он думал, что гость уже в его власти. Встал и ринулся на него с дубинкой. Но юноша был начеку и, едва великан поднялся, громко свистнул.

И тут верный его конь выбежал из конюшни, а собака проснулась и вскочила с места, а сокол — он сидел на плече у хозяина — взмахнул крыльями и резко крикнул. И все трое кинулись на великана. Тогда он испытал на себе, как лягается конь, и как кусается пес, и как клюется сокол. Они лягали, кусали и клевали его, пока ему конец не пришел.

Юноша увидел, что великан уже мертвый, взял у него из рук дубинку и пошел осматривать замок. И вот он спустился в темное, мрачное подземелье и нашел там своих братьев. Они лежали рядом, холодные и словно каменные. Младший брат дотронулся до них великановой дубинкой, и они сразу ожили и вскочили на ноги, целые и невредимые.

Потом юноша пошел в другое подземелье и увидел двух коней, двух соколов и двух собак. Они, как и их хозяева, лежали словно мертвые. Юноша дотронулся до них волшебной дубинкой, и они тоже ожили.

Тогда он позвал братьев, и все трое обыскали другие подземелья и нашли в них горы золота и серебра — столько, что им на весь век хватить могло. Потом они зарыли в землю великана и поселились в его замке. Двое братьев поехали домой и вернулись со стариком отцом. И вот зажили они в замке счастливо да и по сей день так живут.

3. ЛОД, СЫН ФЕРМЕРА

Жил-был когда-то фермер, и был у него сын Лод, парень сильный, ладный, да и с головой па плечах. Как-то раз отец велел ему отнести большую миску овсянки работникам, что копали торф. Но по дороге Лод нечаянно вывалил на землю овсянку, так что работники остались без ужина и, когда вечером вернулись домой, пожаловались фермеру. Тот выругал Лода на чем свет стоит и выгнал из дома, приговаривая:

— Броди вот теперь по дорогам, сам ищи свой путь, а я тебя больше кормить не стану.

— Ну что же, уйду немедля, — отозвался Лод. — Ничего я у тебя не прошу, только дай мне железную дубинку — было бы мне чем защищаться, пока буду бродяжить.

— Дубинку ты получишь, — сказал фермер.

Пошел в кузницу и сковал дубинку в полпуда без ма-лого.

— Вот тебе добрая дубинка, — говорит.

Лод взял дубинку, погнул ее и сломал.

— Скуй мне другую дубинку, — говорит, — такую, чтоб мне по силе была.

Отец вернулся в кузницу и сковал другую железную дубинку — в пуд весом без малого.

— Ну, уж эта-то дубинка тебе по силе будет, — говорит.

Но Лод опять погнул дубинку раз, погнул два, да и разломил ее надвое.

— Нет, не по силе мне и эта дубинка, — говорит. — Скуй другую, покрепче, попрочней.

Тогда фермер сковал третью дубинку в полтора пуда с лишком.

— Крепче этой дубинки во всем свете не сыщешь, — говорит.

Лод три раза гнул новую дубинку и на третий раз согнул ее чуть не пополам.

— Ну что ж, придется мне ее взять, — сказал он отцу. Потом положил дубинку на колено и разогнул. — Хватит уж докучать тебе!

И вот он простился с отцом и ушел из родного дома.

Немного погодя подошел он к дворцу одного короля и попросился к нему на службу.

— Что ты умеешь делать? — спросил его король.

— Я хороший пастух, — ответил Лод. — Сызмальства привык скот пасти.

— Ну, значит, повезло мне нынче, — отозвался король. — Ведь у меня что ни день — скотина пропадает, и никак я не могу найти хорошего пастуха, такого, что сумел бы ее устеречь. Хочешь мне послужить?

— Что ж, послужу, если ты мне такое жалованье положишь, какое мне требуется. А требуется мне вот что: десять гиней в год, да полмеры овсяной крупы в неделю, да столько молока, сколько нужно, чтоб из этой крупы кашу варить.

Ем я только два раза в день: утром завтракаю, вечером ужинаю. Еще отведи мне хижину, чтоб мне в ней одному жить, и выдай большой котел и постель.

— Трудновато мне будет платить тебе такое большое жалованье, — сказал король. — Но ведь нужен мне пастух не простой; так и быть, найму тебя на полгода, а там видно будет.

Лод нанялся в пастухи к королю и стал пасти его стадо.

На другой день встал он спозаранку, сунул под мышку свою крепкую железную дубинку и погнал стадо на пастбище. Прошло сколько-то времени, и вот подошел он со стадом к месту, где рос колючий кустарник, и принялся собирать сушняк для костра. А скот пасся поблизости на холмистой пустоши. Но Лод еще не успел набрать сушняку, как вдруг ближний холм затрясся под чьей-то тяжелой поступью и появился громадный страшный великан.

— Ты что делаешь, коротышка? — заревел великан.

— Ох, добрый сэр, — взмолился Лод, — не пугайте меня! Ведь я всякого пустяка боюсь. Я тут просто сушняк для костра собираю. А еще стадо пасу. Может, вы за скотиной пришли? Так берите ее, только меня не трогайте.

Великан схватил самую тучную корову в стаде и связал ей все четыре ноги вересковыми жгутами.

— Эй, ты, поди сюда, помоги мне корову на спину взвалить, — крикнул он Лоду.

— Ох, боюсь! Страшно мне к вам подойти, — отозвался Лод.

— Иди! Я тебя не трону, — сказал великан.

Тогда Лод подошел к великану и посоветовал ему:

— Да вы просуньте свою голову ей между ног, а я зайду сзади и взвалю корову вам на плечи.

Великан послушался, просунул голову между коровьими ногами, а Лод зашел сзади да как хватит его дубинкой —

убил наповал. Тут Лод первым долгом развязал ноги корове, потом отрезал голову великану и повесил ее на дерево среди зеленой листвы. А тело забросал кусками дерна из старой дерновой ограды, чтоб не видеть было.

День прошел спокойно, а вечером Лод вернулся домой и привел с собой все стадо в целости и сохранности. Король вышел ему навстречу и диву дался.

— Как? Да ты все стадо привел в целости! — говорит.

— Привел, — ответил Лод. — А как же иначе?

Он не стал рассказывать королю про то, что с ним приключилось в этот день; решил, что лучше помалкивать.

На другой день Лод опять встал спозаранку и повел стадо на пастбище. И опять, как только подошел он к кустарнику на холме, принялся собирать сушняк для костра. Недолго пришлось ему этим заниматься — на вершине холма появился великан, и был он еще больше чем вчерашний.

— Что ты тут делаешь, коротышка? — заревел он.

— Собираю сушняк для костра, добрый сэр, — ответил Лод. — Только не пугайте меня, — ведь я всякого пустяка боюсь.

— А ты случаем не видел тут вчера человека с меня ростом? — спросил великан, нахмутив брови. — У моей матери младшенький пропал.

— Не видал я никого, — ответил Лод. — Да вчера меня тут и не было... А вы, может, корову у меня взять желаете? Так берите самую большую и хорошую и ступайте своей дорогой.

Великан отбил от стада лучшую корову (ту самую, что накануне отбил его брат, — не повезло ей, бедняге!) и связал ей ноги вересковыми жгутами. Потом крикнул Лоду:

— Поди сюда, помоги мне эту скотину на спину взвалить!

— Ох, нет! — отозвался Лод. — Боюсь я вас!

— Не бойся! Я тебя не трону, — сказал великан.

Затем дело пошло по-вчерашнему: не успел великан послушаться Лода — просунуть голову меж коровьих ног, — как Лод хватил его своей крепкой дубинкой, отрезал ему голову и повесил ее на дерево среди зеленой листвы. А тело забросал кусками дерновой ограды, так, чтобы никто, проходя мимо, его не заметил.

В тот вечер король опять вышел навстречу Лоду и опять диву дался, когда увидел, что стадо его возвращается в целости и сохранности.

— Говори, как ты провел день на холме, — приказал он. — Уж наверное увидел что-нибудь новенькое — найдется о чем порассказать.

— Нечего мне рассказывать. Там только и есть что вереск, да кусты, да торфяной мох, а про них тебе рассказывать незачем — это для тебя не новость, — ответил Лод. Он решил помалкивать про свои приключения.

— Ну, — сказал король, — ты, как видно, хороший пастух, да и везет тебе. В жизни у меня не было пастуха, что приводил бы домой все стадо в целости и сохранности. Одному тебе удается.

Третий день прошел так же, как первый и второй: не успел Лод забраться в чащу кустарника на склоне холма, как третий великан пришел воровать скот. Был он еще громадней, чем его братья, но Лод одолел и его, так что теперь уже целых три головы висели на дереве среди зеленой листвы, и три мертвых тела лежали, прикрытые дерном.

— Не может быть, чтобы нечего тебе было порассказать мне нынче, — сказал Лоду король, когда под вечер вышел ему навстречу.

— А почему не может? — спросил Лод. — Рассказал бы я тебе про ручей, что течет по торфу, про рябину и поросли дикой горчицы, да ведь это тебе не занимательно будет.

— Поистине, такого пастуха, как ты, во всей нашей стране не найдется, — молвил король, — и ты с лихвой стоишь своего жалованья.

На другой день Лод проснулся и подумал: «Ну, что меня ждет сегодня? Неужто опять явится великан? Да побольше тех трюх? Нет, не может быть!»

И вот он снова повел свое стадо на пастбище, а сам забрался в чащу кустарника и принялся собирать сушняк для костра. Немного погодя над холмом подул ветер, да такой сильный, что сорвал всю листву с деревьев. Но то был не ветер, то отдувалась великанша, громадная старая ведьма. Огромными шагами она подошла к Лоду и показала на него пальцем, похожим на коготь.

— Так вот ты где, негодяй, подлец, коротышка несчастный! — заорала она. — Ты моих трех красавцев сынов убил! Ну, уж теперь ты за это поплатишься!

Тут она бросилась на Лода и обхватила его руками, а он обхватил ее тоже, и стали они бороться. По земле, по камням катались, кровью залитые, торфом измазанные, сцепившись друг в друга мертвой хваткой. Старая ведьма была до того сильная, до того крепкая, что Лод не раз уж и с жизнью прощался, не раз думал: «Эх, враг мой близко, а друзья далеко!» Но вот он понатужился, приподнял великаншу и переломил ей ноги и руки. Потом прижал ее к земле.

— Ну, карлица, какой дань выкуп, если я избавлю тебя от мучений? — спросил он.

— Выкуп большой, не малый, — ответила она слабым голосом. — Вон там, у входа в ту пещеру, зарыты сундук с серебром и сундук с золотом.

— Мои ми будут, — сказал Лод. — А теперь я избавлю тебя от мучений.

Отрезал ей голову и повесил ее рядом с головами трех великанов, а тело бросил у дерновой ограды.

В тот вечер король остановил его на дороге и спросил:

— Неужто с тобой и нынче ничего не приключилось, пока ты скот пас?

— Холмы стоят, как стояли, зеленый пышный папоротник растет, как рос, кроншнепы летают в небе, как летали всегда, — ответил Лод. — Не могу я рассказать тебе ничего занимательного.

— Ну, — молвил король, — ты просто чудо, а не человек! Эх, что бы тебе раньше наняться ко мне в пастухи! Я тогда бы и горя не знал.

Следующий день прошел спокойно, — в первый раз с тех пор, как Лод начал пасти королевский скот, ничто его не потревожило. Но когда вечером он возвращался домой, его немало удивило, что король не вышел ему навстречу спросить, как прошел день. Вот пришел Лод во дворец и услышал, что все там плачут и стонут: оказалось, что королевской дочери грозит страшная судьба.

Лоду рассказали, что в тот самый день громадный великан о трех головах (ведь в те времена там было полным-полно великанов!) спустился с гор ко дворцу и пригрозил убить всех людей до одного, если ему не отдадут королевны. Потом он ушел, но поклялся вернуться и выполнить свою угрозу, если королевны не приведут к нему в пещеру в тот же вечер. С великой скорбью решил король отдать ему дочь, чтобы спасти свой народ. Королевну уже готовились увести, как вдруг в последний миг косоглазый рыжеволосый повар короля вызвался проводить ее до пещеры в надежде получить за это хорошую награду.

— Я убью великана, — сказал он королю. — Но в награду выдайте королевну за меня.

Не хотелось королю брать в зятья своего косоного рыжего повара, но делать нечего, согласился. И вот повар с королевной отправились вместе к пещере великана незадолго перед тем, как Лод вернулся с холма.

Надо сказать, что Лод полюбил королеву, как только увидел ее; а увидел он королеву в окне дворца в первый же день своей службы у короля. И теперь, едва он услышал, в какой она страшной опасности, тотчас сам отправился к пещере великана. Под мышкой он нес свою крепкую железную дубинку — последнюю из тех трех, что сковал для него отец.

И вот он подошел к пещере и увидел королеву. Она, вся дрожа, стояла у входа, а косою рыжий повар спрятался за камнем — он был трус, каких мало.

— Ах! — вздохнула королева, когда увидела Лода. — Зачем ты пришел сюда? Мало того, что великан заберет меня, ведь он тебя убьет!

— Ну, что до этого, — возразил Лод, — так ведь он через себя не перепрыгнет, а я уже бывал таких, как он.

Тут из пещеры донесся страшный шум, и появился сам великан — громадное чудовище в звериных шкурах с тремя безобразными головами на толстой шее. В пещере была непроглядная тьма, и когда великан вышел на свет божий, он невольно зажмурился. А Лод, не будь промах, в тот же миг бросился на него и снес ему все три головы. Тут великану конец пришел. Но Лод ударил его с такой силой, что сам не удержался на ногах и ободрал себе руку. Тогда королева оторвала лоскут от своего платья и перевязала его рану. Она себя не помнила от радости, что спаслась, и сразу же полюбила своего спасителя. И вот она стала просить Лода:

— Вернись со мной во дворец и потребуй, чтобы меня отдали тебе в жены!

Но Лод устал до смерти: ведь он весь день пас скот, а потом ему пришлось отшагать всю длинную дорогу до пещеры великана. И он сказал королеве, что сначала немножко поспит, а потом уже пойдет с нею во дворец. Лег на траву и закрыл глаза.

Все это время косою рыжий повар прятался за камнем, но как только увидел, что Лод заснул, вышел из засады, подобрал все три головы великана, а королеву схватил за руку и потащил за собой. Она изо всех сил старалась вырваться и звала на помощь Лода. Но он спал беспробудным сном, и ей волей-неволей пришлось вернуться во дворец вместе с поваром. Там повар показал королю великановы головы и сказал:

— Ну, королеву я спас. Теперь выполняй свое обещание — выдай ее за меня!

Король поневоле согласился и назначил день свадьбы.

Пир задали на славу, и когда гости собрались, король оглянулся вокруг, чтобы узнать, все ли его домочадцы в сборе. И вдруг нахмурился.

— Одного человека не хватает, — сказал он. — Где мой пастух?

— Вот я! — раздался голос за дверью, и на пороге появился Лод.

Он гневно впился глазами в негодяя повара, сидевшего на жениховском месте, и тот побледнел от страха.

— Отец мой, от великана меня избавил этот человек, а вовсе не повар, — молвила королева. — Я знала, что он придет спасти меня от такого жениха, как уже спас от великана.

— Чем ты докажешь, что это он тебя спас? — спросил король.

Тут королева встала и подошла к Лоду. А у него рука все еще была перевязана лоскутком от ее платья.

— Смотри — он поранил себе руку, когда снес великану головы, — молвила она и показала отцу то место на своем платье, от которого оторвала лоскут.

Тогда король ей поверил. Он выгнал из своей страны косою рыжего повара, а Лода, фермерского сына, повенчали с

королевной, к общей радости и ликованию. И если последний день свадебного пиршества был не самым лучшим днем, то, уж во всяком случае, и не самым худшим из всех этих праздничных дней.

Когда торжества окончились, Лод привел жену и тестя на то место, где он пас скот, и показал им головы трех великанов и великаниши, что висели на дереве. Наконец-то король узнал о том, что приключилось с Лодом в первые дни его службы.

Потом они вырыли сундук с серебром и сундук с золотом, что были зарыты у входа в ближнюю пещеру, и до конца дней своих жили не тужили. И если они не умерли, то, значит, еще живы.

4. ПИРИГЛУН

В старину на острове Русэй правили король и королева, и было у них три дочери. Не успели девочки немного подрасти, как их отец, король, умер, и власть в королевстве перешла к его дальнему родственнику. Он всю жизнь ненавидел королевскую семью и теперь знать не хотел ни вдовствующей королевы, ни ее дочерей.

Туго им пришлось. Жили они все в крошечном домике и сами занимались хозяйством. Перед домиком у них был огород, а сзади — небольшой лужок. Была у них и корова. Они пасли ее на лугу и, кроме того, кормили капустой, что росла на огороде. Всем известно, что если коров кормят капустой, они дают много молока.

Как-то раз женщины заметили, что кто-то приходит по ночам и ворует капусту. Это их очень обеспокоило — ведь они знали, что если у них не хватит капусты для коровы, то не хватит и молока на продажу.

И вот старшая принцесса сказала, что вынесет наружу трехногую скамейку, завернется в одеяло и просидит на огороде всю ночь, чтобы подстеречь вора. Так она и сделала, хотя было очень холодно и очень темно.

Вначале она думала, что старания ее пропадут даром — час проходил за часом, а никто не появлялся. Но перед рассветом, когда часы пробили два, с луга, позади дома, слышались осторожные шаги. Казалось, будто какой-то очень тяжелый человек старается ступить как можно мягче. И вдруг огромный великан перешагнул прямо через забор в огород.

В одной руке он нес громадную корзину, в другой у него был широкий острый нож. Великан тотчас же принялся срезать кочаны капусты и бросать их в корзину.

Принцесса была девушка неробкого десятка. Хоть и не ждала она, что вор окажется великаном, собралась с духом и громко крикнула ему:

— Кто тебе позволил срезать наши кочаны? Перестань сейчас же и убирайся прочь!

Но великан по-прежнему срезал кочаны, не обращая на нее никакого внимания.

— Слышишь, что я говорю? — в гневе закричала девушка.

Она ведь была принцесса и привыкла повелевать.

— Замолчи, а не то я и тебя заберу с собой, — хмуро проговорил великан и принялся уминать капусту в корзине.

— Попробуй только! — сказала принцесса; вскочила со скамейки и топнула ногой.

Она очень рассердилась и совсем позабыла, что она-то слабая девушка, а он огромный, могучий великан.

Тут великан, словно играючи, схватил девушку за руку и за ногу, кинул ее в корзину поверх капусты и унес.

Вот он добрался до дому, — а дом у него был огромный и стоял в глуши, на торфянике, — сбросил девушку на пол и сказал:

— Теперь ты станешь моей служанкой, будешь вести мое хозяйство и делать все, что я прикажу. У меня есть корова, и ты ее каждый день води на пастбище, к холму за болотом. Видишь этот мешок с шерстью? Когда отведишь корову, приходи домой и принимайся за работу, как хорошая хозяйка: расстрепли шерсть, расчеши ее и спряди столько пряжи, чтобы тебе хватило соткать кусок хорошего толстого сукна мне на одежду. Я на целый день уйду из дому; а ты смотри, чтобы все у тебя было сделано к моему приходу. И еще свари мне большой котел овсянки на ужин.

Бедная принцесса приуныла — ведь дома она не привыкла к такой тяжелой работе, да к тому же ей помогали сестры. Но великан на нее и не взглянул. Как только занялась заря, он приказал девушке приняться за работу и удалился.

И вот принцесса осталась одна в доме. Когда великан ушел, она повела корову на пастбище. Долго ей пришлось брести по торфянику до холма и обратно. Она прямо из сил выбилась и, когда вернулась домой, решила: «Подожду возиться с шерстью, сначала сварю себе овсянку», да так и сделала. Но как только села за стол, дверь открылась, и в комнату ввалилась целая толпа маленьких-маленьких человечков — гномов Пири.

Принцесса в жизни не видывала таких карликов — ни один из них не доходил ей до икр. Одеты они были в платья всех цветов радуги: красные и голубые, зеленые и желтые, оранжевые и лиловые. А волосы у них были желтые, как солома, и взлохмаченные.

Гномы смеялись и болтали друг с другом, вскакивали на скамеечки для ног, оттуда — на стулья и, наконец, — на стол. А на столе все они сгрудились вокруг миски, из которой принцесса ела овсянку.

— Есть хотим! Есть хотим! — кричали они тонкими, пронзительными голосками. — Оставь немножко овсянки для народа Пири.

Но принцессе тоже хотелось есть, к тому же она устала, и гномы ей быстро надоели. Она покачала головой и нетерпеливо отмахнулась от них ложкой.

Самой мне не хватит, не хватит и вам;
Идите прочь, ни крошки не дам! —

резко сказала она, и гномы Пири тотчас же исчезли, к великому ее удовольствию. Ведь ей было не очень-то приятно, когда они все толпились на столе, уставившись на нее.

Она спокойно доела овсянку, потом вынула шерсть из мешка и принялась ее расчесывать. Но шерсть была как заколдованная: она вилась, закручивалась, обматывалась вокруг пальцев. Принцесса, как ни старалась, ничего не могла с ней поделать.

И вот великан пришел домой. Видит — девушка сидит в слезах, вся шерсть перепуталась, а овсянка, что варилась в котле ему на ужин, пригорела и почернела, как уголь.

Ну и разозлился же он! И орал, и ногами топал, и ругался. В сердцах схватил девушку за ноги и отколотил ее до крови. Потом отнес в хлев и бросил на насест, к курам. Принцесса, правда, не умерла от побоев, но была так

оглушена, так избита, что лежала без движения и только глядела вниз, на спины коров.

Время шло. А на огороде у королевы капуста убывала по-прежнему. И вот средняя принцесса сказала, что пойдет сторожить огород, как ходила старшая, — завернется в одеяло и просидит всю ночь на трехногой скамеечке, чтобы узнать, куда девается капуста.

Так она и сделала, и с ней приключилось то же, что и со старшей сестрой. Великан пришел с корзиной и унес девушку к себе домой. А там он приказал ей ходить за коровой, убирать дом, варить ему овсянку и прясть шерсть. Желтоволодые гномы Пири явились к ужину и попросили принцессу угостить их, а она отказала. Потом принялась расчесывать шерсть, но не сумела с ней справиться. А великан рассердился, выругал девушку, отколотил и бросил полумертвую на насест к старшей сестре и курам.

Тогда младшая принцесса решила просидеть всю ночь на огороде. Ей не так хотелось увидеть, куда девается капуста, как не терпелось узнать, что случилось с сестрами.

Великан вскоре пришел и унес ее тоже, но она ничуть не огорчилась; напротив — обрадовалась. Она была смелая и любящая девушка и надеялась, что теперь, может быть, узнает, где ее сестры и живы они или умерли. Да она и не сомневалась, что у нее хватит ума перехитрить великана — дай только срок, а пока надо терпеть и глядеть в оба. И вот она, очень довольная и веселая, тихонько лежала в корзине на кочанах капусты, но зорко смотрела по сторонам, чтобы запомнить дорогу.

Наконец великан принес ее к себе на кухню и велел ей приниматься за работу. Но она не приуныла, как приуныли ее сестры, а весело кивнула головой и сказала, что все сделает вовремя.

И вот она повела корову на пастбище по торфянику и всю дорогу пела песни, а весь обратный путь бежала бе-

гом — ей хотелось, чтобы осталось побольше времени на работу. А еще она собиралась тайком от великана обыскать весь его дом.

Но прежде чем приняться за работу, она, как и сестры, сварила себе овсянку. И как только она села завтракать, толпа маленьких желтоволодых гномов Пири проникла в комнату. Они влезли на стол и устали на девушку.

— Есть хотим! Есть хотим! — кричали они. — Оставь немножко овсянки для народа Пири.

— С удовольствием, — добродушно ответила принцесса. — Только найдите себе маленькие плошки, и я угощу вас овсянкой. Ведь если я поставлю вам большие миски, вы сами в овсянке увязнете.

Тут гномы Пири захохотали, да так, что соломенно-желтые вихры рассыпались у них по личикам. Они сейчас же соскочили со стола на пол и выбежали из дому, но скоро вернулись все вместе. В руках они держали чашечки колокольчиков и наперстянки и блюда из лепестков первоцвета и анемоны. Принцесса положила по ложечке овсянки в каждое блюдо и налила по капле молока в каждую чашечку. Тут гномы принялись уплетать овсянку маленькими травяными ложечками — они принесли эти ложечки с собой в карманах. И ели они, как хорошо воспитанные люди. Насытившись, все они закричали: «Спасибо, спасибо!» — и выбежали из кухни.

Когда принцесса осталась одна, она обошла весь дом в поисках сестер, но так и не смогла их найти.

«Ничего, скоро я их разыщу, — подумала она. — Завтра поищу в хлеву и в сараях на дворе, а пока примусь за работу».

Она вернулась в кухню и взяла мешок с шерстью, из которой великан приказал соткать сукно.

Но как только она вынула шерсть, дверь опять открылась и вошел желтоволодый мальчик Пири. Он был точь-в-

точь такой, как другие гномы Пири, что ели овсянку процессы, только повыше ростом и одет в очень красивое платье из бархата, зеленого, как трава. Он смело прошел на середину кухни, осмотрелся и сказал:

— Нет ли у тебя работы для меня? Я умею чесать и прясть шерсть и ткать из нее хорошее толстое сукно.

— Работы у меня хватит для каждого, кто попросит, — ответила принцесса, — да только нет денег, чтобы за нее заплатить. А на свете мало кто согласится работать задаром.

— Платы мне не нужно, — сказал гном. — Я только попрошу тебя потрудиться узнать, как меня зовут. Лишь немногие знают мое имя, и немногие хотят его узнать. Ну, а если ты не сможешь узнать мое имя, тебе придется отдать мне вместо платы половину сукна.

Принцесса подумала, что узнать имя мальчика-гнома, наверное, не трудно, и согласилась. Она сложила всю шерсть обратно в мешок и отдала его гному, а тот перекинул мешок через плечо и ушел.

Как только он вышел, принцесса подбежала к двери, чтобы посмотреть, в какую сторону он пойдет, — она хотела пойти за ним следом, узнать, где он живет, и расспросить у соседей, как его зовут.

Но, к ее большому огорчению, гнома и след простыл. Она смотрела и туда и сюда — вертела головой во все стороны, но нигде его не было видно. Тут она стала беспокоиться. «Что я буду делать, — думала она, — когда вернется великан и узнает, что я отдала всю его шерсть какому-то незнакомому человечку, а сама даже не спросила, как его зовут?»

Часы проходили, а девушка так и не могла придумать, как ей узнать имя мальчика-гнома или хотя бы откуда он пришел. Она поняла, что сделала большую ошибку, и ей стало очень страшно.

Но вот сумерки начали сгущаться, и вдруг кто-то постучал в дверь. Принцесса открыла ее и увидела за порогом старушку. Старушка попросилась переночевать.

Принцесса была очень добрая девушка и охотно пустила бы в дом бедную старушку, но не посмела — побоялась, как бы великан не рассердился. Она сказала старушке, что не смеет пустить ее переночевать, потому что сама она в этом доме не хозяйка, а простая служанка. Но она все-таки усадила гостью на скамью у дверей, принесла ей хлеба и молока и дала воды помыть усталые ноги.

Принцесса была такая хорошенькая, такая милая и добрая девушка и она до того огорчилась, когда ей пришлось отказать старушке в ночлеге, что та благословила ее и принялась утешать.

— Не заботься обо мне, — сказала старушка. — Вечер теплый, сухой. Ты меня накормила, и теперь я посижу на дворе, а потом посижу где-нибудь у сарая.

И вот старушка доела хлеб, допила молоко и немного погодя легла спать у подножия зеленого холмика, что возвышался над торфяником, недалеко от хлева.

Но не успела она улечься, как почувствовала, что земля под ней все теплеет и теплеет. Наконец, земля стала такой горячей, что пришлось старушке вскарабкаться на холмик, чтобы подышать свежим воздухом.

Она уже почти дошла до вершины, как вдруг откуда-то из-под земли послышался голос. Кто-то говорил:

Трепли, трепли, растрепывай;
Чеши, чеши, расчесывай;
Пряди, пряди, поспрядывай;
Пириглуи, Пириглуи, Пириглуи —
Вот как все меня зовут.

Наконец старушка поднялась на холмик и тут заметила в земле трещину. Из трещины лился свет. Старушка

припала к ней глазом, и что же она увидела? Глубоко вни-зу, в ярко освещенной комнате собрались все гномы Пири. Они сидели кружком и работали с великим усердием.

Одни трепали шерсть; другие ее расчесывали; третьи пря-ли, то и дело облизывая себе гальцы, чтобы ссучить нить потоньше, а четвертые ткали из пряжи сукно.

По кругу все время ходил желтоволосый мальчик Пири. Он хлопал хлыстиком и понукал остальных работать по-быстрее.

«Вот так чудеса! Дивные дела тут творятся! — подума-ла старушка и поспешила спуститься с холмика. — Надо мне сейчас же пойти и рассказать про все, что я видела, доброй девушке в том доме. Кто знает, а вдруг это ей пригодится? Когда народец Пири держится поблизости, лучше быть начеку».

И вот она вернулась в дом и рассказала принцессе про все, что видела и слышала. Принцесса так обрадовалась, что, как ни страшно ей было рассердить великана, она по-зволила старушке переночевать на сеновале.

Вскоре после того, как старушка ушла спать, дверь от-крылась, и появился мальчик Пири с кусками сукна на плече.

— Вот твое сукно, — сказал он с хитрой улыбкой. — Я положу его к тебе на полку, как только ты назовешь мое имя.

Принцесса была веселого нрава и решила немножко подразнить гнома. Она стала называть разные имена, одно за другим, и всякий раз притворялась уверенной, что на-зывала настоящее. А мальчик Пири прыгал от радости и пока-тывался со смеху. Ведь он думал, что она ни за что не догадается, как его зовут, и половина сукна достанется ему.

Но в конце концов принцессе надоело шутить, и она сказала со смехом:

— Ты не знаешь, человечек, кого зовут Пириглуном?

Тут он понял, что она все-таки узнала, как его зовут люди, и так рассердился, что в досаде свалил на пол все сукно в кучу и выбежал вон, хлопнув дверью.

Тем временем великан спускался с холма. Уже темне-ло, и вдруг он с удивлением увидел, что навстречу ему идет народец Пири. Гномы медленно поднимались на холм, повесив головы, и, как видно, до того утомились, что еле ноги передвигали. Глаза у них были мутные и словно не-зрячие, а губы так отвисли и скривились, что бедняги стали настоящими уродцами-губошлепами.

Великан спросил, что с ними, а они ответили:

— Мы целый день работали на своего хозяина и со-всем из сил выбились. А губы у нас так отвисли потому, что мы то и дело смачивали себе пальцы слюной, чтобы ссу-чить нить потоньше.

— А я-то всегда уважал женщин, что умеют прясть! — сказал великан. — Хотел, чтоб хозяйка моего дома была хорошей пряхой. Но теперь передумал. Сейчас у меня жи-вет хозяйшшка, да такая красотка! И мне вовсе не хочется, чтобы она стала уродиной. А сидит за прялку, испортит себе личико.

И он поспешил домой, опасаясь, как бы алые губки его новой служанки тоже не отвисли, как у гномов.

Но он вздохнул с облегчением, когда увидел, что слу-жанка его стоит у стола все такая же хорошенькая, как раньше, а перед нею лежит целая куча сукна.

— Ты прилежная девушка, — сказал великан, очень до-вольный. — В награду за твою усердную работу я верну тебе сестер.

Тут он пошел в хлев, снял обеих принцесс с насеста, принес их в дом и положил на ларь.

Младшая принцесса чуть не вскрикнула, когда увидела, как избиты ее сестры, — на них живого места не было.

Но она была осторожна — прикусила язычок и только принялась мазать их раны целебной мазью и делать им перевязки. Мало-помалу старшие сестры ожили и, когда великан ушел спать, рассказали младшей про все, что с ними приключилось.

— Я отомщу ему за его жестокость, — сказала младшая принцесса, и так решительно, что сестры поняли: она говорит не на ветер.

И вот наутро, пока великан еще не встал с постели, младшая принцесса притащила его корзину, уложила в нее старшую сестру и покрыла ее всеми шелковыми занавесками и коврами, какие были в доме, а сверху набросала травы. Когда же великан спустился в кухню, девушка вежливо попросила его оказать ей одну услугу.

Великан был очень доволен ею — ведь он думал, что это она сама наткала столько сукна, — и согласился исполнить ее просьбу.

— Отнеси эту корзину травы моей матери, а то ей нечем кормить корову, — сказала принцесса. — Ты ведь крадешь капусту с нашего огорода, так эта трава будет взамен капусты.

Как ни странно, великан послушался и отнес корзину королеве.

На следующее утро младшая принцесса положила свою среднюю сестру в другую корзину, покрыла ее всеми скатертями и салфетками, какие нашлись в доме, а сверху набросала травы. По ее просьбе, великан отнес королеве и эту корзину, да и не мудрено, что отнес — ведь он уже начал привязываться к своей служанке.

На третий день младшая принцесса сказала великану: — Я кончу всю домашнюю работу, а потом надолго уйду гулять и, может быть, не вернусь к тому времени, когда ты вечером придешь домой. Но я заранее наберу кор-

зину травы, а ты, пожалуйста, отнеси корзину ко мне домой, как относил вчера и третьего дня.

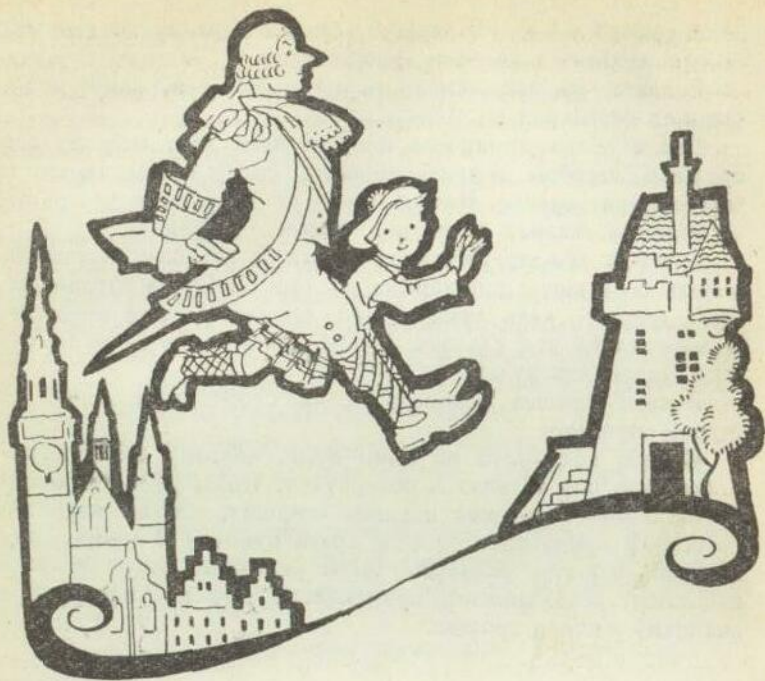
Великан обещал исполнить ее просьбу и, как всегда, ушел на целый день.

После обеда принцесса обошла весь дом, собрала все кружева, серебро и драгоценности, какие могла найти, и снесла их к корзине. Потом вышла из дому, накосила охапку травы и свалила ее на пол, рядом с вещами.

А когда все приготовила, влезла в корзину, положила поверх себя вещи и прикрыла их травой. Очень трудно это было сделать, ведь сама-то она лежала на дне корзины. И все-таки ей это удалось. А потом она лежала совсем тихо и ждала, что будет.

Вскоре пришел великан, поднял корзину и понес ее старой королеве.

Никого как будто не было дома, поэтому великан поставил корзину у входа и повернулся, чтобы уйти. Но младшая принцесса заранее научила старших, что им надо делать. Они принесли огромный котел кипятку в комнату под крышей, а когда услышали шаги великана, открыли окно и вылили весь кипяток прямехонько ему на голову. Тут великану и конец пришел.

ЛОРД О'КОУ

Было ясное летнее утро, и лорд О'Коу прогуливался по зеленой лужайке недалеко от своего замка. Настоящее его имя было «лорд О'Колзен», а его потомки доселе носят титул маркизов Эйлса. Однако во всем Эйршире люди называли его «лорд О'Коу» и вот почему: замок его стоял на скале, в которой были пещеры, а в этой местности пещера называется «коу».

Лорд О'Коу был человек добрый и приветливый. Он охотно помогал тем соседям, что были беднее его, и прислушивался к рассказам о чужом горе. И вот пока он гулял по лужайке, к нему подошел маленький мальчик с кувшинчиком в руке. Мальчик попросил у лорда немножко эля для своей больной матери. Лорд погладил мальчика по голове и сказал:

— Ступай на кухню, спроси дворецкого и скажи ему, что лорд, мол, велел доверху наполнить этот кувшинчик элем, самым лучшим, какой найдется в погребе.

Мальчик ушел, отыскал старика дворецкого, а тот выслушал его и повел в погреб.

В погребе стояла бочка особенно вкусного эля — его подавали на стол только самому лорду. Бочку эту открыли недавно, и эля в ней осталось примерно до половины.

«Налью мальчику из этой бочки, — подумал дворецкий. — Эль в ней и сытный, и не крепкий — как раз такой, какой для больных полезен».

Он взял у мальчика кувшинчик и подставил его у бочки под желобок. Но — удивительное дело — кувшинчик не наполнялся! Струя эля беспрерывно вытекала из бочки, кувшинчик был маленький — всего на четверть галлона — однако эля в нем набралось только до половины. Эль все тек и тек светлой янтарной струей, огромная бочка уже совсем опустела, а в кувшинчике эля не прибавлялось.

«Что за притча!» — удивлялся дворецкий. Он смотрел на бочку, смотрел на кувшинчик, смотрел на пол — уж не пролился ли эль? Нет, не пролился. Пол в погребе как был, так и остался белым, чистым и сухим.

«Чума его возьми, этот кувшинчик! Заколдованный он, что ли?» — подумал дворецкий, и его жесткие, как ежовые иглы, короткие волосы стали дыбом вокруг лысины. Ведь он больше всего на свете боялся колдунов, ведьм и вообще всякой нечистой силы.

— Ну, малыш, другой бочки я открывать не стану, — проворчал он и возвратил мальчику неполный кувшинчик. — Ступай-ка домой — хватит с тебя и этого. Эль у нашего лорда слишком хорош, чтобы тратить его на такого сопляка, как ты.

Но мальчик не хотел уходить.

— Лорд обещал, что мой кувшин наполнят доверху, — молвил он, — да так и велел сказать тебе. А ведь обещания надо выполнять. Так что я не уйду домой без полного кувшина.

Напрасно дворецкий с ним спорил и даже сердился — мальчик стоял на своем.

— Лорд обещал мне полный кувшин эля, — твердил он. — Не уйду, пока не получу.

Дворецкий не знал, что делать. Наконец он оставил мальчика в погребе, а сам пошел к лорду.

— Не иначе как этот кувшин заколдованный, — сказал дворецкий лорду. — Я в него чуть не целую бочку эля перелил, а он все неполный. Пожалуйста сами в погреб и выгоните вон мальчишку!

— Нет, не пойду, — сказал лорд. — Мальчик совершенно прав. Я обещал дать ему полный доверху кувшин эля для его больной матери. И он получит полный кувшин, даже если в него придется вылить весь эль из всех бочек в моем погребе. Поэтому ступай открой другую бочку.

Дворецкий не посмел ослушаться. Он нехотя побрел в погреб и всю дорогу покачивал головой в тревоге и думал, что господина его, должно быть, тоже околдовали. А что мальчишка с его кувшинчиком — заколдованный, в этом старик ничуть не сомневался.

В погребе мальчик терпеливо ждал его, стоя на прежнем месте. Не тратя лишних слов, дворецкий взял у него кувшинчик и открыл другую бочку.

Тут ему пришлось удивиться еще пуще. Едва из бочки вытекло несколько капель, кувшин мальчика наполнился до краев.

— Берн кувшин, мальчуган, — сказал дворецкий, — да не мешкай, беги домой поскорее!

Он был рад-радешенек наконец-то избавиться от этого диковинного кувшинчика.

Мальчик не заставил себя просить. Он вежливо поблагодарил дворецкого за труды, хоть тот и не очень ласково с ним обошелся, и убежал. Тут его и след простыл. Дворецкий потом не раз расспрашивал окрестных жителей, не слышали ли они про такого-то и такого-то мальчика и его большую мать. Но никто про них ничего не знал.

Шли годы, и тяжкое горе выпало на долю рода О'Коу. Лорд уехал на войну во Фландрию, а там его взяли в плен и приговорили к смерти. Он был один в чужой стране, и некому было за него даже словечко замолвить. А о бегстве и думать не приходилось.

И вот в ночь накануне казни лорд О'Коу сидел один в темнице и со скорбью думал о своей жене и детях — он уже потерял надежду свидеться с ними. Вспоминал он и свой родной дом — огромный старинный замок на скале, — вспоминал и зеленую лужайку за воротами, всю в ромашках. Здесь он когда-то любил гулять на солнышке летними утрами. И тут он вдруг вспомнил маленького мальчика, что пришел просить у него эля для своей больной матери. Про этого мальчика он давно позабыл, а тут почему-то увидел его, да так ясно, что даже протер себе глаза.

В тот же миг дверь в его темницу бесшумно открылась, и на пороге появился тот самый мальчик. Он ни капельки не вырос — остался точь-в-точь таким, каким был в то

давнее летнее утро. Мальчик стоял, загадочно улыбаясь и приложив палец к губам. И вдруг шепнул:

Лорд О'Коу, вставай
И за мною ступай!

Потом сделал знак пленнику следовать за ним. Лорд О'Коу молча встал и пошел за мальчиком.

Мальчик шел по длинным коридорам подземелья, а лорд следовал за ним по пятам. И всякий раз, как они подходили к запертой двери, мальчику стоило только прикоснуться к ней, и она открывалась сама собой. Так они вскоре вышли на вольный воздух.

Лорд не помнил себя от радости. Он уже хотел было поблагодарить своего маленького спасителя, но тот взмахом руки остановил его.

— Садись ко мне на спину, — сказал он. — Пока ты в этой стране, тебе грозит смерть.

Лорд сел к нему на спину, и, как ни странно, мальчик словно и не почувствовал его тяжести. Он поднялся на воздух и полетел над морем и сушей. И вот, казалось, не прошло и мгновения, как они опустились на зеленую лужайку перед замком как раз в том месте, где впервые встретились столько лет назад.

Мальчик повернулся к лорду, положил свою крошечную ручонку на его широкую ладонь и сказал:

Кто сделал другому добро, тому воздадут добром.
Ты пожалел мою мать и вот вернулся в свой дом.

Сказал и сразу исчез.

И с того дня никто его больше не видел.

ЧЕРНЫЙ БЫК НОРРОУЭЙСКИЙ

В старину, много веков назад, жила-была одна вдовствующая королева, и было у нее три дочери. Королева была такая бедная, что ей с дочерьми часто даже есть было нечего.

И вот старшая принцесса надумала идти по свету счастье свое искать, и мать согласилась ее отпустить.

— Лучше уж на чужой стороне работать, чем дома с голоду помирать, — говорила она.

Неподалеку от их замка жила старуха птичница. Она слыла колдуньей, и говорили, будто она может предсказывать будущее. Вот королева и послала к ней старшую принцессу спросить, в какую из четырех стран света ей лучше пойти счастье свое искать.

Птичница жалела королеву и ее красавиц дочерей и была рада подать им добрый совет.

— Тебе незачем идти далеко, милочка, — сказала она старшей принцессе. — Дойди только до задней двери моего дома и выгляни из нее.

Принцесса побежала по сеним к задней двери старухиного дома, и что же она увидела? Великолепная карета, запряженная шестеркой буланых лошадей, катила по дороге.

Девушка всполошилась и побежала назад в кухню рассказывать птичнице про карету.

— Хорошо, отлично! — сказала ей старуха, очень довольная. — Вот ты и увидела свое счастье! Эта карета приехала за тобой.

И правда, карета остановилась у ворот замка, и средняя принцесса уже побежала к птичнице сказать сестре, чтобы та поскорее возвращалась домой, — ведь карета за ней приехала!

Не помня себя от радости, старшая принцесса поспешила домой и простилась с матерью и сестрами. Потом села в карету, и лошади помчали ее вдаль.

Говорят, будто эта карета направилась ко дворцу могущественного и богатого принца, и он женился на старшей принцессе.

Несколько недель спустя средняя принцесса решила, по примеру сестры, пойти к птичнице и спросить, в какую сторону ей пойти счастья своего поискать. И, конечно, она в глубине души надеялась, что с нею случится то же, что случилось со старшей ее сестрой.

Так оно и вышло. Старуха птичница велела ей выглянуть за дверь ее дома, что выходила на задний двор. При-

цесса выглянула и увидела, что к их замку подъезжает карета, запряженная шестеркой. Она рассказала про это старухе, а та ласково улыбнулась и велела ей бежать домой, потому что она уже нашла свое счастье. Ну, принцесса побежала домой, села в карету и уехала.

Младшей принцессе тоже захотелось попытать счастья. Веселая, полная надежд, она в тот же вечер побежала к колдунье.

Старуха велела младшей принцессе подойти к задней двери, и та пошла. Она думала, что третья карета, запряженная шестеркой, вот-вот подкатит к воротам замка.

Но не тут-то было! Никакой кареты она не увидела. Никто не ехал по дороге. Младшая принцесса в досаде побежала к птичнице и сказала, что кареты нет.

— Ну, значит, счастье твое придет к тебе не сегодня, — молвила старуха. — Подожди до завтра.

Младшая принцесса вернулась домой и на другой день опять пошла к птичнице. Но и на этот раз надежды ее не сбылись. Как она ни всматривалась в даль, никакой кареты не появлялось. А вот на третий день... Что же она увидела на третий день? По дороге, свирено дергая головой, с ревом мчался громадный черный бык.

Принцесса очень испугалась, захлопнула дверь и побежала к птичнице сказать, что к дому бежит страшный, свирепый бык.

— Ох, милочка, — воскликнула старуха, всплеснув руками, — кто бы мог подумать, что счастьем твоим будет Черный Бык Норроуэйский!

Услышала это бедная принцесса и побледнела. Ведь она пошла искать свое счастье, но никак не ожидала, что оно окажется таким страшным.

— Да разве этот бык может быть моим счастьем! — вскричала она в ужасе. — Не могу же я уйти с быком!

— Придется, — спокойно молвила птичица. — Ты выглянула за дверь моего дома, чтобы найти свое счастье. Значит, раз уж счастье твое пришло, придется тебе его взять.

Принцесса в слезах побежала к матери. Она твердила, что не хочет никуда уходить из дому. Но королева-мать сказала ей то же, что говорила птичица. И вот, когда громадный черный бык подошел к воротам замка, пришлось принцессе сесть к нему на спину. Пока она садилась, он стоял смирно, а как только села, сразу пустился вскачь. Бедная принцесса крепко ухватилась за его рога, а сама плакала и дрожала от страха.

Бык все бежал и бежал, а несчастная девушка наконец совсем ослабела от страха и голода, так что едва держалась на его спине. Она боялась, что вот-вот выпустит из рук рога и свалится на землю. Но бык вдруг чуть-чуть повернул к ней свою огромную голову и проговорил удивительно ласковым и приветливым человеческим голосом:

— Скушай то, что у меня в правом ухе лежит, и выпей то, что у меня в левом ухе. Это тебя подкрепит.

Принцесса сунула дрожащую руку в правое ухо быка и вынула оттуда ломоть хлеба с мясом. Она съела хлеб с мясом, и ей полегчало. Потом сунула руку в левое ухо быка и вытащила маленькую склянку с вином. Выпила вино, и силы чудом вернулись к ней.

Долго бежал бык. Принцесса уже подумывала, что скоро будет Край Света. Но вот впереди показался великолепный замок.

— Тут мы переночуем, — сказал Черный Бык Норроуэйский. — Это дом одного из моих братьев.

Принцесса очень удивилась, но ничего не ответила — слишком уж она устала. А бык пробежал по двору замка и боднул рогами парадную дверь.

Дверь тотчас открыл слуга в роскошной ливрее. Он очень почтительно приветствовал быка и помог принцессе спешиться. Потом проводил ее в богато убранный зал, где ее встретили сам владелец замка с супругой и их гости. А Черный Бык Норроуэйский ушел почевать на лужайку в парк, что раскинулся вокруг замка.

Владелец замка и его супруга приняли принцессу очень радушно. Накормили ее ужином и проводили в богато убранную спальню, где все стены были увешаны зеркалами в золотых рамах.

Наутро, когда Черный Бык Норроуэйский подбежал к парадной двери, владелец замка и его супруга подарили принцессе крупное красивое яблоко и сказали:

— Положи его в карман и бережно храни. Не трогай этого яблока, пока не попадешь в большую беду — такую, что хуже и быть не может. А тогда разломи яблоко, и оно вызовет тебя из беды.

Принцесса положила яблоко в карман, потом ее подсадили на спину к быку, и он снова тронулся в путь.

Весь день они провели в дороге, а вечером впереди показался другой замок, еще выше и богаче, чем первый.

— Тут мы переночуем, — сказал принцессе Черный Бык Норроуэйский. — Здесь живет другой мой брат.

Эту ночь принцесса провела в роскошной спальне, где стены были сплошь увешаны шелковыми тканями. Владелец этого замка и его супруга тоже встретили принцессу приветливо и всячески старались ей угодить.

А наутро они на прощанье подарили ей огромную грушу, какой принцесса в жизни не видывала, и сказали, что разломить ее она должна лишь тогда, когда попадет в большую беду, такую, что хуже и быть не может. И как только она разломит грушу, та вызовет ее из беды.

Третий день прошел так же, как и второй. Много-много миль пробежал Черный Бык Норроуэйский с принцессой на

спине, а когда зашло солнце, впереди показался замок, еще более роскошный, чем первые два.

Этим замком владел младший брат Черного Быка, и здесь принцесса переночевала. А бык опять ушел на всю ночь в парк. На этот раз принцесса получила перед отъездом чудесную большую сливу с наказом разломить ее, только если принцесса попадет в большую беду, такую, что хуже и быть не может. А тогда пусть разломит сливу, и та вызовет ее из беды.

Однако четвертый день выдался непохожим на первые три. Вечером принцесса не увидела никакого замка. К тому времени, когда тени на земле стали удлиняться, бык вошел в темное глубокое ущелье, такое мрачное, такое жуткое, что у бедной принцессы сердце захолонуло.

Перед тем как войти в ущелье, Черный Бык Норроуэйский остановился и сказал:

— Тут тебе придется спешиться, госпожа моя. В этом ущелье я буду сражаться не на жизнь, а на смерть. Биться я буду один, и никто не должен мне помогать. Темное мрачное ущелье, что лежит перед нами, это логово Духа Тьмы. Он творит много зла в нашем мире. Я хочу с ним сразиться и победить его и надеюсь, что смогу. А ты сядь вот на этот камень и не шевели ни рукой, ни ногой, ни языком, пока я не вернусь. Если только чуть шевельнешься, попадешь под власть Злого Духа, что обитает в этом ущелье.

— Но как же я узнаю, что с тобой случилось, если мне нельзя ни говорить, ни шевелиться? — в тревоге спросила принцесса.

За эти четыре дня она уже успела привыкнуть к огромному Черному Быку.

— Ты узнаешь это, когда оглянешься кругом, — ответил Черный Бык. — Если все вокруг тебя посинеет, знай, что я победил Злого Духа. Если же все покраснеет, знай, что Злой Дух одолел меня.

И тут Черный Бык Норроуэйский отошел от нее и вскоре скрылся в темной глубине ущелья. А принцесса села на камень и сидела неподвижно — старалась даже пальчиком не пошевелить, до того она боялась, как бы не постигло ее неведомое несчастье.

Так она просидела с добрый час. И вдруг все вокруг нее начало менять свой цвет — сначала стало серым, потом лазурным, словно само небо спустилось на землю.

«Черный Бык победил! Какой молодец!» — подумала принцесса и от радости пересела поудобнее и скрестила ноги. Но вот горе! Сразу же на нее пали злые чары, и она стала невидимой для принца Норроуэйского.

Ведь Черный Бык на самом деле был человеком. Его звали Черный Рыцарь, принц Норроуэйский. Когда-то его заколдовали и обратили в черного быка. А теперь он победил Злого Духа, снова стал человеком и уже бежал по ущелью к принцессе, чтобы показаться ей в настоящем виде. Ведь он ее полюбил и хотел на ней жениться.

Но он не увидел принцессы. Долго-долго искал он ее, да так и не нашел. А она в это время с нетерпением ждала его на камне и дожидаться не могла. Она тоже его не видела, как он не видел ее.

И так она все сидела и сидела и наконец до того утомилась и до того ей стало страшно и одиноко, что она расплакалась и плакала, пока не уснула. А когда утром проснулась, поняла, что сколько ни сиди на камне, толку не будет. И вот она встала и пошла куда глаза глядят.

И она все шла и шла, пока дорога не уперлась в огромную стеклянную гору. Принцесса много раз пыталась подняться на эту гору, но не могла. Гора была такая скользкая, что стоило путнице вскарабкаться на несколько футов, как она сейчас же опять соскальзывала вниз.

Тогда она решила обойти гору в надежде отыскать тропинку на вершину. Но гора была такая большая, а прин-

принцесса так устала, что потеряла всякую надежду и совсем приуныла. Она плелась, еле передвигая ноги и проливая слезы, и уже боялась, что скоро совсем выбьется из сил. И тогда останется ей только лечь и умереть.

Но вот около полудня она подошла к какому-то домику. Близу него была кузница, и старик кузнец работал у наковальни.

Принцесса вошла и спросила его, нет ли тут где-нибудь тропинки на вершину стеклянной горы. Кузнец отложил свой молот, посмотрел на нее и покачал головой.

— Нет, девушка, — сказал он, — через стеклянную гору дороги нет. Правда, ее можно обойти, но это нелегко — сотни миль отшагать придется. Да если кто и попытается обойти эту гору, все равно заблудится. Подняться на вершину горы можно, но только в железных башмаках.

— А где достать железные башмаки? — спросила принцесса. — Ты бы не мог мне сковать такие, добрый человек? Я охотно за них заплачу.

Но тут она вдруг вспомнила, что денег у нее нет.

— Эти башмаки не продаются за серебро, — ответил старик. — Их можно получить только в награду за свою работу. Я один умею ковать такие башмаки, да и кую для тех, кто согласен мне послужить.

— А как долго мне придется служить, чтобы ты сковал мне железные башмаки? — спросила принцесса.

— Семь лет, — ответил старик кузнец. — Ведь это башмаки не простые, а волшебные. И «семь» тоже волшебное число.

Делать нечего, пришлось принцессе наняться к старику кузнецу. Семь долгих лет она ему служила — стряпала, шила, штопала, стирала, убирала дом. Когда же срок ее службы кончился, старик кузнец сковал ей железные башмаки. Принцесса надела их и поднялась на стеклянную гору. И так легко ей было подниматься, словно гора поросла свежей травой,

Вот принцесса добралась до вершины горы, потом спустилась в долину и направилась к первому же дому. В нем жила старуха прачка со своей единственной дочерью. Принцесса подошла к ее двери, постучалась и попросилась переночевать.

Прачка, безобразная старуха с хитрым и злым лицом, сказала, что пустит ее переночевать, но только если она сумеет выстирать белый плащ Черного Рыцаря Норроуэйского. В нем Черный Рыцарь сражался не на жизнь, а на смерть, и плащ весь покрыт пятнами крови.

— Вчера я целый день старалась отстирать этот плащ, — говорила старуха, — но все без толку. Вечером вынула его из корыта, а пятна как были, так и остались. Может, тебе, девушка, удастся его отмыть. Очень уж мне хочется угодить Черному Рыцарю Норроуэйскому, ведь он — богатый и могущественный властитель.

— А что, Черный Бык Норроуэйский это не его бык? — спросила принцесса.

Старуха подозрительно посмотрела на нее.

— Черный Бык это и есть сам Черный Рыцарь, — ответила она. — Когда-то Черного Рыцаря заколдовали — обратили в Черного Быка. И чтобы снова стать человеком, он должен был вызвать на бой и победить могучего Злого Духа, что жил в темном ущелье. Ну, он сразился со Злым Духом и победил его и опять стал человеком. Вот только ходит слух, будто на него иногда помрачение находит — все говорит про какую-то девушку. Будто он хотел взять ее в жены, да потерял. Но кто она такая, никому не известно. Впрочем, тебе это ни к чему, ты ведь здесь чужая, — добавила прачка, словно пожалев, что сказала лишнее. — некогда мне с тобой болтать! Хочешь попытаться отмыть плащ, оставайся ночевать, а нет — ступай своей дорогой.

Принцесса, конечно, сказала, что постарается выстирать плащ. И вот не успела она положить плащ в воду, как все

пятна на нем исчезли, словно по волшебству, и он стал чистым и белым, как новый.

Старуха прачка обрадовалась, но тут же ее взяло сомнение. Ей показалось, что между Черным Рыцарем и этой девушкой есть какая-то таинственная связь. Ведь сама она, прачка, да и дочь ее, как только ни старались, как ни выбивались из сил не сумели отмыть плащ. А эта девушка отстирала его сразу.

Черный Рыцарь должен был в тот же вечер прийти к прачке за своим плащом. И вот она надумала сказать ему, что плащ выстирала ее дочь. И старуха посоветовала принцессе поскорее лечь спать, чтобы хорошенько отдохнуть. Принцесса послушалась и уже крепко спала в чулане, когда Черный Рыцарь Норроуэйский пришел к прачке за своим белым плащом.

Надо сказать, что все последние семь лет, с тех самых пор, как он бился в ущелье с Духом Зла, он многих женщин просил выстирать ему плащ. Но ни одна не смогла его отмыть. Тем временем одна вещунья предсказала ему, что та, кто отмоет добела этот плащ, станет его женой, кто бы она ни была — красавица или уродина, старуха или молодая девушка. И жена эта будет ему любящей и верной помощницей.

И вот Черный Рыцарь пришел к прачке и получил обратно свой плащ, белый, как первый снег. Когда же ему сказали, что это дочь прачки отстирала плащ, он решил обвенчаться с ней на другой же день.

Наутро принцесса проснулась и узнала, что Черный Рыцарь приходил сюда, пока она спала, получил плащ и сегодня же обвенчается с дочерью прачки. Тут бедная принцесса чуть не помешалась от горя. Она подумала, что никогда уже ей не свидеться с Черным Рыцарем. Но вдруг вспомнила про яблоко, которое получила семь долгих лет назад и все это время носила с собой.

«Хуже той беды, в какую я попала теперь, быть не может», — подумала она. Взяла яблоко и разломала его. И что же в нем оказалось? Такие драгоценные самоцветы, каких она в жизни не видывала. Тут принцесса сразу придумала, что ей делать, — вынула из яблока драгоценные камни, высыпала их в свой платок и понесла к прачке.

— Смотри! — сказала она. — Я богаче, чем ты думала. Если хочешь, все эти камни будут твоими.

— А что для этого надо сделать? — спросила старуха.

Она никогда не видела таких драгоценных камней, и глаза у нее загорелись.

— Только отложи на один день свадьбу своей дочери, — ответила принцесса, — и позволь мне нынешней ночью посидеть в спальне Черного Рыцаря, пока он будет спать. Мне давно хочется на него поглядеть.

К ее удивлению, прачка согласилась — очень уж ей хотелось получить самоцветы и разбогатеть. А в просьбе принцессы она не видела ничего опасного для себя и своей дочери. Но она все-таки решила опонть Черного Рыцаря сонным зельем, так, чтобы он за всю ночь ни разу не проснулся и не увидел девушки.

И вот прачка взяла самоцветы и убрала их в свой сундук, а свадьбу дочери отложила на один день.

Вечером принцесса вошла в спальню Черного Рыцаря, когда он уже спал. Всю долгую ночь просидела она у его ложа и всю ночь пела песню в надежде, что он проснется и услышит ее. Она пела:

Семь долгих лет я служила ради тебя,
На стеклянную гору всходила ради тебя
И белый твой плащ отмыла ради тебя,
Что же ты не проснешься, не погладишь на меня?

Она снова и снова пела эту песню, и сердце у нее разрывалось, но он ничего не слышал и даже не шевелился, потому что выпил сонное зелье старой прачки.

На другой день принцесса разломил грушу в надежде, что она поможет ей лучше, чем помогло яблоко. Но в груше она опять нашла только самоцветы, правда, еще более крупные, чем те, что были в яблоке. Делать нечего. Пришлось ей отнести и эти самоцветы старой прачке.

— Отложи свадьбу еще на один день, — попросила принцесса старуху, — а мне позволь просидеть и эту ночь в спальне Черного Рыцаря.

Прачка согласилась. «Эдак я разбогатею быстро», — подумала она и заперла самоцветы в сундук.

Но все было напрасно! Принцесса всю ночь сидела у ложа Черного Рыцаря и, с нежностью глядя на него, пела:

Семь долгих лет я служила ради тебя,
На стеклянную гору всходила ради тебя
И белый твой плащ отмыла ради тебя,
Что же ты не проснешься, не поглядишь на меня? —

а он лежал неподвижный, как камень, и ничего не слышал.

Наутро принцесса уже почти потеряла надежду. «У меня осталась только слива, и уж если она не поможет, так ничто мне не поможет», — думала она. Дрожащими пальцами она разломил сливу и нашла в ней самоцветы, еще более редкие и драгоценные, чем те, что были в яблоке и груше. Принцесса побежала к прачке и высыпала ей самоцветы на колени.

— Бери! — сказала она. — Только отложи свадьбу еще на один день и позволь мне посидеть в спальне принца еще одну ночь.

Прачка, хоть и очень удивленная, опять согласилась.

А Черному Рыцарю уже надоело ждать свадьбы, и в тот день он поехал на охоту вместе со своими слугами. По дороге слуги стали говорить между собой о том, что их так поразило в прошлые две ночи. Наконец один старик охотник подъехал к Черному Рыцарю и сказал:

— Господин мой, нам очень хотелось бы знать, кто это всю ночь так чудесно поет в твоей спальне?

— Кто поет? — повторил принц Норроуэйский. — Да никто не поет! В спальне моей тихо, как в могиле, а сам я, с тех пор как поселился в этом доме, сплю как убитый и даже во сне ничего не вижу.

Старый охотник покачал головой.

— Нынче вечером, господин мой, — сказал он, — не пей того напитка, что подает тебе прачка. Тогда и ты услышишь то, что слышали все прочие.

В другое время Черный Рыцарь лишь посмеялся бы над такими бреднями, но в этот день слова старика запали ему в душу, и он послушался совета.

И вот настал вечер. Старуха прачка опять что-то подмешала в чашку эля и принесла сонное зелье Черному Рыцарю. Но он только чуть пригубил и сказал, что питье недостаточно сладко. Старуха пошла в кухню за медом, чтобы подсластить эль. А Черный Рыцарь в это время быстро встал с постели и вылил питье в окошко. Когда же старуха вернулась, он сказал, что уже выпил всю чашку.

И в ту ночь он не заснул. Он услышал, как принцесса вошла в спальню и как она запела свою жалобную песню:

Семь долгих лет я служила ради тебя,
На стеклянную гору всходила ради тебя
И белый твой плащ отмыла ради тебя,
Что же ты не проснешься, не поглядишь на меня?

А когда услышал, вспомнил все. Он вскочил, обнял и поцеловал принцессу и попросил ее рассказать про все, что с нею приключилось с тех пор, как они расстались. Принцесса рассказала, и тогда принц так рассердился на старуху прачку и ее обманщицу-дочь, что выгнал их из своих владений. Потом он женился на принцессе, и они всю жизнь жили счастливо.

ВЕДЬМА ИЗ ФАЙФА

Давным-давно жили-были в королевстве Файф старик и старуха. Старик был человек смирный, кроткий, а старуха — ветреная, пустая бабенка. Так что иные их соседи даже косились на нее и говорили, будто она ведьма. Да и сам ее муж этого побаивался, потому что она, как ни странно, повадилась убегать из дому. Как только, бывало, на дворе станет темнеть, старуха словно сгинет, да так за всю ночь и не вернется домой. А утром придет бледная, усталая, будто ходила куда-то далеко или на тяжелой работе надрывалась.

Муж попытался было проследить, куда она ходит и что делает, да не смог. Она всякий раз ухитрялась выскочить за дверь, когда он в другую сторону смотрел. А как выскочит, так ее и след простыл. Никак не мог старик за ней уследить.

Наконец стало ему невтерпёж, и однажды он спросил ее напрямик: «Скажи, ведьма ты или нет?» А как услышал ответ, так у него вся кровь застыла. Ведь жена-то его, не долго думая, ответила без обиняков, что, да, она и вправду ведьма, и если он обещает никому про это не говорить, она в другой раз расскажет ему, где пропадала. Ну, старик обещал, что никому ничего не разболтает. Очень уж ему хотелось узнать, где шляется его старуха.

Ждать ему пришлось недолго. Через неделю родился молодой месяц, а всем известно, что в новолуние-то ведьмы как раз и любят блуждать невесть где. И вот в первую же ночь новолуния старуха пропала. Вернулась она на рассвете.

Старик спросил у нее, где она была. А старуха залилась смехом и тут же рассказала ему про все, что с ней приключилось.

Оказывается, она встретилась со своими четырьмя подругами у старой церкви, что на пустоши стоит. Там они сели верхом кто на лавровые ветки, кто на пучки болиголова, и те тотчас превратились в коней. Ведьмы помчались по горам и долам быстрее ветра и стали там гоняться за лисицами, ласками и совами. Потом переплыли реку Форт и поднялись на гору Бен-Ломонд. Там они спешились и принялись пить пиво, что варилось не в человеческой пивоварне. Пили они это пиво из роговых чаш, тоже не людьми сделанных.

А потом из-под громадного обомшелого камня выскочил малюсенький человечек с крошечной волюшкой под мышкой и принялся играть, да так весело, что даже форели и те

выплеснулись из озера под горой, а горностаи выбежали из своих норок. Откуда-то слетелись вороны и цапли, расселись в темноте на деревьях и тоже стали слушать. А ведьмы — те в пляс пустились и до того доплясались, что от усталости едва могли усидеть на своих конях, когда пришла им пора возвращаться. Уехать пришлось рановато, чтобы попасть домой до первых петухов.

Старик слушал старуху молча, только головой покачивал. А когда она кончила рассказывать, промолвил:

— На что тебе нужны все эти танцы-плясы? Сидела бы лучше дома! Дома-то поспокойней будет.

Но вот снова настало новолуние, и старуха опять пропала на всю ночь. А когда наутро вернулась, рассказала мужу, что на сей раз ее подруги, — и она с ними, — уехали в раковины и поплыли в них, как в лодках, по бурному морю. Плыли они, пока не пристали к берегам Норвегии. Там они сели верхом на невидимых коней, детищ ветра, помчались на них по горам, и ущельям, и ледникам и наконец прибыли в Лапландию. Она была вся покрыта снегом.

Там эльфы и феи и морские девы Севера пировали с колдунами, домовыми, духами, и на пир этот явились даже сами охотники-призраки, а их ни один смертный не видел.

Ведьмы из Файфа тоже пировали со всеми прочими. Они ели, пили, плясали, пели, и — самое главное — узнали от тамошней нечистой силы некие волшебные слова, или, по-другому сказать, наговор. Стоит только прошептать эти слова, как сразу взвьешься в воздух, а потом перед тобой отомкнутся все замки и запоры, так что куда хочешь, туда и входи. Затем ведьмы из Файфа вернулись домой очень довольные.

Старик на это только проворчал:

— На что тебе нужно шляться в такие места? Лежала бы лучше дома, в своей постели, теплей было бы.

Но после того как старуха в третий раз пропала на всю ночь, ее рассказы заделали старика за живое.

На этот раз она встретилась с подругами в доме одной ведьмы, что жила по соседству. Они прослышали, что у карлайлского епископа есть винный погреб, а в том погребе хранится отменное вино. Ну, ведьмам и захотелось отведать этого вина, и вот как они до него добрались: ступит ведьма на крюк в камине — тот крюк, на какой котел вешают, когда похлебку варят, — прошепчет наговор, какому научилась от эльфов в Лапландии, и... вот чудеса! Вылетит в трубу, точь-в-точь как дым вылетает. Ну, потом они все полетели по воздуху, словно клочья облаков, и вмиг домчались до дворца епископа в Карлайле.

Там все замки и запоры отомкнулись перед ними сами собой. Ведьмы проникли в винный погреб, отведали епископского винца и до первых петухов вернулись в Файф — совсем трезвые, степенные старушки — хмеля ни в одном глазу.

Как услышал про это старик, даже со стула вскочил, — ведь он больше всего на свете любил хорошее вино, а такое ему не часто доводилось пить.

— Ну, такой женой, как ты, гордиться можно, право слово! — вскричал старик. — Скажи-ка мне этот наговор, старуха, и я тоже туда слетаю — хочется мне попробовать епископского винца.

Но старуха только головой покачала.

— Нет, нет! Не могу, — говорит. — Тебе скажи, ты другим перескажешь, а тогда весь свет вверх тормашками полетит. Все свою работу побросают и полетят по миру шляться, в чужие дела нос совать да к чужим лакомствам подбираться. Так что ты уж лучше сиди смирно, старик. Хватит с тебя того, что ты уже знаешь.

Как ни уламывая старик жену, как ни улещал, не захотела она открыть ему свою тайну.

Но он был старик хитрый, а вино епископа не давало ему покою. И вот он почь за ночью стал прятаться в доме той старухи, где его жена с подругами своими встречалась. Долго ему пришлось их караулить, но наконец он дождался таки своего часа.

Как-то раз вечером все пять подруг собрались в этом доме. Старухи тихонько болтали, хихикали, вспоминали про все, что с ними приключилось в Лапландии. Немного погодя они подбежали к камину. И вот — станет ведьма на стул, потом ступит на крюк, черный от сажи, пробормочет волшебные слова и... ну и чудеса! Старик еще дух перевести не успеет, а ведьмы уж и след простыл! Выпорхнула в трубу. И так все ведьмы улетели одна за другой.

«Ну, это и я могу!» — подумал старик. Ступил на крюк, прошептал наговор, вылетел в трубу и понесся по воздуху вслед за пятерыми ведьмами — ни дать ни взять заправский колдун.

Ведьмы, когда летят, не оглядываются, потому они и не заметили, что старик следом за ними несется.

Но вот вся орава подлетела к дворцу епископа в Карлайле и спустилась в погреб. И тут только ведьмы увидели, что старик тоже прилетел сюда вслед за ними. Это им не очень-то понравилось. Но делать нечего! Пришлось им угощаться вместе.

И вот все они стали пробовать вино то из одной бочки, то из другой. Но ведьмы отпивали из каждой только по глоточку, лишнего не пили. Уж такие они были старухи, что никогда разума не теряли — помнили, что раз они должны вернуться домой до первых петухов, значит, надо, чтобы в голове не мутилось, и нельзя напиваться до бесчувствия.

Но старик был не такой разумный, как они. Он все пил да пил епископское вино, и, наконец, его одолела дремота. Он лег на пол и крепко заснул.

Увидела это его старуха и надумала его проучить, — в другой раз, мол, не будет соваться, куда не следует. И когда ведьмам настала пора убираться восвояси, старуха не стала будить мужа и улетела с подругами.

А старик спокойно проспал в погребе до утра. Но вот двое епископских слуг спустились в погреб, чтобы напечить вина для своего хозяина, и в темноте чуть не упали, наткнувшись на сияющего старика. Они очень удивились, да и не мудрено — ведь дверь в погреб была заперта на замок, и они ее сами отперли.

Тут слуги выволокли старика на свет божий и принялись его трясти и колотить, а когда наконец разбудили, стали спрашивать, как он сюда попал.

Бедняга до того напугался, а голова у него так закружилась, что он только и смог, что пробормотать:

— Я из Файфа... на полном ветре прилетел...

Как услышали слуги эти слова, закричали: «Колдун! Колдун!» — и потащили старика к епископу. А надо сказать, что в те времена епископы до смерти боялись колдунов и ведьм. Ну, карлайльский епископ и приказал сжечь старика живым.

Бедный старик как услышал свой приговор, так от души пожалел, что не остался дома, в своей постели, а погнался за епископским вином. Но жалей не жалей — толку мало!

И вот слуги вытащили старика во двор, обмотали его цепью и привязали эту цепь к толстому железному столбу. А вокруг столба сложили большой костер и подожгли дрова.

Вскоре первый язычок пламени пробился между поленьями, и старик подумал: «Ну, теперь мне конец!» Ведь он начисто позабыл, что жена у него — ведьма.

Но когда пламя уже принялось лизать стариковы штаны, в воздухе что-то затрепыхалось, зашестелело, и вдруг большая серая птица с распростертыми крыльями появилась в небе, камнем упала во двор и села на плечо к старику.

В клюве серая птица держала красный почной колпачок. И вот надела она колпачок старику на голову, что-то свирепо каркнула и улетела. А старику ее карканье показалось краше самой прекрасной песни. Ведь это не простая птица каркнула, это его жена наговор ему шепнула.

Как услышал он ее шепот, подпрыгнул от радости и громко выкрикнул волшебные слова. Тут цепи с него свалились и он взвился в воздух.

Люди, что собрались на площади, прямо онемели от удивления. А старик и не подумал проститься с жителями Карлайла — он летел все выше и выше, прямехонько в королевство Файф, и вскоре прилетел домой целый и невредимый.

И он уже больше никогда не старался выпытывать жеминны тайны. Оставил ее в покое, — пусть, мол, делает, что хочет.

ЗОЛОТОЕ ДЕРЕВЦЕ И СЕРЕБРЯНОЕ ДЕРЕВЦЕ

В стародавние времена жила-была маленькая принцесса по имени Золотое Деревце, и была она такая красавица девочка, какой свет не видывал.

Мать ее умерла. Отец нежно любил дочку и всячески старался ей угодить, так что она жила очень счастливо. Но

вот король вздумал снова жениться, и тогда настали для принцессы тяжелые дни.

Вторая жена короля, — а ее, как ни странно, звали Серебряное Девец, — тоже была красавица, но уж очень завистливая. Вечно она боялась увидеть женщину, что затмит ее своей красотой. Падчерицу она сразу невзлюбила за ее прекрасное лицо, и когда глядела на нее, все себя спрашивала: «Неужто люди думают, что Золотое Девец краше меня?» Да она в глубине души и сама так думала, а потому часто обижала падчерицу.

Как-то раз, когда принцесса Золотое Девец уже совсем выросла и стала девушкой на выданье, она вместе с мачехой пошла погулять в одно глубокое ущелье. На дне этого ущелья под деревьями был небольшой родник, и вода в нем была такая прозрачная, что хорошо отражала лицо каждого, кто над ним наклонялся. Гордая королева любила ходить к этому роднику и смотреть на свое отражение.

В тот день она опять наклонилась над родником и увидела, как в нем почти у самой поверхности воды спует маленькая форель.

— Форель, форель, ответь мне на один вопрос, — сказала ей королева. — Правда, что краше меня нет женщины на свете?

— Есть! — быстро ответила форель и подпрыгнула над водой, чтобы поймать мушку.

— Кто же это? — спросила королева в досаде. Ведь она ожидала совсем другого ответа.

— Конечно, падчерица твоя, принцесса Золотое Девец, — ответила форель.

Лицо у завистливой королевы потемнело от гнева, и она бросила такой злобный взгляд на падчерицу — та собирала цветы невдалеке, — что рыбка испугалась и прыгнула поглубже.

«А вдруг люди тоже скажут, что эта девчонка краше меня!» — думала королева. И она так разозлилась, что совсем потеряла власть над собой. Вернулась домой, убежала в свою спальню и бросилась на кровать, жалуясь, что тяжело заболела.

Напрасно принцесса Золотое Девец спрашивала мачеху, что с нею и чем можно ей помочь. Королева не позволяла падчерице даже дотронуться до нее и отталкивала ее от себя, словно что-то мерзкое. Наконец принцесса, очень опечаленная, вышла из королевской спальни и оставила мачеху одну.

Вскоре вернулся с охоты король и сразу же спросил про жену. Ему сказали, что она внезапно занемогла и лежит в своей опочивальне. К ней уже вызывали придворного лекаря, но ни он, ни другие люди не могут понять, что с ней такое.

Король очень встревожился, потому что любил жену. Он подошел к ее постели и спросил, как она себя чувствует и что надо сделать, чтобы облегчить ее страдания.

— Ты можешь сделать лишь одно, — ответила королева резким голосом, — но хотя только это может меня спасти, я хорошо знаю, что ты не согласишься.

— Неправда! — сказал король. — Я не заслужил этих слов. Ты знаешь, что я готов дать тебе все — даже половину своего королевства.

— Так дай мне съесть сердце твоей дочери! — вскричала королева. — А если не дашь, я умру, умру очень скоро!

Она проговорила это так горячо и так странно посмотрела на мужа, что бедный король сразу подумал: «Да она помешалась!»

Не зная, что делать, он, растерянный, вышел из спальни и пошел по коридору. И вдруг вспомнил: как раз в этот самый день сын одного могущественного короля приехал из заморской страны свататься к его дочери.

«Вот и хорошо! — подумал король. — Этот брак мне по душе, и я нынче же прикажу сыграть свадьбу. Дочь моя

покинет нашу страну здоровой и невредимой. А я отправлю человека в горы с приказом убить козла. Сердце этого козла я велю сварить и пошлю жене. Может, она тогда исцелится от своего безумия».

И вот он призвал к себе заморского принца и сказал ему, что королева внезапно занемогла. От болезни разум у нее помутился, и она возненавидела принцессу. Так что если Золотое Деревце согласна, то лучше всего сыграть свадьбу сегодня же. Тогда странная болезнь королевы, может быть, и пройдет.

Принц очень обрадовался, что невеста досталась ему так легко, а Золотое Деревце тоже была рада расстаться с мачехой, что ее так ненавидела. И вот свадьбу сыграли в тот же день, и молодые отправились за море, на родину принца.

Тогда король послал человека в горы с приказом убить козла, а когда тот вернулся, велел сварить сердце этого козла и отослал его на серебряном блюде в спальню королевы. Злая женщина поверила, что это — сердце ее падчерицы. Съела его и сразу же встала с постели совсем здоровая.

Между тем замужество принцессы оказалось очень удачным. Муж ее, принц, был богатый, могущественный властитель и души в ней не чаял. Так что жили они в любви и согласии.

Почти целый год прошел мирно и тихо. Принцесса счастливо жила в своем новом доме. А королева тоже была довольна — ведь она думала, что падчерицы ее нет на свете.

Но вот королева как-то раз снова пошла гулять в ущелье к роднику, чтобы посмотреть на свое отражение в воде.

И случилось так, что в роднике опять сновала та же маленькая форель, что плавала тут в прошлом году. Тщеславной королеве опять захотелось задать ей вопрос, — она думала, что теперь-то уж услышит желанные слова. И вот она наклонилась над водой и спросила:

— Форель, форель, правда, что краше меня нет женщины на свете?

— Нет, есть! — напрямик ответила форель.

— А кто же краше меня? — спросила королева и даже побледнела — до того ей было досадно, что у нее есть какая-то соперница.

— Конечно, падчерица твоего величества, принцесса Золотое Деревце! — ответила форель.

Тут королева сразу успокоилась.

— Ну, если даже и так, — сказала она, — то люди теперь уже не могут на нее любоваться. Ведь скоро год, как она умерла. Я съела ее сердце за ужином.

— Ты в этом так уверена, королева? — спросила форель, и глазки ее заблестели. — А по-моему, она год назад вышла за доблестного молодого принца, что явился просить ее руки, и в тот же день уехала с ним за море в его страну.

Как услышала королева эти слова, затряслась от злости. Теперь она поняла, что муж ее обманул. Она встала с колен и пошла прямо домой, во дворец, всячески стараясь скрыть свою ярость. И вот она попросила короля приготовить королевскую ладью.

— Я хочу съездить навестить свою милую падчерицу, — сказала она. — Ведь мы так давно не виделись!

Король удивился этой просьбе, но в то же время обрадовался, что королева перестала ненавидеть его дочь. И он приказал подготовить королевскую ладью к плаванию.

Вскоре ладья уже летела по волнам, и нос ее был повернут к той стране, где жила принцесса Золотое Деревце. За рулем сидела сама королева. Она знала, куда надо направлять ладью, и так спешила поскорее прибыть на место, что никому не давала сесть за руль.

Случилось так, что в тот день принцесса Золотое Деревце осталась дома одна — муж ее уехал на охоту. Она сидела у окна и смотрела на море, как вдруг увидела, что к пристани на всех парусах летит ладья. Принцесса сразу же узнала ее и догадалась, кто в ней сидит.

Тут она чуть не помешалась от страха, — ведь она знала, что не с добром едет к ней королева. Принцесса отдала бы все на свете, чтобы муж ее был дома, но он еще не вернулся с охоты. В отчаянии она побежала в людскую к слугам.

— Ох, что мне делать, что делать? — стонала она. — Я вижу, как по морю плывет к нам ладья моего отца, и знаю, что в ней сидит моя мачеха. А уж она постарается меня убить — ведь она ненавидит меня пуще всего на свете!

Слуги очень любили свою молодую госпожу, потому что она всегда была к ним добра. Они увидели, как бедняжка испугалась, услышали ее жалобы и все столпились вокруг нее, словно затем, чтобы оградить ее от беды.

— Не пугайся, принцесса, — говорили они. — Если понадобится, мы будем защищать тебя до последней капли крови. Но чтобы мачеха твоя не околдовала тебя злыми чарами, мы запрем тебя в большой кладовой, той, что с решетками на окнах. Там она до тебя не доберется.

Надо сказать, что кладовая находилась в боковом крыле замка и дверь у нее была такая прочная, что взломать ее было невозможно. Принцесса знала, что, когда за нею заперут эту толстую дубовую дверь, злая мачеха не сможет ей ничем повредить.

И вот она спряталась в кладовой с решетками на окнах, и слуги заперли ее там.

А королева Серебряное Древо сошла на берег и направилась к воротам замка. Навстречу ей вышел слуга, и она приказала ему проводить ее к принцессе. Но он только низко поклонился и ответил, что не может выполнить ее приказ, потому что принцесса заперта в кладовой и выпустить ее оттуда нельзя, так как никто не знает, где ключ от двери.

Это была правда: никто в замке и в самом деле не знал, где ключ от кладовой, потому что старик дворецкий привязал его к ошейнику любимой овчарки принца и послал собаку в горы за хозяином.

— Так проводи меня до двери этой кладовой, — приказала королева. — Я хоть одним словечком перемолвлюсь со своей милой дочерью!

И слуга повиновался — он думал, что в этом ничего опасного нет.

— Если ключ и вправду потерян, — сказала злая королева, когда они подошли к толстой дубовой двери, — и ты не можешь выйти ко мне, дорогая моя Золотое Древо, так хоть просунь свой мизинчик в замочную скважину — мне так хочется его поцеловать!

И принцесса, не чуя беды, просунула свой мизинчик в замочную скважину. Но беда пришла! Вместо того чтобы поцеловать крошечный пальчик принцессы, мачеха уколола его отравленной иглой. А яд в этой игле был такой сильный, что бедная принцесса не успела даже вскрикнуть — замертво рухнула на пол.

Королева услышала, как она упала, и улыбнулась, очень довольная. «Ну, теперь я смогу сказать, что краше меня нет женщины на свете!» — прошептала она.

Она вернулась к слуге, что ожидал ее в конце коридора, и сказала ему:

— Я уже поговорила со своей дочерью, а теперь хочу вернуться домой.

Слуга почтительно проводил ее до ладьи, и королева пустилась в обратный путь.

Люди в замке и не подозревали, какая беда случилась с их хозяйкой, пока принц не вернулся домой с охоты. В руке у него был ключ от кладовой — его принесла овчарка.

Принцу рассказали, что в гости приезжала королева Серебряное Древо, а принцесса от нее спряталась. Но он на это только рассмеялся и сказал слугам, что они поступили правильно. Потом он быстро поднялся по лестнице, чтобы открыть кладовую и выпустить на волю жену.

Но до чего же он испугался, когда отпер дверь и увидел,

что жена его лежит на полу и не дышит! Чуть не обезумел от гнева и горя.

Тот яд, каким королева отравила падчерицу, сохранял мертвые тела нетленными. Шло время, а принцесса по-прежнему лежала, как живая. Принц не стал ее хоронить, а положил на покрытое шелком ложе и оставил в кладовой, чтобы иногда приходиться и смотреть на нее.

Однако он так страдал от одиночества, что скоро женился во второй раз. Вторая его жена оказалась такой же доброй и ласковой, как и первая, и она тоже стала жить с ним в ладу и согласии. Но кое-что все-таки не давало ей покоя.

Она знала, что в замке, в самом конце одного коридора, есть комната, куда ей войти нельзя, ибо ключ от нее принц всегда носит при себе. Не раз она спрашивала мужа про эту комнату, но он уклонялся от ответа, и она перестала спрашивать, чтобы он не подумал, что она ему не доверяет.

Но однажды принц позабыл запереть дверь в кладовую, и его вторая жена вошла в нее, — ведь муж не запрещал ей туда входить. И вот она увидела принцессу Золотое Деревце на ложе, покрытом шелковым покрывалом. Казалось, будто она спокойно спит.

«Умерла она или только уснула?» — подумала вторая жена принца. Она подошла к ложу и стала разглядывать принцессу Золотое Деревце. Но вдруг заметила в ее мизинчике иголку и сразу обо всем догадалась, — ведь она была искусной врачевательницей.

«Тут свершилось злое дело, — подумала она. — Бьюсь об заклад, что эта игла отравлена, а если нет, так, значит, я ничего не понимаю в людских недугах». И она осторожно вытащила иглу.

Золотое Деревце открыла глаза, пришла в себя и вскоре рассказала второй принцессе обо всем, что с нею случилось.

Надо сказать, что если королева Серебряное Деревце была завистницей, то вторая жена принца была ничуть не

завистлива и не ревнива. Она выслушала принцессу Золотое Деревце и радостно захлопала в ладоши.

— Ох, как обрадуется принц! — воскликнула она. — Хотя он и женился на мне, но я знаю, что тебя он любит больше.

В тот вечер принц возвратился домой с охоты очень усталый и печальный. Вторая принцесса сказала правду: хоть он и привязался к ней, но всегда тосковал по своей первой жене — не мог ее разлюбить.

— Какой ты печальный! — сказала вторая принцесса, когда вышла ему навстречу. — Чем могу я вызвать улыбку на твоём лице?

— Ничем, — устало ответил принц и отложил в сторону свой лук.

Он так тосковал, что был не в силах притворяться веселым.

— Нет, смогу! — возразила вторая принцесса, лукаво улыбаясь. — Смогу, если верну тебе Золотое Деревце. А я ее верну! Ступай — ты найдешь ее живую и здоровую в кладовой с решетками на окнах.

Принц, не говоря ни слова, побежал наверх. И вот он увидел свою возлюбленную жену Золотое Деревце. Она сидела на ложе, покрытом шелком, и улыбалась ему.

Он так обрадовался, что обнял ее и принялся целовать, а про вторую принцессу совсем забыл. Но она пришла за ним следом и теперь стояла на пороге и радовалась счастью супругов. Ведь оно было делом ее рук. Она как будто совсем не думала о себе.

— Я знаю, что ты всегда тосковал о Золотом Деревце, — сказала она. — И так оно и должно быть. Ведь ее ты любил первую, и раз уж она ожила, я уеду домой к своим родным.

— Нет, не уедешь, — возразил принц. — Ты останешься с нами. Ведь это ты вернула ее мне. Золотое Деревце станет твоей самой душевной подругой,

Так оно и вышло. Принцесса Золотое Дре́вце и вторая принцесса подружились и полюбили друг друга, как родные сестры. Казалось, будто они от рождения не разлучались.

Прошел еще год. Но вот как-то раз вечером королева Серебряное Дре́вце опять пришла в ущелье, чтобы посмотреть на свое отражение в воде родника. И опять в воде плавала маленькая *форель*.

— Форель, форель, — шепнула ей королева, — правда, я самая красивая женщина на свете?

— *Вовсе нет!* — ответила форель.

— А кто же, по-твоему, самая красивая? — спросила королева, и голос ее задрожал от досады и ярости.

— Я тебе уже два года назад назвала ее имя, — ответила форель. — Конечно, это принцесса Золотое Дре́вце.

— Но ведь она умерла! — со смехом воскликнула королева. — Уж теперь-то ее *навверное* нет в живых! Ровно год назад я уколола ее в мизинец отравленной иглой и своими ушами слышала, как она, мертвая, рухнула на пол.

— Ну, а я не уверена, что она умерла, — возразила форель и, ни слова больше не вымолвив, нырнула в глубь родника.

А королева потеряла покой с того дня, как услышала загадочные слова форели. Наконец она опять попросила мужа приготовить королевскую ладью к плаванию. Она-де хочет навестить свою падчерицу.

Король охотно приказал приготовить ладью, и все потом было так, как было год назад.

Королева сама села за руль, и когда ладья стала приближаться к берегу, ее увидела и узнала принцесса Золотое Дре́вце.

Принц и на этот раз был на охоте, и принцесса в ужасе побежала к своей любимой подруге.

— Ох, что мне делать, что делать? — застонала она. — Я вижу, плывет ладья моего отца и знаю, что в ней сидит

моя жестокая мачеха. Она опять попытается меня убить, как пыталась раньше. Ох, давай убежим в горы!

— Нет, не надо, — возразила вторая принцесса и обняла трепещущую подругу. — Я не боюсь твоей мачехи. Пойдем со мной, встретим ее на берегу.

И вот они обе пошли на берег, а королева Серебряное Дре́вце как увидела свою падчерицу, притворилась, что очень обрадовалась ей. Она высочила из ладьи и протянула падчерице серебряный кубок с вином.

— Это редкое вино— оно вывезено из восточных стран, — сказала королева. — Я привезла с собой фляжку — хочу выпить с тобой кубок дружбы.

Принцесса Золотое Дре́вце была женщина кроткая и учтивая. Она уже протянула было руку к кубку, но вторая принцесса помешала ей, встав между ней и королевой.

— Нет, госпожа, — сказала она, строго глядя королеве прямо в лицо, — в нашей стране такой обычай: тот, кто предлагает другому выпить кубок дружбы, должен первый отпить из него.

— Что ж, это я охотно сделаю, — отозвалась королева и поднесла к губам кубок.

Но вторая принцесса пристально следила за королевой и заметила, что она ни капельки не отпила. Тогда вторая принцесса сделала шаг вперед и, как бы нечаянно, подтолкнула дно кубка плечом. Часть вина брызнула на лицо королевы, часть попала ей в рот.

Так она сама запуталась в своих сетях. Ведь она отравила вино таким сильным ядом, что едва проглотила несколько капель, как упала мертвая к ногам принцесс.

Никто о ней не жалел — она заслужила свою участь. Ее спешно похоронили в уединенном месте, и вскоре все о ней позабыли.

А принцесса Золотое Дре́вце счастливо и мирно жила вместе с мужем и подругой до конца дней своих.

1. ФЕИ МЕРЛИНОВОЙ СКАЛЫ

Лет двести назад жил-был некий бедный человек. Он работал батраком на одной ферме в Ланеркшире, был там, как говорится, на побегушках — выполнял разные поручения и делал все, что прикажут.

Как-то раз хозяин послал его копать торф на торфянике. А надо вам сказать, что в конце этого торфяника высилась

скала, очень странная на вид. Ее прозвали «Мерлинова скала». Так ее называли потому, что в ней, по преданию, когда-то давным-давно жил знаменитый волшебник Мерлин.

Вот батрак пришел на торфяник и с великим усердием принялся за работу. Он долго копал торф на участке по соседству с Мерлиновой скалой и уже накопал целую кучу, как вдруг вздрогнул от неожиданности — перед ним стояла такая крошечная женщина, какой он в жизни не видывал, — фута в два ростом, не больше. Она была в зеленом платье и красных чулках, а ее длинные желтые волосы не были перевязаны ни лентой, ни тесемкой и рассыпались по плечам.

Женщина была такая маленькая да такая ладненькая, что батрак, не помня себя от удивления, перестал работать и, воткнув заступ в торф, смотрел на нее во все глаза. Но он удивился еще больше, когда женщина подняла крошечный пальчик и проговорила:

— Что бы ты сказал, если бы я послала своего мужа снять кровлю с твоего дома, а? Вы, люди, воображаете, что вам все дозволено! — Она топнула крошечной ножкой и строгим голосом приказала батраку: — Сейчас же положи торф на место, а не то после будешь каяться!

Бедняк не раз слышал много всяких рассказов про фей и про то, как они мстят своим обидчикам. Он задрожал от страха и принялся перекладывать торф обратно. Каждый кусок он клал на то самое место, откуда взял его, так что все его труды пропали даром.

Но вот он с этим покончил и огляделся в поисках своей диковинной собеседницы. А ее и след простыл. Как и куда она скрылась, он не заметил. Батрак вскинул заступ на плечо, вернулся на ферму и доложил хозяину обо всем, что с ним приключилось. А потом сказал, что лучше, мол, копать торф на другом конце торфяника.

Но хозяин только расхохотался. Сам он не верил ни в духов, ни в фей, ни в эльфов — словом, ни во что волшебное, и ему пришлось не по праву, что его батрак верит во всякую чепуху. И вот он решил образумить его. Приказал батраку тотчас же запрячь лошадь в повозку, поехать на торфяник и забрать оттуда весь выкопанный торф, а как вернется на ферму, разложить торф во дворе для просушки.

Не хотелось батраку выполнять приказ хозяина, а делать нечего — пришлось. Но неделя проходила за неделей, а ничего плохого с ним не случалось, и он наконец успокоился. Он даже начал думать, что маленькая женщина ему просто привиделась и, значит, хозяин его оказался прав.

Прошла зима, прошла весна, прошло лето, и вот снова наступила осень, и ровно год прошел с того дня, когда батрак копал торф у Мерлиновой скалы.

В тот день батрак ушел с фермы после захода солнца и направился к себе домой. В награду за усердную работу хозяин дал ему небольшой кувшин молока, и батрак нес его своей жене.

На душе у него было весело, и он бодро шагал, напевая песню. Но как только он подошел к Мерлиновой скале, его сморила неодолимая усталость. Глаза у него слипались, как перед сном, а ноги стали тяжелыми, как свинец.

«Дай-ка я тут посижу, отдохну немного, — подумал он. — Нынче дорога домой кажется мне что-то уж очень длинной». И вот он сел в траву под скалой и вскоре заснул глубоким тяжелым сном.

Проснулся он уже около полуночи. Над Мерлиновой скалой взмошел месяц. Батрак протер глаза и увидел, что вокруг него вихрем вьется огромный хоровод фей. Они пели, плясали, смеялись, показывали на батрака крошечными пальчиками, грозили ему маленькими кулачками и все кружили и кружили вокруг него при свете месяца.

Не помня себя от удивления, батрак поднялся на ноги и попытался было уйти прочь — подальше от фей. Не тут-то было! В какую бы сторону он ни ступал, феи мчались за ним и не выпускали его из своего заколдованного круга. Так что батрак никак не мог вырваться на свободу.

Но вот они перестали плясать, подвели к нему самую хорошенькую и нарядную фею и закричали с произвольным смехом:

— Попляши, человек, попляши с нами! Попляши, и тебе никогда уже не захочется покинуть нас! А это твоя пара!

Бедный батрак не умел плясать. Он смущенно упирался и отмахивался от нарядной феи. Но она ухватила его за руки и повлекла за собой. И вот будто колдовское зелье проникло в его жилы. Еще миг, и он уже скакал, кружился, скользил по воздуху и кланялся, словно всю жизнь только и делал, что плясал. Но что всего страннее — он начисто позабыл про свой дом и семью. Ему было так хорошо, что у него пропало всякое желание убежать от фей.

Всю ночь кружился веселый хоровод. Маленькие феи плясали, как безумные, и батрак плясал в их заколдованном кругу. Но вдруг над торфяником прозвучало громкое «ку-ка-ре-ку». Это петух на ферме во все горло пропел свое приветствие заре.

Веселье прекратилось мгновенно. Хоровод распался. Феи с тревожными криками сгрудились в кучку и устремились к Мерлиновой скале, увлекая за собой батрака. А как только они долетели до скалы, в ней сама собой открылась дверь, которой батрак никогда раньше не замечал. И не успели феи проникнуть в скалу, как дверь с шумом захлопнулась.

Она вела в огромный зал. Он был тускло освещен тоненькими свечками и заставлен крошечными ложами. Феи так устали от плясок, что сразу же улеглись спать на свои

ложа, а батрак сел на обломок камня в углу и подумал: «А что же дальше будет?»

Но, должно быть, его околдовали. Когда феи проснулись и принялись хлопотать по хозяйству, батрак с любопытством приглядывался к ним. А о том, чтобы с ними расстаться, он и не помышлял. Феи занимались не только хозяйством, а и другими, довольно-таки странными делами, — батрак такого в жизни не видывал, — но как вы позже узнаете, про это ему запретили рассказывать.

И вот уже под вечер кто-то дотронулся до его локтя. Батрак вздрогнул и, обернувшись, увидел ту самую крошечную женщину в зеленом платье и красных чулках, что год назад бранила его, когда он копал торф.

— В прошлом году ты снял торф с крыши моего дома, — сказала она, — но на ней опять вырос торфяной настил и покрылся травой. Поэтому можешь вернуться домой. За то, что ты натворил, тебя покарали. Но теперь срок твоего наказания кончился, а он ведь немалый был. Только сперва поклянись, что не будешь рассказывать людям про то, что видел, пока жил среди нас.

Батрак с радостью согласился и торжественно поклялся молчать. Тогда дверь открыли, и батрак вышел из скалы на вольный воздух.

Его кувшин с молоком стоял в траве, там, куда он его поставил перед тем, как заснуть. Казалось, будто фермер дал ему этот кувшин только вчера вечером.

Но когда батрак вернулся домой, он узнал, что это не так. Жена в испуге смотрела на него, как на привидение, а дети выросли и, видимо, даже не узнавали отца — уставились на него, словно на чужого человека. Да и не мудрено — ведь он расстался с ними, когда они были совсем маленькими.

— Где же ты пропадал все эти долгие, долгие годы? — вскричала жена батрака, когда опомнилась и наконец пове-

рила, что он и вправду ее муж, а не призрак. — Как у тебя хватило духу покинуть меня и детей?

И тут батрак все понял: те сутки, что он провел в Мерлиновой скале, равнялись семи годам жизни среди людей.

Вот как жестоко покарал его «маленький народец» — феи!

2. РЫЦАРЬ-ЭЛЬФ

Есть в одном глухом углу Шотландии безлюдная пустошь — поросший вереском торфяник. Говорят, будто в стародавние времена там блуждал некий рыцарь из мира эльфов и духов. Люди видели его редко, примерно раз в семь лет, но во всей округе его боялись. Ведь бывали случаи, что отважится человек пойти по этой пустоши и пропадет без вести. Сколько бы его ни искали, как бы внимательно ни осматривали чуть не каждый дюйм земли, ни следа его не находили. И вот люди, дрожа от ужаса, возвращались домой после бесплодных поисков, покачивали головами и говорили, что пропавший, должно быть, в плену у страшного рыцаря-эльфа.

Пустошь всегда была безлюдна, потому что никто не смел на нее ступить, а тем менее поселиться там. И вот

на пустоши стали водиться дикие звери. Они спокойно делали себе норы и логовища, зная, что смертные охотники их не потревожат.

Неподалеку от этой пустоши жили два молодых человека — граф Сент-Клер и граф Грегори. Они очень дружили — вместе катались верхом, вместе охотились, а порой и сражались рядом.

Оба они очень любили охоту. И вот граф Грегори как-то раз предложил другу поохотиться на пустоши, несмотря на то что там, по слухам, бродил рыцарь-эльф.

— Я в него почти не верю, — воскликнул он со смехом. — По-моему все рассказы про него — просто бабьи сказки, какими малых ребят пугают, чтобы они не бегали по вересковым зарослям. Ведь ребенку там и заблудиться недолго. Жаль, что такие богатые охотничьи угодья пропадают зря, и нечего нам, бородатым мужчинам, прислушиваться ко всяким небылицам.

Но граф Сент-Клер даже не улыбнулся на эти слова.

— С нечистой силой шутики плохи, — возразил он. — И это вовсе не сказки, что иные путники шли по пустоши, а потом пропадали без вести. Но ты правду сказал — жаль, что такие охотничьи угодья пропадают зря из-за какого-то рыцаря-эльфа. Подумать только — ведь он считает эту землю своей и берет с нас, смертных, пошлину, если мы посмеем ступить на нее. Впрочем, я слышал, что от рыцаря можно уберечься, стоит только надеть на себя знак святой троицы — трилистник. Поэтому давай привяжем себе к руке по трилистнику. Тогда бояться нам будет нечего.

Сэр Грегори громко расхохотался.

— Ты что, за младенца меня считаешь? — сказал он. — За ребенка, что сначала пугается каких-то дурацких басен, а потом верит, что листок клевера может его защитить? Нет, нет, сам носи этот знак, если хочешь, а я полагаюсь только на свой добрый лук и стрелы.

Но граф Сент-Клер поступил по-своему. Он не забыл, что говорила ему мать, когда он малым ребенком сидел у нее на коленях. А говорила она, что тому, кто носит на себе трилистник, нечего бояться злых чар, все равно чьих — колдуна или ведьмы, эльфа или демона.

И вот он пошел на луг, сорвал листок клевера и привязал его шелковым шарфом к руке. Потом сел на коня и вместе с графом Грегори поехал на безлюдную глухую пустошь.

Прошло несколько часов. Все у друзей шло хорошо, и в пылу охоты они даже позабыли о своих опасениях. И вдруг оба натянули поводья, придержали коней и стали тревожно всматриваться в даль.

Какой-то незнакомый всадник пересек им дорогу, и друзьям захотелось узнать, кто он такой и откуда взялся.

— Кто бы он ни был, но, клянусь, едет он быстро, — сказал граф Грегори. — Я-то думал, что ни один конь на свете не обскочит моего скакуна. Но теперь вижу, что конь этого всадника раз в семь резвее моего. Давай поедем за ним и узнаем, откуда он явился.

— Сохрани тебя бог гнаться за ним! — воскликнул граф Сент-Клер. — Ведь это сам рыцарь-эльф! Разве не видишь ты, что он не по земле едет, а по воздуху летит? Хотя сначала и кажется, будто скачет он на простом коне, но на самом деле его несут чьи-то могучие крылья. И крылья эти хлопают по воздуху, словно птичьи. Да как же можно за ним угнаться? Черный день настанет для тебя, если ты попытаешься его нагнать.

Но граф Сент-Клер забыл, что сам-то он носит на себе талисман, который позволяет ему видеть вещи такими, какие они на самом деле. А у графа Грегори такого талисмана нет, и потому глаза его не различают того, что заметил его друг. Поэтому он и удивился и встревожился, когда граф Грегори резко проговорил:

— Ты прямо помешался на рыцаре-эльфе! А мне так кажется, что этот всадник просто какой-то благородный рыцарь, — одет он в зеленую одежду, едет на крупном вороном коне. Я люблю смелых наездников, и потому мне хочется узнать его имя и звание. Так что я буду гнаться за ним хотя бы до края света.

И, не добавив ни слова, граф Грегори прищипорил коня и поскакал в ту сторону, куда мчался таинственный всадник. А граф Сент-Клер остался один на пустоши. Пальцы его невольно потянулись к трилистнику, и с дрожащих уст слетели слова молитвы.

Он понял, что друг его уже заколдован. И граф Сент-Клер решил следовать за ним, если нужно, хоть на край света, и постараться расколдовать его.

Между тем граф Грегори все скакал и скакал вперед, следуя за рыцарем в зеленой одежде. Скакал он и по торфяникам, поросшим вереском, и через ручьи, и по мхам, и наконец заехал в такую глушь, куда никогда в жизни не заглядывал. Здесь дул холодный ветер, словно прилетевший с ледников, а на увядшей траве лежал толстым слоем иней. И здесь его ждало такое зрелище, от какого любой смертный отшатнулся бы в ужасе.

Он увидел начертанный на земле огромный круг. Трава внутри этого круга была ничуть не похожа на увядшую, мерзлую траву на пустоши. Она была зеленая, пышная, сочная, и на ней плясали сотни легких, как тени, эльфов и фей в широких, прозрачных, тускло-голубых одеждах, что развевались по ветру, словно змеистые клочья тумана.

Духи то кричали и пели, то махали руками над головой, то, как безумные, металась из стороны в сторону. Когда же они увидели графа Грегори — а он остановил коня у черты круга, — они принялись махать его к себе костлявыми пальцами.

— Иди сюда, иди сюда! — кричали они. — Иди, попляши с нами, а потом мы выпьем за твое здоровье из круговой чаши нашего повелителя.

Как ни странно, но чары, сковавшие молодого графа, были до того сильны, что он, хоть и страшно ему было, не мог не пойти на зов эльфов. Он бросил поводья на шею коня и уже хотел было шагнуть внутрь круга. Но тут один старый седой эльф отделился от своих собратьев и подошел к нему. Должно быть, он не посмел выйти из заколдованного круга — остановился у самого его края. Потом наклонился и, делая вид, что хочет что-то поднять с земли, проговорил хриплым шепотом:

— Я не знаю, кто ты и откуда ты приехал, сэр рыцарь. Но если жизнь тебе дорога, берегись входить в круг и веселиться с нами. А не то погибнешь.

Но граф Грегори только рассмеялся.

— Я дал себе слово догнать рыцаря в зеленом, — сказал он, — и я сдержу это слово, даже если суждено мне провалиться в преисподнюю.

И он переступил через черту круга и очутился в самой гуще пляшущих духов.

Тут все они закричали еще пронзительней, запели еще громче, закружились еще быстрее, чем раньше. А потом вдруг умолкли все сразу, и толпа разделилась, освободив проход в середине. И вот духи знаками приказали графу идти по этому проходу.

Он тотчас же пошел и вскоре приблизился к самой середине заколдованного круга. Там за столом из красного мрамора сидел тот самый рыцарь в одежде, зеленой, как трава, за которым граф Грегори гнался так долго. Перед рыцарем на столе стояла дивная чаша из цельного изумруда, украшенная кроваво-красными рубинами.

Чаша эта была наполнена вересковой брагой, и брага пенилась, чуть не переливаясь через край. Рыцарь-эльф

взял в руки чашу и с величавым поклоном подал ее графу Грегори. А тот вдруг почувствовал сильную жажду. Поднес чашу к губам и стал пить.

Он пил, а брага в чаше не убывала. Она по-прежнему была полна до краев. И тут впервые сердце у графа Грегори дрогнуло, и он пожалел, что пустился в столь опасный путь.

Но жалеть было уже поздно. Он почувствовал, что все тело его цепенеет, а по лицу расползается мертвенная бледность. Не успев даже крикнуть о помощи, он выронил чашу из ослабевших рук и как подкошенный рухнул на землю, к ногам повелителя эльфов.

Тут толпа духов испустила громкий крик торжества. Ведь нет для них большей радости, чем заманить неосторожного смертного в свой круг и так его заколдовать, чтобы он на долгие годы остался с ними.

Но вскоре их ликующие крики поутихли. Духи стали что-то бормотать и шептать друг другу с испуганными лицами — их острый слух уловил шум, вселивший страх в их сердца. То был шум человеческих шагов, таких решительных и уверенных, что духи сразу догадались: пришелец, кто бы он ни был, свободен от злых чар. А если так, значит, он может им повредить и отнять у них пленника.

Опасения их оправдались. Это храбрый граф Сент-Клер приближался к ним без страха и колебаний, ибо он нес на себе священный знак.

Едва он увидел заколдованный круг, как решил сразу же переступить магическую черту. Но тут старенький седой эльф, что незадолго перед тем говорил с графом Грегори, остановил его.

— Ох, горе, горе! — шептал он, и скорбью веяло от его сморщенного личика. — Неужто ты, как и спутник твой, приехал уплатить дань повелителю эльфов годами своей жизни? Слушай, если есть у тебя жена и дитя, заклинаю

тебя всем, что для тебя священно, уезжай отсюда, пока не поздно.

— А кто ты такой и откуда взялся? — спросил граф, ласково глядя на эльфа.

— Я оттуда, откуда ты сам явился, — печально ответил эльф. — Я, как и ты, когда-то был смертным человеком. Но я пошел на эту колдовскую пустошь, а повелитель эльфов явился мне в облике прекрасного рыцаря. Он показался мне таким храбрым, благородным и великодушным, что я последовал за ним и выпил его вересковой браги. И вот теперь я обречен прозябать здесь семь долгих лет. А твой друг, сэр граф, тоже отведал этого проклятого напитка и теперь замертво лежит у ног нашего повелителя. Правда, он проснется, но проснется таким, каким стал я, и, так же как я, станет рабом эльфов.

— Неужели я не смогу помочь ему раньше, чем он превратится в эльфа? — горячо воскликнул граф Сент-Клер. — Я не боюсь чар жестокого рыцаря, что взял его в плен, ибо я ношу знак того, кто сильнее его. Скорей говори, человек, что я должен делать — время не ждет!

— Ты можешь кое-что сделать, сэр граф, — молвил эльф, — но это очень опасно. А если потерпишь неудачу, тебя не спасет даже сила священного знака.

— Что же я должен сделать? — нетерпеливо повторил граф.

— Ты должен недвижно стоять и ждать на морозе и холодном ветру, пока не займется заря и в святой церкви не зазвонят к утрени, — ответил старенький эльф. — А тогда медленно обойди весь заколдованный круг девять раз. Потом смело перешагни через черту и подойди к столу из красного мрамора, за которым сидит повелитель эльфов. На этом столе ты увидишь изумрудную чашу. Она украшена рубинами и наполнена вересковой брагой. Возьми эту чашу и унеси. Но все это время не говори ни слова. Ведь та закол-

дованная земля, на которой мы пляшем, только смертным кажется твердой. На самом деле тут зыбкое болото, трясина, а под нею огромное подземное озеро. В том озере живет страшное чудовище. Если ты на этом болоте вымолвишь хоть слово, ты провалишься и погибнешь в подземных водах.

Тут седой эльф сделал шаг назад и вернулся в толпу других эльфов. А граф Сент-Клер остался один за чертой заколдованного круга. И там он, дрожа от холода, недвижно простоял всю долгую ночь.

Но вот серая полоска рассвета забрезжила над вершинами гор, и ему почудилось, будто эльфы начинают съезжаться и таять. Когда же над пустошью разнесся тихий колокольный звон, граф Сент-Клер начал обходить заколдованный круг. Раз за разом он обходил круг, несмотря на то что в толпе эльфов поднялся громкий гневный говор, похожий на отдаленные раскаты грома. Сама земля под его ногами как будто тряслась и вздымалась, словно пытаясь стряхнуть с себя незваного гостя.

Но сила священного знака на его руке помогла ему уцелеть.

И вот он девять раз обошел круг, потом смело переступил через черту и устремился к середине круга. И каково же было его удивление, когда он увидел, что все эльфы, которые здесь плясали, теперь замерзли и лежат на земле, словно маленькие сосульки! Они так густо усеяли землю, что ему едва удавалось не наступить на них.

Когда же он подошел к мраморному столу, волосы его стали дыбом. За столом сидел повелитель эльфов. Он тоже оцепенел и замерз, как и его подданные, а у его ног лежал оконечный граф Грегори.

Да и все здесь было недвижно, кроме двух черных, как уголь, воронов. Они сидели на концах стола, словно сторожа изумрудную чашу, били крыльями и хрипло каркали.

Граф Сент-Клер взял в руки драгоценную чашу, и тут вороны поднялись в воздух и стали кружить над его головой. Они яростно каркали, угрожая выбить у него из рук чашу своими когтистыми лапами. Тогда замерзшие эльфы и сам их могущественный повелитель зашевелились по сне и приподнялись, словно решив схватить дерзкого пришельца. Но сила трилистника помешала им. Если бы не этот священный знак, не спастись бы графу Сент-Клеру.

Но вот он пошел обратно с чашей в руке, и его оглушил зловеший шум. Вороны каркали, полузамерзшие эльфы визжали, а из-под земли доносились шумные вздохи страшного чудовища. Оно затаилось в своем подземном озере и жаждало добычи.

Однако храбрый граф Сент-Клер ни на что не обращал внимания. Он решительно шел вперед, веря в силу священного трилистника, и сила эта оградила его от всех опасностей.

Как только умолк колокольный звон, граф Сент-Клер снова ступил на твердую землю, за черту заколдованного круга и далеко отшвырнул от себя колдовскую чашу эльфов.

И вдруг все замерзшие эльфы пропали вместе со своим повелителем и его мраморным столом и никого не осталось на пышной траве, кроме графа Грегори. А он медленно пробудился от своего колдовского сна, потянулся и поднялся на ноги, дрожа всем телом. Он растерянно оглядывался кругом и, должно быть, не помнил, как сюда попал.

Тут подбежал граф Сент-Клер. Он обнял друга и не выпускал из своих объятий, пока тот не пришел в себя и горячая кровь не потекла по его жилам.

Потом друзья подошли к тому месту, куда граф Сент-Клер швырнул волшебную чашу. Но там они вместо нее нашли только маленький обломок базальта. На нем была ямка, а в ней капелька росы.

3. ПАЖ И СЕРЕБРЯНЫЙ КУБОК

Жил-был когда-то один мальчик. Он служил пажом в богатом замке. Мальчик он был послушный, и все в замке его любили — и знатный граф, его господин, которому он прислуживал, став на одно колено, и тучный старик дворецкий, у которого был на побегушках.

Замок стоял на краю утеса, над морем. Стены у него были толстые, и на той его стороне, что выходила на море, в стене была небольшая дверца. Она вела на узкую лестницу, а лестница спускалась по обрыву к воде. По ее ступенькам можно было сойти на берег и солнечным летним утром искупаться в искрящемся море.

Вокруг замка раскинулись цветники, сады, лужайки, а за ними обширная, поросшая вереском пустошь простиралась до отдаленной горной цепи.

Маленький паж любил гулять по этой пустоши в свободное время. Там он бегал, сколько хотел, гонялся за шмелями, ловил бабочек, разыскивал птичьи гнезда. Старик дворецкий охотно отпускал пажа гулять — он знал, что здоровому мальчику полезно порезвиться на свежем воздухе. Но перед тем, как отпустить пажа, старик всегда предостерегал его:

— Только смотри, малыш, не забудь моего наказа: гулять гуляй, но держись подальше от Бугра Фей. Ведь с «маленьким народцем» надо держать ухо востро!

Бугром Фей он называл небольшой зеленый холмик, что возвышался ярдах в двадцати от садовой калитки. Люди говорили, что в этом холмике обитают феи и они наказывают каждого, кто дерзнет приблизиться к их жилищу. Поэтому деревенские жители за полмили обходили холмик даже днем, — так они боялись подойти к нему слишком близко и прогневать «маленький народец». А ночью люди и вовсе не ходили по пустоши. Ведь всем известно, что по ночам феи вылетают из своей обители, а дверь в нее остается открытой настежь. Вот и может случиться, что какой-нибудь незадачливый смертный оплошает и попадет через эту дверь к феям.

Но мальчик-паж был смельчак. Он не только не боялся фей, но прямо-таки жаждал увидеть их обитель. Ему не терпелось узнать, какие они, эти феи!

И вот как-то раз ночью, когда все спали, мальчик тихонько выбрался из замка. Открыл дверцу в стене, сбежал с каменной лестницы к морю, потом поднялся на вересковую пустошь и устремился прямо к Бугру Фей.

К великому его удовольствию, оказалось, что люди правду говорили: верхушка Бугра Фей была как ножом срезана, а изнутри лился свет.

Сердце у мальчика забилося — так ему было любопытно узнать, что там внутри! Он собрался с духом, взбежал на холмик и прыгнул в отверстие.

И вот он очутился в огромном зале, освещенном бесчисленными крошечными свечками. Тут за блестящим, словно лаком покрытым столом сидело множество фей, эльфов, гномов. Одеты они были кто в зеленые, кто в желтые, кто в розовые платья. У других одежды были голубые, лиловые, ярко-алые — словом, всех цветов радуги.

Мальчик-паж, стоя в темном углу, дивился на фей и думал: «Сколько их тут, этих малюток! Как странно, что живут они по соседству с людьми, а люди ничего про них не знают!» И вдруг кто-то, — мальчик не заметил, кто именно, — провозгласил:

— Несите кубок!

Тотчас два маленьких эльфа-пажа в ярко-алых ливреях кинулись от стола к крошечному стенному шкафу в скале. Потом вернулись, сгибаясь под тяжестью великолепного серебряного кубка, богато разукрашенного снаружи и позолоченного внутри.

Они поставили кубок на середину стола, а все феи захлопали в ладошки и закричали от радости. Потом они по очереди стали пить из кубка. Но сколько бы они ни пили, вино в кубке не убывало. Он все время оставался полным до краев, хотя никто его не доливал. А вино в кубке все время менялось, как по волшебству. Каждый, кто сидел за столом, по очереди брал в руки кубок и говорил, какого вина ему хочется отведать. И кубок мгновенно наполнялся этим самым вином.

«Хорошо бы унести этот кубок домой! — подумал мальчик-паж. — А то никто ведь не поверит, что я здесь побывал. Надо мне что-нибудь взять отсюда, — доказать, что я тут был». И он стал ждать удобного случая.

Вскоре феи его заметили. Но они ничуть на него не разгневались за то, что он прокрался в их жилище. Они даже как будто обрадовались ему и пригласили его сесть за стол.

Однако мало-помалу они принялись грубить и дерзить своему незваному гостю. Они насмеялись над мальчиком за то, что он служит у простых смертных. Говорили, что им известно все, что делается в замке, и вышучивали старого дворецкого. А ведь мальчик его горячо любил. Высмеивали они и пищу, которую мальчик ел в замке, говорили, что она годится только для животных. А когда эльфы-пажи в ярко-

алых ливреях ставили на стол какое-нибудь новое кушанье, феи подвигали блюдо к мальчику и потчевали его:

— Попробуй! В замке тебе такого не придется отведать.

Наконец мальчик не выдержал их насмешек. К тому же ведь он решил унести кубок, и пора было это сделать. Он вскочил и поднял кубок, крепко сжав его ножку обеими руками.

— За ваше здоровье выпью воды! — крикнул он.

И рубиново-красное вино в кубке мгновенно превратилось в чистую холодную воду.

Мальчик поднес кубок к губам, но пить не стал, а одним рывком выплеснул всю воду на свечи. Зал сразу погружился в непроглядную тьму, а мальчик, крепко держа в руках драгоценный кубок, бросился к верхнему отверстию и выскочил из Бугра Фей на свет звезд. Выскочил он как раз вовремя, едва успел, ибо в тот же миг бугор с грохотом развалился у него за спиной.

И вот мальчик-паж бросился бежать со всех ног по росистой пустоши, а вся толпа фей пустилась за ним в погоню.

Фей точно взбесились от ярости. Мальчик слышал их пронзительные, гневные крики и хорошо понимал, что, если его догонят, пощады не жди. Сердце у него упало. Как ни быстро он бежал, но где же ему было тягаться с феями! А они уже нагоняли его. Казалось, еще немного, и он погибнет.

Но вдруг во мраке зазвучал чей-то таинственный голос:

Коль хочешь к замку путь найти,
На берегу ищи пути.

То был голос одного несчастного смертного. Он когда-то попал в плен к феям и не хотел, чтобы смелого мальчика постигла та же участь. Но в тот час мальчик-паж этого еще не знал.

Однако он помнил, что феи не смогут тронуть человека, если он ступит на прибрежный мокрый песок.

И вот паж свернул в сторону и побежал к берегу. Ноги его увязали в сухом песке, он тяжело дышал и уже думал, что вот-вот упадет без сил. Но все-таки бежал.

А феи нагоняли его, и те, что мчались впереди, уже готовы были его схватить. Но тут мальчик-паж ступил на мокрый твердый песок, с которого только что схлынули морские волны, и понял, что спасся.

Ведь феи не могли здесь и шагу ступить. Они стояли на сухом песке и громко кричали в досаде и ярости, а мальчик-паж, с драгоценным кубком в руках, мчался по кромке берега. Он быстро взбежал по ступеням каменной лестницы и скрылся за дверцей в толстой стене.

Прошло много лет. Мальчик-паж сам стал почтенным дворецким и учил маленьких пажей прислуживать. А драгоценный кубок, свидетель его приключений, хранился в замке.

4. КУЗНЕЦ И ФЕЙ

В Коинсгалле на острове Айлей жил когда-то кузнец по имени Алесдер Мак-Икери, а по прозвищу Алесдер Сильная Рука. Жил он поблизости от своей кузницы в каменной хижине. Жена его умерла от родов и оставила ему единственного сына Нейла. Нейл был юноша смирный, невысокий,

с задумчивыми глазами. Он хорошо помогал отцу в кузнице и обещал стать искусным мастером. Соседи советовали Алесдеру получше смотреть за сыном, пока он не станет взрослым. Ведь «маленький народец» охотнее всего похищает таких юношей, как он. Феи уносят их в Страну Света и уже не отпускают, заставляя плясать, пока несчастные не допляшутся до смерти.

Алесдер послушался совета соседей и стал каждый вечер вывешивать над дверью своего домика ветку рябины. Ведь рябина — надежная защита от чар «маленького народа».

Но вот однажды пришлось Алесдеру уйти по делу. Он собирался вернуться домой только на другой день и перед уходом наказал сыну:

— Смотри не забудь нынче вечером повесить ветку рябины перед входной дверью, а не то «маленький народец» зашатит тебя к себе.

Нейл, кивнув, сказал, что не забудет, и Алесдер Сильная Рука ушел.

После его ухода Нейл подмел пол в комнате, подоил козу, покормил кур, потом завернул в тряпичу полдюжины лепешек из овсяной муки да кусок козьего сыра и ушел в горы. Там он любил бродить, чувствуя, как гнется под ногами упругий вереск, и слушать журчанье ручейков, что стекают с горного склона.

Зашел он в тот день далеко. Брел себе да брел, проголодавшись, закусывал овсяными лепешками и козьим сыром, а когда уже стемнело, вернулся домой, еле волоча ноги. Бросился на свою кровать в углу и сразу же заснул. Про наказ отца он совсем позабыл и не повесил над дверью ветки рябины.

На другой день кузнец вернулся домой, и что же он увидел? Входная дверь открыта настежь, огонь в очаге не горит, пол не подметен, коза не доена, петух и куры не

кормлены. Он стал громко звать сына — хотел спросить, почему тот сидел сложа руки. И вдруг в углу, где стояла кровать Нейла, зазвучал слабый, тонкий и какой-то страшный голосок:

— Я здесь, отец, — еще не встал с постели. Заболел я... Придется мне лежать, пока не поправлюсь.

Алесдер очень встревожился, а когда подошел к кровати, ужаснулся — сына его узнать нельзя было! Он лежал под одеялом бледный, исхудалый. Лицо его пожелтело, покрылось морщинами — словом, казалось, что это не юноша, а старичок.

Так Нейл пролежал несколько дней, и лучше ему не становилось, хотя он ел, как обжора, — ел целый день напролет, без передышки, и все никак насытиться не мог.

Алесдер не знал, что делать. Но как-то раз к нему зашел один старец, что слыл человеком мудрым и многознающим. Кузнец обрадовался гостю, надеясь, что тот разберется в болезни Нейла. И он стал рассказывать старцу, какая напасть приключилась с юношей, а тот внимательно слушал и временами кивал головой. Наконец Алесдер закончил свой рассказ и вместе с гостем осмотрел Нейла. Потом оба они вышли из дома, и старец сказал:

— Ты спрашиваешь меня, чем хворает твой сын, а я скажу тебе, что это вовсе не твой сын. Нейла подменили. Его похитил «маленький народец», когда тебя не было дома, а вместо него оставил подменыша.

Кузнец смотрел на старца в отчаянии.

— Ох, что же делать? — спросил он. — И неужто мне больше никогда не видать своего сына?

— Я скажу тебе, что ты должен сделать, — ответил старец. — Но сначала надо узнать наверное, что на кровати твоего сына и впрямь подменыш лежит... Иди домой и набери столько пустых яичных скорлупок, сколько найдешь. Осторожно разложи их на виду у подменыша, налей в скор-

лупки воды, а потом бери их в руки одну за другой и неси с таким видом, словно они очень тяжелые. А когда подойдешь к очагу, опять-таки как можно осторожнее разложи их перед огнем.

Алесдер решил послушаться старца и вернулся домой. Там он в точности выполнил его совет. И вдруг с кровати в углу до него донесся скрипучий смех и пронзительный голосок того, кого кузнец принимал за своего сына:

— Мне уже восемьсот лет стукнуло, но такого я в жизни не видывал!

Алесдер сейчас же пошел к старцу, и тот сказал:

— Ну, больше сомневаться нечего — твоего сына подменили. Теперь ты как можно скорее отделайся от подменыша, а потом я тебя научу, как разыскать сына. Разведи жаркий огонь перед кроватью подменыша. Он спросит тебя: «Зачем это?» А ты скажи: «Сейчас увидишь!» И тут хватай его и бросай в огонь. Он тогда улетит в дымовую дыру в крыше.

Кузнец опять вернулся домой и сделал так, как советовал старец. Он развел огонь перед кроватью подменыша, и тот спросил пронзительным, тонким голосом:

— Зачем это?

— Сейчас увидишь! — ответил кузнец.

Схватил подменыша и бросил его в огонь. Подменыш пронзительно взвизгнул, подпрыгнул на своих желтых ножках и вместе с дымом вылетел прямо через дыру в крыше. Тут его и след простыл.

— А теперь что мне делать? — спросил Алесдер старца. — Надо мне немедленно отыскать сына.

— Сына твоего феи затащили вон в тот округлый зеленый бугор, — ответил старец и показал пальцем на поросший травой холмик за домом кузнеца. — Там внутри они и живут. В ночь следующего полнолуния бугор откроется,

и тогда ступай туда искать сына. Возьми с собой Священное писание, кинжал и петуха и войди в бугор. Ты услышишь пение и веселый шум, увидишь пляски и ослепительный свет. А чтобы бугор за тобой не замкнулся, воткни свой кинжал в землю у входа — феи ведь не смеют коснуться холодной стали, что выкована людскими руками. Потом ступай вперед смело и без всякого страха — святая книга охранит тебя от всех опасностей. Скоро ты войдешь в просторную палату и в ее конце увидишь, как сын твой работает за наковальней. «Маленький народец» станет тебя расспрашивать, а ты скажи, что пришел за своим сыном и без него не уйдешь.

Затем старец простился с кузнецом, а тот поблагодарил его и пожелал ему счастья.

Надо сказать, что Алесдер был не только силач, но и храбрец, и он с нетерпением ждал, когда ему можно будет пойти на поиски Нейла. Луна была на ущербе. Каждый день она уменьшалась, потом исчезла, потом появилась опять. И когда наконец настало полнолуние, кузнец вышел из дома и зашагал к зеленому бугру на горном склоне. Кинжал в ножнах висел у него на поясе, за пазухой он нес святую книгу, а под мышкой — крепко спящего петуха.

Вскоре Алесдер подошел к бугру, и ему почудилось, будто оттуда доносится негромкое пение и веселый шум. Он стал ждать у подножия бугра, а пение звучало все громче и громче, и вдруг бугор открылся, и оттуда брызнул яркий свет. Алесдер вскочил, выхватил кинжал из ножен и, дрожа, воткнул его в землю у входа в Страну Фей, как ему и наказывал старец. Потом смело пошел на яркий свет. Святую книгу он крепко прижимал к груди, а петуха нес под мышкой левой руки.

И вот он увидел толпу фей и их колдовские пляски, опасные для людей. Ведь смертный, если он попадет к феям,

поневоле будет плясать с ними до упаду, пока вдруг не очутится на холодном горном склоне, дряхлый, одинокий.

Увидел кузнец и своего сына. Бледный, с безумными глазами, Нейл ковал что-то на волшебной наковальне, посреди толпы фей в зеленых одеждах.

А феи, как только заметили незнамого гостя, толпой бросились к нему, чтобы узнать, как это смертный посмел ворваться в их владения. Но ни одна не могла приблизиться к Алесдеру и зачаровать его — кузнеца охраняла святая книга. И вот он посмотрел на сына и крикнул:

— Расколдуйте моего сына и отпустите домой к своим!

Нейл услышал голос Алесдера и вздрогнул. Он узнал отца и шагнул к нему, протянув руки. Но феи только расхохотались зловещим хохотом. Они словно издевались над надеждами кузнеца вернуть сына.

И в этот миг — ведь время в мире фей бежит быстрее, чем в мире смертных — над горным склоном забрезжил рассвет, а петух под мышкой у Алесдера зашевелился, проснулся, и красный его гребешок стал торчком. Петух вытянул шею и громко закукарекал, приветствуя наступающий день.

А феи боятся петушиного крика. Для них он звучит, как приказ затвориться в своей обители, — ведь они не смеют держать ее открытой при дневном свете. «Маленький народец» пришел в замешательство, и смех его затих. Феи принялись толкать Алесдера и Нейла к выходу, требуя, чтобы кузнец поскорее вытащил из земли свой кинжал — им надо было замкнуть бугор и скрыть свою обитель от людских глаз. Но как только Алесдер взял свой кинжал и бугор открылся за ним и его сыном, чей-то печеловеческий голос крикнул:

— Твой сын будет немым, пока не рассеет моих чар! Пусть падет на него проклятие фей!

И вот кузнец с сыном снова отутились на знакомом горном склоне. Они вглядывались при свете зари в невысокую траву, но так и не могли найти того места, где был вход в Страну Света.

Потом они вернулись домой, и Алесдер снова стал раздувать мехи в кузнице, а сын помогал ему. Но великое горе постигло кузнеца, — с тех пор как Нейл вырвался из плена в Стране Фей, уста его замкнулись и он не мог вымолвить ни слова. Так сбылось предсказание фей. И Нейл уже думал, что до конца дней своих останется немым, — ведь он не знал, как рассеять колдовство.

Но вот прошел один год и один день с тех пор, как Нейл вернулся домой. Алесдер тогда ковал новый палаш для вождя своего клана, а Нейл помогал отцу. Он держал над огнем раскаленный докрасна стальной палаш, стараясь, чтобы клинок вышел острым и хорошо закаленным. И все это время он молчал.

Но когда Алесдер уже заканчивал работу, Нейл вдруг вспомнил о своем недолгом плене в Стране Фей. Он вспомнил, какая там была наковальня и как искры рассыпались от нее во все стороны; вспомнил, как искусно ковали свои блестящие мечи кузнецы-эльфы и как они чарами закаляли клинки, чтобы их волшебное оружие никогда не подводило своего хозяина. И тут, к удивлению Алесдера, Нейл взялся сам доковать палаш для вождя. И палаш вышел точно таким, какие ковали себе феи. А Нейл, закончив все, отступил на шаг и с торжеством посмотрел на отца.

— Этот палаш никогда не подведет того, кто возьмет его в руки! — сказал он.

То были первые слова, какие он произнес за один год и один день. Ведь, к счастью, он сделал как раз то самое, что требовалось для того, чтобы расколдовать себя: выковал волшебное оружие и тем рассеял чары фей.

С того часа он совсем позабыл о Стране Света и со временем заменил отца, сделавшись лучшим кузнецом во всем своем клане. А вождь клана ценил выкованный им волшебный палаш превыше всех своих сокровищ, ибо палаш этот никогда не подводил хозяина в бою, но приносил великие победы ему и славу всему клану.

5. ТЭМ-ЛИН

Прекрасная Дженет была дочерью одного графа. Он жил на юге Шотландии в замке из серого камня, у зеленых лугов. Однажды девушке наскучило сидеть за шитьем в своей светелке, наскучило подолгу играть в шахматы с дамами, что жили в замке, и вот она надела зеленое платье, заплела в косу свои золотистые волосы и ушла одна в густые леса Картерхоу.

В этот ясный солнечный день она бродила в зеленой тени по тихим полянам, поросшим пышной травой. Белые колокольчики ковром расстилались под ее ногами, всюду буйно цвел шиповник. И вот Дженет протянула руку и сорвала белый цветок, чтобы заткнуть его за пояс. Но едва сорвала, на тропинке перед нею внезапно появился юноша,

— Как ты смеешь рвать наши дикie розы и бродить здесь, в лесу Картерхоу, без моего разрешения? — спросил он Дженет.

— Я не хотела сделать ничего дурного, — оправдывалась она.

— А я страж этих лесов и слежу за тем, чтобы никто не нарушал их покоя, — сказал юноша и улыбнулся медленно — словно пехотя, как человек, что не улыбался давно. Потом он сорвал с куста алый цветок, что расцвел рядом с белым, и добавил: — Однако я с радостью отдал бы все розы Картерхоу такой красавице, как ты.

И он протянул девушке алый цветок шиновника.

— Кто же ты, сладкоречивый юноша? — спросила Дженет и взяла цветок.

— Меня зовут Тэм-Лин, — ответил юноша.

— Я о тебе слыхала! Ты рыцарь из племени эльфов! — в страхе воскликнула Дженет и отбросила цветок.

— Не бойся, прекрасная Дженет, — молвил Тэм-Лин. — Хоть люди и зовут меня рыцарем-эльфом, но родился я смертным, как и ты сама.

И тут Дженет с удивлением выслушала его рассказ.

— Мои родители умерли, когда я был ребенком, — начал Тэм-Лин, — и мой дед, граф Роксбро, взял меня к себе. Однажды мы охотились в этих самых лесах, и вдруг с севера подул какой-то странный холодный ветер, такой резкий, что чудилось, будто он продувает каждый листок на дереве. А меня одолела дремота. Я отстал от своих спутников и наконец свалился с коня в тяжком сне, а когда проснулся, увидел, что попал в страну эльфов. Их королева явилась, пока я спал, и похитила меня.

Тэм-Лин помолчал, словно вспоминая о зеленой неземной стране эльфов.

— С тех пор, — продолжал он, — я крепко связан чарам королевы эльфов. Днем я сторожу леса Картерхоу, а

ночью возвращаюсь в ее страну. О Дженет, как мне хочется вернуться к жизни смертных! Всем сердцем жажду я, чтобы меня расколдовали.

Он проговорил это с такой скорбью, что Дженет воскликнула:

— Неужто это невозможно?

Тэм-Лин взял ее руки в свои и промолвил:

— Завтра день всех святых, Дженет. В эту и только в эту ночь могу я вернуться к жизни смертных. Ведь в канун дня всех святых эльфы катаются верхом и я катаюсь вместе с ними.

— Скажи мне, как могу я тебе помочь, — попросила Дженет. — Я всем сердцем хочу тебя расколдовать.

— В полночь пойдй на распутье, — сказал Тэм-Лин, — и там жди, пока не появятся эльфы. Когда подъедет их первый отряд, ты стой недвижно — пусть они проедут мимо. Пропусти и второй отряд. А в третьем отряде я буду ехать верхом на коне, белом, как молоко. На голове у меня будет золотой венец... Тогда, Дженет, ты подбегй ко мне, стащи меня с коня и обними. И во что бы меня ни превращали, держи меня крепко — не выпускай из своих объятий. Так ты вернешь меня к людям.

Вскоре после полуночи Дженет поспешила на распутье и там стала ждать, укрывшись за изгородью из терновника. Светила луна, поблескивала вода в канавах. Терновник отбрасывал на землю причудливые тени, таинственно шелестели ветви деревьев.

И вот Дженет услышала, как с той стороны, откуда дул ветер, донесся тихий звон бубенчиков на конских уздечках, и догадалась, что кони эльфов уже близко.

Дрожь пробежала по ее телу. Она плотнее закуталась в плащ и стала всматриваться в дорогу. Сначала она

различила слабый блеск серебряной сбруи, потом — белую сверкающую бляху на лбу переднего коня. И вот появились всадники-эльфы. Их бледные тонкие лица были обращены к луне, диковинные кудри развевались по ветру.

Проехал первый отряд во главе с самой королевой эльфов. Она сидела на вороном коне. Дженет стояла недвижно и пропустила первый отряд. Не шелохнулась она и когда проехал второй отряд. Но в третьем отряде она увидела Тэм-Лина. Он сидел на коне, белом, как молоко, а на голове его сверкал золотой венец. Тогда Дженет выбежала из-за терновой изгороди, схватила белого коня за уздечку, а всадника стащила на землю и обняла.

И тут поднялся нечеловеческий крик:

— Тэм-Лин пропал!

Королева эльфов рывком натянула поводья, и ее вороной конь встал на дыбы. Всадница обернулась и вперила свои прекрасные неземные глаза в Дженет и Тэм-Лина. И силою ее чар Тэм-Лин стал съеживаться и сжиматься в объятиях Дженет и превратился в маленькую шершавую ящерицу. Но Дженет не выпустила ее из рук, а прижала к сердцу.

И вдруг она почувствовала, что в руках у нее что-то скользкое — это ящерица превратилась в холодную змею и обвилась вокруг ее шеи. Но Дженет не выпустила и змею — держала ее крепко.

Тут острая боль обожгла ей руки — холодная змея превратилась в раскаленный докрасна железный брус. Слезы потекли по щекам Дженет — так ей было больно, — но она крепко держала Тэм-Лина — не выпускала его из рук.

Тогда королева эльфов наконец поняла, что потеряла своего пленника, потому что его преданно полюбила смертная женщина. И королева эльфов вернула Тэм-Лину его прежний облик — он снова стал человеком. Но он был наг, как новорожденный младенец, и Дженет с торжеством закутала его в свой зеленый плащ.

Всадники-эльфы отъехали. Чья-то тонкая зеленая рука взяла за повод белого коня, на котором ехал Тэм-Лин, и увела его. И тут послышался скорбный голос королевы эльфов:

— Был у меня рыцарь, самый прекрасный из всех моих всадников, и я его потеряла! Он вернулся в мир смертных. Прощай, Тэм-Лин! Если б я знала, что смертная женщина завоюет тебя своей любовью, я вынула бы твое сердце из плоти и крови и вместо него вложила бы тебе в грудь сердце из камня. И если б я знала, что прекрасная Дженет придет в Картерхоу, я вынула бы твои серые глаза и вставила бы тебе глаза из дерева!

Пока она говорила, забрезжил слабый свет зари, и всадники-эльфы с нечеловеческими криками прищипорили своих коней и исчезли вместе с ночью. И когда замер тихий звон бубенчиков на конских уздечках, Тэм-Лин взял обожженные руки Дженет в свои, и они вместе вернулись в замок из серого камня, где жил ее отец.

6. ВОЛЫНЩИК
ИЗ КЕЙЛА

Есть в Кинтайре огромная пещера. Темный вход в нее зияет меж утесами скалистого берега, как широко разинутая пасть. В старину пещера эта была обителью фей.

Ходил слух, что в пещере много узких, извилистых, подземных ходов и тянутся они далеко в глубь страны. Где-то

на перепутье этих подземных дорог находится огромный зал. Там при свете бесчисленных волшебных свечек под звуки волшебной музыки бесчисленных музыкантов-эльфов пляшут и пируют феи во главе со своей королевой. И там они судят смертных, что дерзнули проникнуть в их владения.

Но почти никто не отваживался войти в огромную пещеру. Все жители западного побережья Шотландии хорошо знали, какие опасности и наваждения грозят смертному, что вступит во владения фей.

В Кейле жил некогда один смелый волынщик по имени Алесдер. Слава о его игре распространилась по всему Кинтайру. Когда соседи его после дневной работы собирались вместе, Алесдер играл им на своей волынке плясовые наигрыши, да так весело, что все в пляс пускались. А то вдруг начнет старинную песню — из тех, что играли еще его деды и прадеды, — и люди тогда слушают молча. По кругу ходит чаша с пенным элем, а пламя очага, куда с молитвой подкладывают торф, озаряет все вокруг ярким светом.

Тут же всегда сидел песик волынщика, маленький фокс-терьер. Песик и его хозяин крепко любили друг друга и никогда не расставались.

И вот как-то раз вечером, когда веселье было в разгаре, Алесдер, не раз хлебнув из круговой чаши, развесялся и, когда доиграл какую-то песню, сказал друзьям:

— А теперь я сыграю вам еще одну песню. Она не хуже тех, какие играют сами феи в большой пещере на взморье.

Он снова взял свою волынку и уже хотел было начать, но фермеры его остановили. Все они знали, что феи гневаются на смертных, вздумавших потягаться с ними в их искусстве, и считали, что негоже Алесдеру так хвалиться. Волынщик только было начал играть, как его прервал фермер Айен Мак-Гроу.

— Ох, Алесдер, — сказал он, — лучше отступись! Что правда, то правда, — ты самый искусный волынщик во всем

Кинтайре, но все мы знаем, что феи в большой пещере умеют играть так, как нам и не снилось. Игрой своей они могут оторвать ребенка от матери и мужчину от его любимой.

Волынщик на это только улыбнулся и гордо возразил:

— Ну, Айен Мак-Гроу, ты сказал, что хотел сказать, а я с тобой поспорю. Бьюсь об заклад, что этой же ночью я прогуляюсь со своей волынкой по всем подземным ходам в большой пещере, а потом вернусь на свет божий. Все это время я буду играть на волынке, но ничего плохого со мной не случится. А в обители фей никому не сыграть такой красивой песни, как, например, вот эта.

Соседи только ахнули от его дерзких слов, а волынщик опять приложил к губам трубку волынки и заиграл развеселую «Песню без названия». Ни один из собравшихся в жизни своей не слышивал такого красивого и веселого напева.

Тем временем феи пировали и веселились в своем огромном зале. И вот услышали они, как хвалятся Алесдер, и разгневались на дерзкого волынщика из Кейла. Тогда нездешняя музыка бесчисленных музыкантов-эльфов зазвучала еще более громко и дико, а пламя бесчисленных свечек затрепетало. И сама королева фей приготовилась зачаровать могучими чарами смелого волынщика, как только он вступит в ее владения.

Должно быть, песик волынщика все это почуял — он ошетинился и глухо заворчал, когда Алесдер покинул веселое сборище и направился к утесам, продолжая играть «Песню без названия». Но песик так любил хозяина, что не захотел отстать и побежал за ним следом. Он догнал Алесдера, когда тот уже подошел ко входу в большую пещеру.

Соседи тоже провожали Алесдера, но шли они поодаль. И вот волынщик в шапке набекрень бесстрашно вступил во

тьму пещеры, и его клетчатая юбочка развевалась при каждом шаге. Верный песик бежал за ним по пятам.

Соседи глядели им вслед, всматривались во мрак пещеры и долго еще слушали веселые, звонкие звуки волынки. И многие говорили, покачивая головами:

— Ох, не видать нам больше нашего храброго волынщика из Кейла!

Немного погода веселая музыка внезапно перешла в душераздирающий визг и сразу же оборвалась. Потом, гулко отдаваясь от каменных стен, по извилистым подземным ходам раскатился зловещий нечеловеческий хохот и долетел до выхода из пещеры. И вдруг наступила тишина.

Соседи все еще недвижно стояли, дрожа от страха за своего чудесного волынщика, как вдруг, скуля и хромая, из пещеры выбежал его фокстерьер. Трудно было узнать бедного песика! Он весь облез — ни шерстинки не осталось у него на теле — и со всех ног мчался, сам не зная куда, выкатив глаза от ужаса, словно за ним гнались зеленые собаки фей.

Но хозяин его так и не вышел из пещеры. Соседи ждали Алесдера, пока заря не занялась над морем. Они звали его, приложив руки ко рту. Но никто уже никогда больше не видел волынщика из Кейла.

Ни один человек во всем Кинтайре не отважился ступить в темную пещеру и отправиться на его поиски. Ведь все слышали зловещий хохот фей, а об этом хохоте никто даже вспомнить не может без того, чтобы по спине его не поползли мурашки.

Но на этом еще не кончается рассказ о волыннике из Кейла. Как-то раз вечером Айен Мак-Гроу и его жена сидели у огня на своей ферме, что стояла в нескольких милях от взморья. И вдруг жена фермера наклонилась и приложила ухо к каменной плите, что лежала перед очагом.

— Ты слышишь, хозяин, как на волынке играют? — спросила она мужа.

Фермер тоже прислушался и диву дался. Ведь и он, и жена его слышали «Песню без названия» и догадались, что это играет Алесдер, навеки обреченный феями блуждать по подземным ходам, что протянулись далеко в глубь страны.

Фермер с женой все прислушивались, а песня постепенно замирала. И вдруг послышался жалобный голос самого волынщика:

Мне уж не выйти на вольный свет,
Я бродить обречен, и спасенья мне нет!
О, горе мое неизбывное!..

В наши дни говорят, будто еще живы люди, что слышали игру волынщика, когда проходили по тому месту, где некогда стояла ферма Айена Мак-Гроу. И всякий раз в звуки песни врывался этот крик отчаяния.

7. ФАРКУЭР МАК-НЕЙЛ

Жил-был когда-то юноша по имени Фаркуэр Мак-Нейл. Однажды пришлось ему переменить работу и поступить на новое место. В первый же вечер хозяйка велела ему сходить на гору к соседу и попросить у него сито. Ее сито продырявилось, а ей надо было просеять муку.

Фаркуэр охотно согласился и собрался в путь. Хозяйка объяснила ему, по какой тропинке надо идти, и сказала, что найти дом соседа нетрудно — в окне у него будет гореть свет.

Вскоре Фаркуэр заметил, что невдалеке, слева от тропинки, что-то светится, и подумал, что это — у соседа в окне. Он успел позабыть, что хозяйка велела ему идти прямо по тропинке в гору, и свернул влево, в ту сторону, где горел свет.

Ему казалось, что он уже подходит к дому соседа, как вдруг он споткнулся, упал, провалился сквозь землю и полетел вниз. Долго он летел так, пока наконец не шлепнулся прямо в гостиную фей. А она была глубоко под землей.

В гостиной собралось множество фей, и все они занимались разными делами.

У самого входа, а вернее, под той дырой, сквозь которую провалился Фаркуэр, две маленькие старенькие феи в черных передниках и белых чепчиках усердно моли зерно на ручной мельнице из двух плоских жерновов. Две другие феи помоложе в голубых с разводами платьях и белых косынках брали смолотую муку и месили из нее тесто на пышки. Потом клали пышки на сковороду и пекли их на огне очага. Очаг был в углу, и в нем нежарко горел торф.

А в самой середине просторной комнаты большая толпа фей, эльфов и духов лихо плясала под звуки крошечной волынки. На волынке играл маленький смуглый гном. Он сидел на каменном выступе высоко над толпой.

Когда Фаркуэр внезапно появился среди фей, все они замерли и в испуге уставились на него. Но как только увидели, что он не расшибся, важно поклонились ему и попросили его присесть. А потом как ни в чем не бывало

опять принялись кто играть и плясать, а кто хлопотать по хозяйству.

Но Фаркуэр и сам любил поплясать, так что ему ничуть не хотелось сидеть одному в стороне от веселых плясуньей. И он попросил фей позволить ему потанцевать с ними.

Они как будто удивились его просьбе, но все-таки уважили ее. И вот Фаркуэр пустился в пляс и плясал так же весело, как сами феи.

Но тут с ним произошла странная перемена. Он забыл, откуда и куда он шел, забыл свой родной дом, забыл всю свою прошлую жизнь. Он знал только, что хочет остаться у фей навсегда.

И он остался у них. Ведь он уже был заколдован и потому уподобился им. Ночью он мог невидимкой бродить по земле, пить росу с травы, высасывать нектар из цветов. И все это он проделывал так ловко и бесшумно, как будто родился эльфом.

Время шло, и как-то раз вечером Фаркуэр вылетел вместе с толпой веселых друзей в большое путешествие. Вылетели они рано, потому что собирались погостить у Того, Кто Живет На Луне, а вернуться домой им надо было до первых петухов.

Все обошлось бы хорошо, если бы Фаркуэр смотрел, куда он летит. Но он слишком пылко ухаживал за юной феей, летевшей рядом с ним, вот и не увидел дома, что стоял у него на пути. Налетел на дымовую трубу и застрял в соломенной кровле.

Спутники его ничего не заметили и весело умчались вдаль, так что Фаркуэру пришлось выпутываться самому. Вот он стал выбираться из соломы и ненароком заглянул в широкую трубу. Видит — внизу, в кухне сидит красивая молодая женщина и нянчит румяного ребенка.

Надо сказать, что когда Фаркуэр был человеком, он очень любил детей. И тут у него невольно сорвалось с языка доброе пожелание этому ребенку.

— Да хранит тебя бог! — сказал он, глядя на мать и дитя.

Он и не подозревал, к чему это приведет. Но едва он успел проговорить доброе пожелание, как чары, что над ним тяготели, рассеялись, и он вновь стал таким, каким был раньше.

Фаркуэр тотчас же вспомнил и всех своих близких на родине, и свою новую хозяйку, что, должно быть, ждет не дождется сита. Ему казалось, что прошло уже несколько недель, с тех пор как он отправился за этим ситом. И он поспешил вернуться на ферму.

Пока он туда шел, все вокруг было ему в диковинку. Лес вырос там, где раньше никакого леса не было; каменные ограды стояли там, где раньше не было никаких оград. Как ни странно, он не смог отыскать дорогу на ферму и, хуже того, — не нашел даже своего отчего дома. Там, где стоял его дом, Фаркуэр увидел только густые заросли крапивы.

В смущении он начал искать кого-нибудь, кто мог бы объяснить ему, что все это значит. Наконец он увидел старика, что покрывал соломой крышу одного домика.

Старик был такой тощий и седой, что Фаркуэр издали даже принял его за клочок тумана, и только когда подошел поближе, увидел, что это человек. Фаркуэр подумал, что такой дряхлый старик, наверное, глуховат, и потому подошел вплотную к стене дома и громким голосом спросил:

— Ты не знаешь, куда подевались все мои друзья и родные и что случилось с домом моего отца?

Старик выслушал его и покачал головой.

— О твоём отце я и не слыхивал, — ответил он не спеша. — Но, может, мой отец и расскажет тебе что-нибудь про него.

— Твой отец! — воскликнул Фаркуэр, очень удивленный. — Да разве твой отец еще жив?

— Жив, — ответил старик, посмеиваясь. — Войдя в дом, увидишь его в кресле у камелька.

Фаркуэр вошел в дом и увидел там другого старца. Этот был до того тощий, сморщенный, сгорбленный, что на вид ему было лет сто, не меньше. Слабыми руками он вил веревки, какими закрепляют солому на крыше.

— Ты не можешь рассказать мне хоть что-нибудь про моих родных и про мой отчий дом? — спросил его Фаркуэр, хоть и сомневался, что такой древний старец способен вымолвить слово.

— Я-то не могу, — прошамкал старец, — а вот мой отец, он, пожалуй, сможет.

— Твой отец! — воскликнул Фаркуэр, не помня себя от удивления. — Да ведь он, наверное, давным-давно умер!

Старец с мудрой усмешкой покачал головой.

— Погляди туда, — сказал он и показал скрюченным пальцем на кожаную сумку, что висела на столбике деревянной кровати в углу.

Фаркуэр подошел к кровати и чуть не до смерти испугался — из сумки выглянул крошечный старичок со сморщенным личиком и в красном колпачке. Он совсем съежился и высох, такой он был старый.

— Вынь его, он тебя не тронет, — сказал старец, что сидел у огня, и захихикал.

Фаркуэр осторожно взял крошечного старичка большим и указательным пальцами, вынул его из сумки и посадил на ладонь своей левой руки. Старичок так ссохся от старости, что походил на мощи.

— Может, хоть ты знаешь, что стало с моим отчим домом и куда подевались мои родные? — в третий раз спросил Фаркуэр; но он уже не надеялся получить ответ.

— Все они умерли задолго до того, как я родился, — пропищал крошечный старичок. — Сам я никого из них не видал, но слышал, как про них мой отец говаривал.

— Так, значит, я старше тебя! — вскричал Фаркуэр, ошеломленный.

И это его так сразило, что кости его внезапно рассыпались в прах, и он рухнул на пол кучей серой пыли.

ЗНАМЯ ФЕЙ В ДАНВЕГАНЕ

Тысячу с лишком лет замок Данвеган, что стоит на западном побережье острова Скай, был родовым замком Мак-Лаудов из Мак-Лауда. В древности многие вожди этого рода, выйдя в море из залива Лок-Данвеган с войнами своего клана, водили их в походы против своих наследственных врагов, Мак-Доналдов из Эйгга, беззаконных «Властителей

островов». И, пожалуй, драгоценнейшим сокровищем клана Мак-Лауд было его знамя фей. Оно переходило от поколения к поколению, и о нем рассказывают известное предание.

Некогда вождем клана Мак-Лауд был Малколм. В один из дней, когда в водах Лок-Данвегана отражалось летнее небо, а вереск покрывал горные склоны лиловым ковром, Малколм взял в жены красавицу фею. Он счастливо женился с нею в своем замке, Данвегане, построенном из серого камня. Но феи не могут найти полное счастье среди людей. И когда жена Малколма родила ему сына, она затосковала по своим родным, да так, что тоска эта превозмогла ее любовь к мужу-смертному.

Малколм был не в силах видеть, как тоскует его возлюбленная жена. И он взялся сам проводить ее на тропинку, что вела в Страну Фей. И вот фея подошла к колыбели своего ребенка, ласково простилась с ним и пошла с мужем к заливу, чтобы переправиться через него и уйти по этой тропинке на родину.

Это было в ясный летний день. В такой же точно день Малколм привез в свой замок жену-фею, но теперь даже светлые воды залива казались ему темными и мутными, — так тяжело было у него на душе.

Наконец их лодка доплыла до места. Малколм взял жену на руки, перенес ее на берег и осторожно опустил на землю. Потом немного проводил ее по тропинке. Но когда они подошли к гряде серых камней, прозванных Мостом Фей, жена попросила его не ходить дальше и пошла по тропинке одна. Она ни разу не оглянулась, и Малколм навеки расстался со своей красавицей женой.

В тот вечер в замке задали пир в большом зале — праздновали рождение сына Малколма. Ведь мальчик впоследствии должен был заступить место отца и стать вождем клана Мак-Лауд.

Как ни тяжело было на душе у Малколма, пришлось ему через силу принять участие в общем веселье и ликовании, — пир был задан по истари заведенному обычаю. Да и сам Малколм гордился сыном, которому в будущем предстояло стать главой рода Мак-Лаудов из Мак-Лауда.

Весь клан собрался в большом зале и пировал при свете сотни факелов. Слуги сновали по залу, разнося блюда с сочной олениной и фляги, полные доброго золотистого эля. И всю ночь мужчины из клана Мак-Криммон, наследственные воыны клана Мак-Лауд, играли на своих звучащих воынках веселые песни для гостей Малколма.

А в башенке, вдали от шумного зала, младенец, виновник всего этого ликования, спокойно спал в своей колыбели. Сон его сторожила няня. Это была молоденькая хорошенькая девушка. Она сидела у колыбели, а сама только и думала: как сейчас, должно быть, весело на пиру и какое вкусное подают угощение! И ей очень хотелось побыть среди шумных гостей. А когда высоко взошла луна и осветила уединенную башенку, девушке до смерти захотелось хоть одним глазком поглядеть на веселье в зале. Она взглянула на ребенка и убедилась, что он спокойно спит. И вот она тихонько встала и, осторожно ступая на дыпочках, пошла по устланному тростником полу, к двери.

Потом она быстро побежала по залитым лунным светом извилистым коридорам, спустилась с винтовой лестницы и вошла в большой зал, где громко звучали воынки.

Девушка немного посидела в самом конце зала, с жадным любопытством оглядываясь по сторонам, а когда вдоволь насмотрелась на празднество, поднялась, чтобы вернуться в башенку. И тут сердце у нее забилося от страха — в этот миг сам Малколм встал со своего места за главным столом и посмотрел в ее сторону.

«Ох, череп был тот час, когда я оставила ребенка одного! — подумала няня. — Теперь Малколм прогневается на меня!»

Однако Малколм хоть и увидел девушку, но не рассердился, — он подумал, что с его сыном осталась другая служанка. И вот он окликнул няню ласковым голосом и велел ей вывести ребенка гостям, — он хотел показать своему клану его будущего вождя.

Няня вздохнула свободно и ушла, горячо надеясь, что с ребенком не случилось ничего плохого, пока ее при нем не было.

А надо сказать, что когда ребенок остался один в башенке, он некоторое время спокойно спал. Но вот за окном со зловещим криком пролетела сова, и он проснулся в испуге. Никто не пришел успокоить его и покачать. Он громко заплакал, и плач его отдавался от стен пустой комнаты.

Ни один человек не слышал его криков. Но они какими-то неведомыми путями донеслись до его матери-феи, туда, где она пребывала среди своих.

Сын, хоть и рожденный на земле, был ей дорог, и она поспешила в башенку, чтобы утешить его, пока никого поблизости не было. Она уже не имела права взять его на руки. Но зато прикрыла его сияющим неземным покрывалом из шелка, зеленого, как трава. Оно было соткано так искусно, как люди ткать не умеют, и вышито крапинками, но не простыми, а особенными — их называют «крапинками эльфов».

Как только фея прикрыла ребенка шелковым покрывалом, он перестал плакать — словно это сама мать обняла его. Потом улыбнулся и заснул. А фея, увидев, что сын ее успокоился, отлетела от колыбели и исчезла.

Встревоженная няня очень обрадовалась, когда вошла в башенку и убедилась, что ее питомец спит. Но тут она увидела на нем покрывало и поняла, что к ребенку прилетали феи. Об этом она догадалась потому, что покрывало было зеленого цвета — того самого оттенка, какой облюбовали феи. Да и вышито оно было «крапинками эльфов». Но ребенок лежал здоровый и невредимый — феи его не подменили, — и няня совсем успокоилась. Только пообещала себе никогда больше не оставлять его одного.

Она завернула ребенка в покрывало феей, взяла его на руки и, повинувшись приказу Малколма, понесла в большой зал.

И вот когда она уже подходила к залу, позади нее в коридорах послышались звуки неземной музыки. Они наполняли весь воздух, они как бы овеивали ребенка на руках у няни и, наконец, заглушили волюшки Мак-Криммонов. Волюшки умолкли, и в большом зале воцарилась тишина.

И сам Мак-Лауд, и все его родичи молча сидели и слушали, как феи пели сладостными голосами. А пели они предсказание, которое не будет забыто, пока на земле останется хоть один Мак-Лауд.

В своей пророческой песне они возвещали, что зеленое покрывало ребенка — это знамя феей. Оно даровано феями клану Мак-Лауд. И пока в Шотландии не забудется это славное имя, знамя останется в клане. Оно трижды спасет клан в години великих бедствий. Однако развешивать его дозволяется лишь в час грозной опасности, но отнюдь не по пустячному поводу.

И Малколм, и весь его клан, и няня с ребенком на руках недвижно и молча слушали пение феей. Но вскоре оно стало более тихим и печальным. Теперь феи предсказывали, какое проклятие падет на клан Мак-Лауд, если кто-нибудь не оценит по достоинству дара феей и развернет знамя тогда, когда в этом не будет крайней нужды.

Если же случится такое, то, когда б это ни случилось, на клан обрушатся три несчастья: наследник Мак-Лауда из Мак-Лауда, вождя клана, вскоре умрет; гряда скал под названием «Три Девы» перейдет во владение одного из Кембеллов; когда же рыжая лисица принесет лисенят в одной из башенок замка, слава Мак-Лаудов померкнет; они лишатся многих своих земель, а в семействе вождя не хватит мужчин-гребцов, чтобы плыть по заливу Лок-Данвеган.

Итак, феи принесли свой дар и сказали, какое проклятие с ним связано. И вот их голоса растаяли, словно туман в горах, и не слышно было больше ни звука.

Тогда Малколм встал с места и взял в руки знамя фей. Он осторожно разгладил зеленую ткань и приказал положить ее в чугунный ларец искусной работы. Отныне, сказал он, этот ларец будут нести впереди клана всякий раз, как он выступит в поход. И еще Малколм завещал, чтобы никто, кроме самого вождя, Мак-Лауда из Мак-Лауда, не смел вынимать из ларца и развертывать знамя.

Но вот пришло Малколму время покинуть этот мир. Потом умер и сын его. Поколения сменялись поколениями, а в клане бережно хранили волшебное знамя и ни разу его не развернули, пока однажды Мак-Доналды, собрав огромное войско, не выступили против Мак-Лаудов.

В те годы все еще полыхала древняя вражда между этими двумя кланами, хотя они давно породнились между собой, — ведь многие Мак-Лауды заключали браки с Мак-Доналдами. Бытовала даже такая поговорка: «Мак-Лауды и Мак-Доналды то надевают друг другу кольцо на палец, то вонзают нож в сердце».

Но на сей раз Мак-Доналды твердо решили навсегда сбить спесь с Мак-Лаудов. Они высадились в Уотернише, двинулись к Трампену и разграбили там церковь.

Тогда вождь Мак-Лаудов переплыл на ладье залив Лок-Данвеган и повел свой клан в поход против Мак-Доналдов. У Трампена разыгралась долгая и жестокая битва. И вскоре стало ясно, что Мак-Лаудов потеснили и придется им отступить. Все поняли, что одними лишь ножами и палашиами обуздать захватчиков не удастся.

И вот тогда-то вождь Мак-Лаудов приказал подать ему чугунный ларец с волшебным знаменем. Он отомкнул замок и вынул из ларца кусок тонкого зеленого шелка, веря, что не попусту прибегает к помощи фей. Знамя подняли на длинном древке в самой гуще сражения. И весь клан с благоговейным трепетом смотрел, как оно, развернувшись, реяло высоко в воздухе.

И сразу же счастье изменило Мак-Доналдам. Им почудилось, будто к Мак-Лаудам подошло подкрепление, так что силы их внезапно возросли. Мак-Доналды дрогнули и отступили, а Мак-Лауды пустились за ними в погоню, и этот день стал для них днем победы.

Так люди впервые прибегли к знамени фей и убедились в его могуществе.

Во второй раз знамя развернули по другой причине. Снова клану грозила опасность, но не враги подняли против него свои ножи и палаши. Начался падеж скота от чумы, и у клана не осталось ни одного здорового животного. Туго пришлось Мак-Лаудам — ведь они жили главным образом своими стадами и от скота зависело их благополучие.

Вождь Мак-Лаудов знал, в какую беду попали его родичи, как мало скота осталось на пастбищах, и понял, что не вернуть ему богатства своему клану, если он не прибегнет к помощи неземных сил. И вот он вынул знамя фей из ларца и, подобно предку своему, сказал:

— Не попусту прибегаю я к помощи нездешних сил!

Знамя развернули, подняли на древке, и оно реяло над обреченной землей. С того часа ни одно животное не заболело чумой, и многие из тех, что захворали раньше, выздоровели.

Так силу знамени испытали во второй раз и снова убедились в его могуществе.

Шло время, и волшебное знамя фей переходило от поколения к поколению. Но вот в 1799 году некий Бьюкенен поступил на службу к Мак-Лауду из Мак-Лауда. Как и все, он слышал предание о знамени фей, знал и о проклятии, что было с ним связано. Но он был человек недоверчивый и не желал принимать на веру подобные выдумки. Он говорил, что знамя — просто лоскут гнилого шелка, а предание — рассказ, из тех, что старухи нашептывают друг другу.

И вот однажды, пользуясь тем, что вождь был в отъезде, Бьюкенен решил испытать силу знамени, чтобы навсегда отучить людей от подобных суеверий. В ближней деревне жил кузнец-англичанин, и Бьюкенен приказал ему взломать чугунный ларец, — ведь *ключ от него всегда хранил у себя сам вождь*. Когда крышку ларца подняли, Бьюкенен вынул легкую зеленую ткань и помахал ею. Поистине, он по вздорному поводу вызвал нездешние силы!

Все, кто верил в проклятие фей, ничуть не удивились тому, что *произошло потом*, — они говорили, что беды было не миновать.

А произошло вот что. Наследник вождя вскоре погиб при взрыве военного корабля «Шарлотта», а скалы «Три Девы» перешли во владение Энгаса Кембелла из Исней. Затем, как и было предсказано феями в древности, ручная лисица лейтенанта Маклейна, гостившего тогда в Данвегане, принесла лисенят в западной башне замка. В это время род Мак-Лаудов уже стал захудалым, и большая часть его земель была продана. Правда, клан постепенно вернул

свое богатство, но слава его померкла навеки, и вскоре в семье самого вождя осталось только три Мак-Лауда, а значит, в ней уже не хватало гребцов, чтобы плыть в четырех-весельной ладье по заливу Лок-Данвеган.

В наши дни волшебное знамя фей хранится в стеклянном ящике в замке Данвеган, и те, что знают его странную историю, дивятся на этот почти истлевший кусок старинного шелка, темный от времени. Впрочем, на нем еще можно различить вышитые «крапинки эльфов».

1. ФЕЯ И КОТЕЛ

Островок Сандрей, один из Внешних Гебридских островов, расположен к югу от острова Барры, и его омывает безбрежный Атлантический океан. Вокруг островка кипят волны с белыми гребешками, а на берегу всегда дует соленый резкий ветер. Над островком, пронзительно крича, проносятся морские птицы: чайки с жалобными голосами и устридееды, что, выпитив грудь и распластав крылья бе-

лым крестом, летают с криком: «Би-глик! Би-глик! Би-глик!» (Осторожней! Осторожней! Осторожней!)

На этом островке когда-то жил один пастух. Жену его звали Мэриред. Она дружила с одной «мирной женщиной», как в старину называли фей. (А еще племя фей называли: «добрые соседи» и «маленький народец».)

Эта фея была крошечная женщина с остреньким личиком, блестящими глазками и смуглой кожей орехового цвета. Жила она в зеленом, поросшем травой холмике, что возвышался неподалеку от дома пастуха. Каждый день фея семеняла по тропинке к его дому, сразу же входила в комнату и, подойдя к очагу, где горел торф, снимала с огня и уносила с собой большой черный котел. Все это она проделывала молча, а перед самым ее уходом Мэриред ей говорила:

В гори кузнец насыплет углей
И чугуи раскалит докрасна.
Надо котел, полный костей,
Ко мне принести дотемна.

Вечером фея возвращалась и оставляла на пороге дома котел, полный вкусных мозговых косточек.

И вот как-то раз пришлось Мэриред отправиться на остров Барру, в его главный город — Каслбей. Утром перед отъездом она сказала мужу:

— Когда придет «мирная женщина», скажи ей, что я уехала в Каслбей. А она пусть возьмет котел, как всегда берет.

Потом Мэриред уехала, а муж ее, оставшись один в доме, принялся крутить жгут из стеблей вереска. Немного погодя он услышал чьи-то легкие шаги, поднял голову и увидел, что к дому подходит «мирная женщина». И тут ему почему-то стало жутко. Он вспомнил вдруг все рассказы о том, как феи заколдовывают людей, вскопчил с места и, как

только «мирная женщина» подошла к порогу, захлопнул дверь.

Надо сказать, что «маленький народец» очень вспыльчив и легко обижается. Блестящие глазки феи засверкали гневом — так ее рассердила грубость пастуха. Она ступила ножкой на выступ под окном, а оттуда вскарабкалась на крышу. Потом наклонилась над дымовым отверстием и что-то крикнула. Это был зловеющий, пронзительный крик.

Пастух в ужасе прижался к двери и вдруг увидел, как большой черный котел подпрыгнул раз, потом еще раз и... вылетел в дымоход. Но там его сейчас же ухватила чья-то сухонькая смуглая ручонка.

Не скоро осмелился пастух открыть дверь своего дома, а когда открыл, феи уже не было.

В тот же вечер Мэриред вернулась с корзинкой, полной свежей сельди, и первым долгом спросила мужа, почему котел не вернулся на свое место в очаге.

— Ведь «мирная женщина» всегда возвращала его засветло, — добавила она. — Неужто позабыла? Не похоже это на нее.

Тут муж рассказал ей про все, что с ним приключилось, пока она была в отъезде, а когда досказал, Мэриред крепко выругала его за глупость.

Потом она встала, взяла фонарь и побежала к зеленому холму, где жила фея. Светила луна, и при ее свете Мэриред отыскала свой котел. Он стоял у подножия холмика и, как всегда, был полон вкусных мозговых костей. Мэриред подняла котел и уже повернулась, чтобы идти домой, как вдруг чей-то нечеловеческий голос крикнул:

Молчунья-жена, молчунья-жена,
Что к нам пришла из дремучих лесов,
И ты, что стоишь на вершине холма,
Пустите по следу злых, яростных псов!

И тут с вершины холмика донесся дикий визг. Кто-то темный, что там стоял, спустил со своры двух лежащих у его ног заколдованных псов. С громким протяжным лаем псы сбежали с холмика. Хвосты их были закручены над зелеными спинами, языки вывалились и болтались между острыми клыками.

Мэриред услышала, что кто-то за нею гонится, оглянулась и пустилась бежать, не помня себя от страха. Она знала, что псы фей могут догнать и растерзать все живое, что встретят на своем пути. Но как ни быстро она бежала, зеленые псы стали ее нагонять — она уже чувствовала, как их дыхание обжигает ей пятки, и подумала: «Еще миг, и они схватят меня зубами за шиколотки!»

И тут Мэриред вспомнила про кости в котле и догадалась, как ей спастись. Она сунула руку в котел и на бегу стала бросать на землю кости, перекидывая их через плечо.

Псы фей жадно хватали кости, и Мэриред обрадовалась, когда они немного отстали. Наконец она увидела свой дом и вскоре подбежала к двери. Но вдруг услышала, что псы опять ее догоняют, и в отчаянии крикнула мужу из последних сил:

— Впусти меня!

А как только вошла в дом, рухнула на пол за порогом. Муж тотчас захлопнул за нею дверь. И тут они услышали, как псы фей свирепо царапают когтями дверь и яростно воют.

Всю ночь Мэриред с мужем просидели, дрожа от страха, — спать и не ложились. Когда же утром наконец отважились выглянуть за дверь, увидели, что она с наружной стороны вся исцарапана когтями зеленых псов и обожжена их огненным дыханием.

С тех пор «мирная женщина» больше не приходила за котлом, а Мэриред и ее муж всю свою жизнь боялись понасться на глаза своим «добрым соседям» — феям.

2. НОЧНЫЕ ПОМОЩНИЦЫ ДОБРОЙ ХОЗЯЮШКИ

В старину хорошие хозяйки, как только закончат, бывало, все дневные хлопоты по дому, принимаются за рукоделье — до глубокой ночи прядут шерсть или ткут сукно. Засиживалась допоздна и Айнери, жена одного зажиточного фермера. Дом их стоял на острове Тайри неподалеку от красивого зеленого холма. Холм этот назывался Берг-хилл, и в нем, по слухам, жили феи.

Как-то раз ночью, когда и сам фермер, и другие домохадцы уже спали, Айнери все еще сидела и прядла шерсть при свете свечи. И вот наконец она до того притомилась, что обхватила голову руками и воскликнула:

— Ох, явился бы хоть кто-нибудь, — все равно, с моря ли, с суши ли, издалека ли, из недалеко ли, — да помог мне сукно изготовить!

Не успела она вымолвить эти слова, как услышала стук в дверь, и чей-то тоненький певучий голосок окликнул ее:

— Айнери, добрая хозяйшкa, открой мне дверь — я пришла тебе помочь!

Айнери растерялась, но все-таки открыла дверь. На пороге стояла какая-то незнакомая крошечная женщина, с ног до головы одетая во все зеленое. Она вошла в комнату, направилась к прялке и сразу же начала прядь. Но едва Айнери закрыла за нею дверь, как раздался еще более громкий стук, и опять чей-то голосок пропел:

— Айнери, добрая хозяйшкa, открой мне дверь — я пришла тебе помочь!

Айнери опять отодвинула засов, и в комнату вошла другая диковинная маленькая женщина, тоже — вся в зеленом. Она сразу же села на донце, в которое была воткнута пряслица с куделью.

Но это еще не все! Вслед за второй женщиной в зеленом явилась третья, потом четвертая, пятая, шестая, седьмая... Словом, столько их набралось, что бедная Айнери уж и счет им потеряла. Она стояла, не зная, что делать, и только дивилась, с каким невиданным усердием все ее гости принялись за работу. Одни трепали и чесали шерсть, другие быстро гоняли челнок в ткацком станке, третьи без передышки сновали основу, четвертые готовились валять сукно и для этого кипятили воду на очаге — в ней они собирались мочить сотканное сукно, чтобы оно отмылось и село.

«Не иначе как все феи Берг-хилла ко мне явились!» — думала Айнери. А смуглые крошечные женщины в зеленом все громче шумели и стучали, когда толкались и спорили из-за свободного места. Удивительно, что они не разбудили своим гомоном фермера — ведь он лежал в соседней комнате. Но, как ни странно, он спал до того крепко, что Айнери уже начала побаиваться — а вдруг феи его заколдовали?

Мало того, помощницы ее то и дело кричали пронзительными голосками, что им хочется есть, а она старалась накормить их досыта. Надо сказать, что Айнери и так уже намаялась за день, а теперь, когда пришли ей помогать,

еле на ногах держалась. Ночь проходила, а ненасытный голод крошечных женщин все рос с такой же сказочной быстротой, с какой они работали. Казалось, собери для них хлеб и мясо со всего света, им и этого не хватит.

К полночи Айнери совсем из сил выбилась и только об одном и думала — как ей избавиться от своих помощниц-фей. Не раз и не два она уходила в соседнюю комнату и старалась разбудить мужа. Но легче было бы поднять жернов! Фермер спал как убитый; жена громко кричала ему в ухо, а он и не шевелился.

Айнери домала себе голову — что делать? И вот наконец надумала пойти посоветоваться с одним мудрым старцем, что жил поблизости. Она напекла булок и раздала их крошечным женщинам в зеленом, а одну маленькую булочку оставила допекаться. Потом втихомолку выскочила за дверь и побежала по тропинке к хижине старца. Там она рассказала ему про свою беду и попросила у него совета.

— Как мне избавиться от этих маленьких жепщин? — спросила она старца. — И как мне разбудить мужа? Он спит, словно заколдованный.

Мудрый старец сперва пожурил Айнери за то, что она, не подумав хорошенько, попросила помощи «с моря ли, с суши ли, издадека ли, из недалека ли», потом сказал:

— Никогда в жизни больше не желай, не проси, не вымаливай того, что может обернуться против тебя же. Ты угадала — мужа твоего заколдовали. Разбудишь ты его только тогда, когда выгонишь из дома своих помощниц-фей, а на него побрызгаешь водой, в какой феи готовятся сукно валять. От фей ты можешь отделаться так: вернись домой, открой дверь и во все горло крикни три раза: «Берг-хилл горит!» Тут твои зеленые гости побросают работу и побегут на пожар. Они выбегут вон, а ты запри дверь, потом раз-

бросай, раскидай, расшвыряй как попало прялку, пряслицу с куделью, станок, — словом, все то, к чему они прикасались. Все вещи вверх дном переверни. А потом все у тебя само собой наладится.

Айнери поблагодарила старца за добрый совет и поспешила домой. А как только подошла к незакрытой двери своего дома, крикнула во все горло:

— Берг-хилл горит! В Берг-хилле пожар! Берг-хилл весь в красном пламени!

Не успела она это крикнуть, как феи всем скопом выскочили из дома, толкаясь и топча друг дружку. На бегу все они причитали — оплакивали то, что осталось в их холме, причем каждая называла то, что было ей всего дороже:

Ох, мой муж, и детки,
И мой сыр, и масло,
Сыновья, и дочки,
И лари мучные,
Гребень и чесалки,
Пряслицы и нитки,
Коровы и путы,
Кони и постромки,
Бороны, кладовки,
Молот, наковальня...
Ох, земля разверзлась,
И Берг-хилл пылает!
Если холм сгорит наш,
Конец и веселью,
И хлопотам милым!

Как только все феи убежали, Айнери быстро вошла в дом и заперла дверь. Потом принялась, по совету старца, перевертывать и раскидывать как попало все то, к чему прикасались феи: сорвала шнурок с колеса на прялке; пряслицу с куделью перевернула в обратную сторону, опрокинула вверх дном ткацкий станок, сняла с огня воду для валянья сукна.

Не успела она с этим покончить, как феи вернулись. Они увидели, что холм их вовсе не горит, и догадались, что Айнери их обманула, чтобы выманить из своего дома. Они стучали в дверь кулачками, да так громко и быстро, что чудилось, будто это град сыплется.

— Айнери, добрая хозяйшкa,пусти нас!—кричали феи.

— Не впусти! — отвечала она.

Тогда они стали просить прялку:

— Добрая прялка, встань и открой нам дверь!

— Не могу, — отвечала прялка, — с моего колеса шкурок сняли.

Феи крикнули пряслице:

— Добрая пряслица, отвори нам дверь!

— Я бы не прочь отворить, — ответила пряслица, — да меня в другую сторону перекрутили.

Тут феи вспомнили про ткацкий станок и стали его просить:

— Добрый станок, отвори нам дверь!

— С радостью отворил бы, — ответил станок, — да меня вверх дном опрокинули.

Оставалась еще вода, в какой феи собирались валять сукно. И феи стали ее просить:

— Добрая водица, может, хоть ты откроешь нам дверь?

— Не могу, — ответила вода, — ведь меня с огня сняли.

Феи не знали, что еще придумать. Наконец они вспомнили про маленькую булочку, что подрумянивалась в очаге.

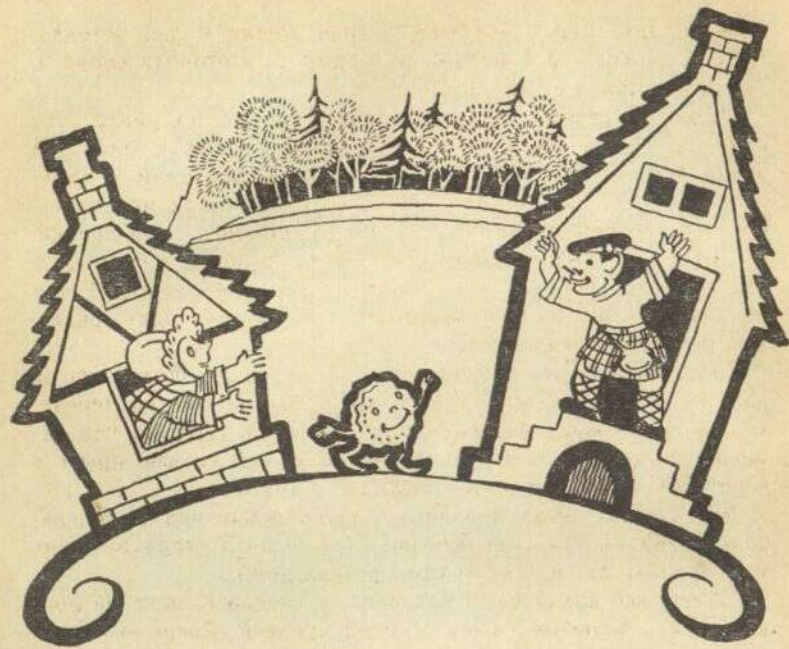
— Булочка, булочка, пышная булочка, — закричали они, — открой нам дверь, да поскорее!

Булочка подпрыгнула и поскакала к двери. Но Айнери кинулась за ней вдогонку, ушибнула ее, и булочка шлепнулась на пол.

Ну, феи поняли, что не войти им в дом, и принялись визжать и кричать, да так пронзительно, что хоть уши заты-

кай. Тут Айнери наконец вспомнила про воду, в которой феи собирались валять сукно. Она зачерпнула ковшиком немного воды, побежала в спальню и побрызгала этой водой на мужа. Он сразу же проснулся, — да и давно пора было! — а как проснулся, услышал страшный шум за стеной. Фермер вскочил с кровати, распахнул входную дверь и стал на пороге, сердито нахмутив брови.

Шум сразу же утих, а феи, словно зеленые тени, стали таять и совсем пропали. И больше уже никогда не тревожили Айнери.

КРОШКА-ЛЕНЕШКА

Вам парни расскажут, как девушек милых
Манили они под окошко.
А я расскажу вам хорошую сказку
Про вкусную крошку-лепешку.

Жили-были старик и старуха. Домик у них был маленький, уютный, на берегу ручья стоял. Люди они были ласковые и веселые, на жизнь им хватало, но работы тоже хватало. Кроме домика и огорода, были у них две сытые

коровы, пять кур с петухом, старая кошка и два котенка. Старик смотрел за коровами и курами да в огороде копался, а старуха прямила с утра до ночи.

Вот раз утром, после завтрака, старуха подумала, что надо бы испечь овсяную лепешку на ужин. Взяла доску, на какой тесто раскатывают, да сковородку с ручкой и замесила тесто на две добрые лепешки. А когда они испеклись, положила их перед огнем, чтобы подрумянились хорошенько.

Пока они подрумянивались, старик пришел из хлева и сел в кресло передохнуть. Видит — лепешки лежат. И они показались ему до того вкусными, что он взял одну, разломил пополам и стал жевать.

Как увидела это другая лепешка, тут же решила, что не даст себя съесть. Соскочила на пол и быстро-быстро перекатилась через всю кухню к двери. Старуха увидела, что лепешка из дому катится, и погналась за ней во всю прыть с веретеном в одной руке и пряслицей в другой.

Но старуха была дряхлая, а крошка-лепешка молоденькая. Катилась она куда быстрее, чем бежала старуха, и вот уже пропала из виду за холмом позади дома.

И она все катилась, и катилась, и катилась, пока не подкатилась к большому дому с новой кровлей. Дверь его была открыта. Крошка-лепешка вкатилась в дом и подкатилась к очагу, а в нем яркий огонь горел.

В доме этом жил портной. Он сидел, скрестив ноги, на большом столе у окна, а рядом с ним сидели оба его подмастерья. Все они усердно шили, а жена портного примостилась у окна и чесала лен.

Как завидели все трое портных, что по полу лепешка катится, испугались до смерти. Соскочили со стола и спрятались за спиной у хозяйки. А она им говорит:

— Ну и трусы! Да ведь это просто крошечка-лепешечка. Поднимите ее и разделите между собой. А я вам молочка принесу — лепешку запить.

И она вскочила с места со льном и чесалкой в руках. Тут портной забрал свои большие ножницы, один подмастерье схватил железную мерку, другой — блюдечко с булавками, и все трое погнались за крошкой-лепешкой. Но она от них увернулась и закружилась перед огнем. Потом выскочила за дверь и покати́лась по дороге. За ней выскочил портной с ножницами — хотел ее догнать и разрезать пополам, да не сумел. Лепешка катилась быстрее, чем он бежал, и пришлось ему вернуться домой ни с чем.

А лепешка все катилась и катилась, пока не докатилась до маленького домика у дороги. Там сидел ткач за своим станком, а его жена сидела рядом и шерстяные нитки на клубок наматывала. Крошка-лепешка прокатилась мимо ткача. Он вздрогнул и спрашивает жену:

— Глянь-ка, Тибби, это что такое?

А жена обрадовалась, вскочила с места и отвечает:

— Ох, да это крошечка-лепешечка! Откуда она взялась?

— Не важно откуда, Тибби! — говорит ткач. — Хватай ее скорей, жена, хватай!

Да не так-то легко было поймать крошку-лепешку! Жена ткача в нее клубком бросила, ткач старался загнать ее в угол и ударить челноком. Но не вышло их дело — лепешка увертывалась, вертелась, металась туда-сюда как одержимая и наконец выскочила за дверь и покати́лась вниз с холма. А жена ткача поглядела ей вслед и говорит:

— Ну, ни дать ни взять шалая корова или овца, когда ей тавро поставят...

И вот крошка-лепешка подкатилась к другому дому. Тут хозяйка масло сбивала. Маслобойка у нее уже была полна до краев, но на доньшке кувшина сливки еще оставались. Хозяйка увидела крошку-лепешку и говорит:

— Катись-ка сюда, лепешечка! Вовремя прикатила! Я как раз проголодалась. Сейчас лепешкой со сливками закушу.

Крошка-лепешка вмиг закатилась за маслобойку. Хозяйка кинулась за ней, но впопыхах чуть маслобойку не опрокинула. Пока ее подхватила да пока на место поставила, крошки-лепешки и след простыл. Выкатилась за дверь и скатилась с холма к мельнице.

Мельник тогда просеивал муку в дежу, а как завидел крошку-лепешку, выпрямился.

— Видать, у людей еды хватает, — говорит. — Ишь лепешки-то ихние без призора шляются... Эх, хороши лепешки с сыром! Катись-ка сюда, лепешечка, переночуй у меня!

Но крошке-лепешке вовсе не хотелось попасть к мельнику в зубы. Она повернулась и выкатилась из мельницы. А мельник за ней и гнаться не стал — у него и без того хлопот полон рот был.

И вот крошка-лепешка покати́лась прочь. Катилась-катилась и наконец подкатилась к кузнице. Заглянула в дверь, поглядеть, что в кузнице творится.

Кузнец у наковальни стоял, ковал гвозди для подков. Но хоть и был он занят делом, а крошку-лепешку заметил.

— Люблю пропустить стаканчик эля, — говорит, — да румяной лепешечкой закусить. Ну-ка, катись сюда! Добро пожаловать!

Как услышала крошка-лепешка про эль, тотчас повернулась и быстро-быстро выкатилась из кузницы. Кузнец в досаде схватил свой молот и — за ней. А как понял, что лепешки ему не догнать, бросил в нее своим тяжеленным молотом, но не попал.

Потом крошка-лепешка подкатилась к одной ферме. Тут за усадьбой были сложены большие кучи торфа. Лепешка вкатилась в дом и покати́лась к очагу. В этом доме хозяин разостлал лен по всему полу и молотил его железным прутом. А хозяйка чесала тот лен, что уже был обмолочен. Фермер увидел лепешку и прямо диву дался,

— Эй, Дженет, гляди! — кричит жене. — К нам лепешка прикатилась. Должно быть, превкусная! Половину съем я.

— А другую половину я, — говорит хозяйка. — Прихлопни ее своим прутом, Сэнди, да поживей. А не то она за дверь выскочит!

Но не тут-то было! Крошка-лепешка перекувыркнулась и закатилась за сундук. Тут Дженет рассердилась на мужа.

— Эх ты, недотепа! — кричит. — Такого пустяка и то сделать не сумел!

Бросила в лепешку своей чесалкой, но тоже не попала. Крошка-лепешка опять перекувыркнулась и выкатилась из дому.

Теперь она покатила по берегу ручья и наконец подкатилась к небольшому домику, что стоял на вересковой пустоши. Тут хозяйка варила в котле овсянку на ужин, а муж ее у очага сидел и вил соломенные жгуты — корову привязывать. Завидела хозяйка лепешку и крикнула мужу:

— Ох, Джок! Сюда, сюда! Ты все просил испечь тебе лепешку на ужин! Так скорей помоги ее поймать!

— Сейчас, сейчас! — говорит Джок. Вскочил с места и подбежал к жене. — Да где же она? Не вижу!

— Вон там, хозяин, там, под тем стулом! Ты забегай с той стороны, а я с этой!

Джок побежал в темный угол, да второпях споткнулся о стул и грохнулся на пол, а крошка-лепешка перепрыгнула через него и, ухмыльнувшись, скрылась за дверью.

Тут она сначала покатила по пустоши, поросшей дроздом, потом — вверх по холму. И когда перевалила через него, подкатилась к хижине пастуха, что стояла на другом склоне холма.

Пастух и все его домочадцы сидели за столом — овсяную кашу ели. А хозяйка выскребывала ложкой донышко чу-

гунка. Завидела она лепешку и даже ложки до рта не донесла.

— Спаси нас и сохрани! — кричит. — Глядите! Крошка-лепешка прикатила, у нашего огонька погреться хочет.

А муж ей на это кричит:

— Захлопни дверь и лови ее! Сейчас мы ее поймаем! Овсянку лепешкой закусим!

Но крошка-лепешка не стала дожидаться, пока дверь захлопнут. Повернулась и — наутек, а пастух и его жена и детишки погнались за ней с ложками в руках. Вскоре пастух понял, что не догнать ему лепешки. Бросил в нее своей шапкой и чуть не попал. Но крошка-лепешка опять увернулась и немного погодя подкатилась к другому дому, где люди уже спать ложились.

Хозяин раздевался, а хозяйка заботливо выметала золу из очага.

— Это что? Лепешка? — вскричал хозяин. — Чего лучше! За ужином-то я не наелся досыта — миска с похлебкой не больно велика была.

А жена ему на это:

— Так лови лепешку! И я бы кусочек съела. Скорей! Скорей! Брось на нее куртку, а не то укатится!

Хозяин бросил свою куртку на крошку-лепешку и чуть ее не раздавил. Она уже едва дышала, бедняжка, вся потом обливалась, но все-таки ухитрилась выпутаться из куртки и выкатилась за дверь.

И опять она покатила прочь, а хозяин со всех ног погнался за ней — даже куртки надеть не успел. Уже темно, а он все гнался да гнался за крошкой-лепешкой и по полям, и между стогами, и по порослям дрока, но вдруг потерял ее из виду. Без куртки ему холодно стало, и он скоро вернулся домой.

А бедная крошка-лепешка подумала — не спрятаться ли ей под дрововым кустиком да не пролежать ли там до утра?

Но уже совсем стемнело, и она не разглядела лисьей норы, что была рядом. И вот крошка-лепешка скатилась прямо-хонько в лисью нору. А лиса ей очень обрадовалась — она уже два дня ничего не ела.

— Добро пожаловать! — крикнула лиса и схватила лепешку зубами.

Ну, тут беденькой крошке-лепешке и конец пришел.

Вот как оно бывает в жизни: люди думали, что крошка-лепешка сейчас попадет им в руки. А досталась она лисе.

ФЕЯ И ФЕРМЕРША

Расскажу вам про одну бедную молодую вдову, что жила в усадьбе Киттлрампит. Но в каком именно краю Шотландии была эта усадьба, никто не знает. Говорят, будто она находилась где-то поблизости от Спорной Земли, что, как всем известно, примыкает к границе между Англией и Шотландией. Там вечно рыскали разбойники. Шотландцы грабили англичан, англичане — шотландцев.

Так или иначе, но молодую хозяйку Киттлрампита можно было пожалеть. Муж ее пропал без вести, и никто не знал, куда он девался. Как-то раз он ушел на ярмарку и не вернулся. И хотя все думали, что он умер, но не знали, как и почему. Одни говорили, что он нанялся в солдаты и погиб на войне, другие — что его увели вербовщики и посадили на какой-то корабль, а потом бедняга утонул в море.

Не мудрено, что люди жалели молодую вдову. Ведь она осталась одна с малым сынишкой на руках, а времена были трудные, и бедняжке приходилось туго. Она очень любила своего малыша и, чтобы заработать денег на еду и одежду для него и себя, целый день возилась со своей коровой, свиньями и курами.

Как-то раз она встала спозаранку и пошла кормить свиней. Уже близился тот день, когда она платила аренду за свою маленькую ферму, и вот она решила отвести на рынок самую лучшую свою свинью. Свинья была большая, жирная, и молодая хозяйка Киттлрампита думала, что ей, пожалуй, хватит на уплату аренды тех денег, что она выручит за эту свинью. На сердце у нее было легко, и она весело напевала песенку, когда шла по двору с ведром в одной руке и ребенком на другой.

Но песенка ее быстро перешла в горький плач. Едва она ступила в свиной хлев, как увидела, что ее лучшая откормленная свинья повалилась навзничь и лежит, закрыв глаза и задрав ноги, — вот-вот издохнет.

— Ох, что мне делать, что делать? — запричитала бедняжка и опустилась на большой камень, прижав к груди ребенка; она и не заметила, что уронила ведро, поило для свиней растеклось по земле, и к нему бросились куры. — Мужа я потеряла, одна осталась... А теперь вот издохнет моя лучшая свинья, — чем я буду платить за ферму?

Надо вам сказать, что усадьба Киттлрампит стояла на полугоре. За усадьбой рос большой еловый лес, а перед нею горный склон круто спускался в долину.

И вот бедняжка поплакала-поплакала, потом вытерла глаза и стала смотреть перед собой. И кого же она увидела? В гору к усадьбе поднималась старуха, на вид — знатная леди. Платье у нее было зеленое, передник белый, а чепчик черный, бархатный. Поверх чепчика она надела шляпу с полями и высокой остроконечной тульей, — такую, какие носят женщины в Уэльсе. Старуха поднималась очень медленно, опираясь на длинный посох, и немножко припадала на ногу, словно хромая.

Увидела ее молодая вдова и подумала, что это, наверное, какая-то благородная леди. А значит, нужно встать и сделать ей реверанс. Так она и поступила.

— Сударыня, — молвила она, глотая слезы, — добро пожаловать в усадьбу Киттлрампит! Хотя надо сознаться, что хозяйка ее — самая несчастная женщина на свете.

— Вздор! — отозвалась на это старуха, да таким резким голосом, что молодая женщина вздрогнула и крепче прижала к себе ребенка. — Нечего тебе приbedняться! Правда, ты потеряла мужа, но в битве при Шайрмуре убитых было видимо-невидимо. А свинья твоя, сдастся мне, вот-вот издохнет... Но этому горю я, пожалуй, могу помочь. Только сначала скажи, что ты мне дашь, если я ее вылечу.

— Все, чего вы только пожелаете, ваша милость!

Молодая вдова до того обрадовалась, что и не подумала, как неосторожно делать такие посулы.

— Прекрасно, — отозвалась старуха и, ни слова больше не вымолвив, пошла прямо в свиной хлев.

Там она немного постояла и поглядела на больную свинью. Все это время она раскачивалась из стороны в сто-

роу и что-то бормотала. Но молодая вдова почти ничего не могла понять. Только расслышала, как старуха прошептала:

Туда-сюда,
Святая вода.

Но вот старуха вынула из кармана крошечную склянку с какой-то жидкостью, с виду похожей на льняное масло, вытащила пробку и окунула в склянку свой длинный тонкий палец. Потом дотронулась этим пальцем до рыла, ушей и закрученного хвостика свиньи. И свинья тотчас же вскочила, радостно хрюкнула и побежала к корыту посмотреть, нет ли там поила.

У хозяйки Киттлрампита прямо гора с плеч свалилась. «Ну, теперь заплачу за аренду!» — подумала она. Бедняжка так обрадовалась, что кинулась было целовать подол зеленого платья своей диковинной гостью, но та ее остановила.

— Нет, нет, — еще резче, чем раньше, проговорила старуха. — Мне твоя благодарность ни к чему. Но ты помнишь, как мы с тобой сторговались? Я свое дело сделала — вылечила свинью; теперь твой черед. Дай мне то, чего я желаю, — сына своего дай!

Бедная вдова жалобно вскрикнула. Она уже догадалась, что старуха в зеленом платье — фея, да к тому же — злая фея. А не то она не стала бы отнимать ребенка у матери. Но просить и молить о пощаде было уже поздно. Фея, жестокая и непреклонная, стояла на своем.

— Ты обещала дать мне то, чего я пожелаю, — говорила она. — Я пожелаю взять твоего сына, и сына твоего я получу. Так что нечего хныкать — толку все равно не будет. Но кое-что я тебе скажу — я знаю, тебе это все равно не поможет. По закону Страны Фей, я не могу взять у тебя ребенка раньше, чем на третий день после нынешнего. А если ты к этому времени узнаешь, как меня зовут, я и тогда не смогу его забрать. Но ты не сможешь узнать мое имя — в

этом я уверена... Итак, я приду за ребенком через два дня на третий.

Тут фея обогнула свиной хлев и скрылась из виду, а бедная молодая мать замертво упала на землю.

Весь этот день и весь следующий она просидела у себя на кухне — все плакала и крепко прижимала ребенка к груди. Но в канун того дня, когда фея должна была вернуться, бедняжке захотелось пойти подышать свежим воздухом. И вот она пошла погулять в еловый лес, что рос за усадьбой.

А в этом лесу была заброшенная каменоломня и на ее дне — родничок с прозрачной чистой водой. Молодая вдова шла по краю каменоломни, как вдруг до нее донеслось жужжание прялки и чье-то пение. Сначала она не могла понять, откуда доносятся эти звуки, потом догадалась, что — со дна каменоломни.

Тогда молодая мать положила ребенка под ближнее дерево, потом осторожно раздвинула кусты, на коленях подползла к самому краю каменоломни и заглянула в нее. И тут она прямо глазам своим не поверила. Ведь там внизу, на самом дне, у родника сидела злая фея в своем зеленом платье и высокой войлочной шляпе и быстро-быстро прядла на маленькой прялке. А пела она вот что:

Хозяйка этого дома не знает,
Что Уйппети Стүри меня прозывают.

Молодая мать чуть не вскрикнула от радости — ведь она узнала тайну феи и поняла, что теперь ее ребенок спасен. Но она боялась, как бы жестокая старуха не заметила ее и не околдовала злыми чарами. И вот она тихонько поползла обратно к ребенку, взяла его на руки и побежала по лесу домой. Она смеялась, и пела, и подбрасывала в воздух сынишку, и вообще так ликовала, что, если бы ее кто-нибудь встретил, наверное, подумал бы, что она помешалась,

Надо сказать, что в девушках молодая вдова была веселая. Да и теперь была бы веселой, если бы не довелось ей хлебнуть столько горя в замужестве. А горе ее и составило, и образумило раньше времени. Но теперь она подумала: «Надо мне сначала немножко подразнить фею, а потом уже сказать, что я узнала ее имя».

На другой день она в назначенный час вышла из дому с ребенком на руках и опять села на большой камень. А как только увидела, что старуха поднимается к усадьбе по горному склону, смяла свой чистый чепчик, испарала себе лицо и горько зарыдала, — словом, притворилась, что не помнит себя от горя.

Однако злая фея не обратила на это внимания. Она подошла вплотную к молодой женщине и проговорила резким непреклонным голосом:

— Хозяйка Киттлрампита, ты знаешь, зачем я пришла! Давай ребенка!

Тут молодая мать сделала вид, что пришла в полное отчаяние. Она упала на колени перед злой старухой и взмолилась:

— О милостивая госпожа, пощадите моего младенца! Вместо него лучше возьмите свинью!

— В тех краях, откуда я пришла, мы в ветчине не нуждаемся, — отрезала фея. — Давай-ка мальчишку, и я уйду. Некогда мне тут с тобой болтать!

— О дорогая леди, — плакалась молодая хозяйка Киттлрампита, — если уж не хотите свиньи, возьмите меня вместо моего бедного малыша!

Фея удивленно посмотрела на нее и сделала шаг назад.

— Ты что — с ума сошла, женщина? — надменно воскликнула она. — Как ты смеешь мне предлагать себя? Да кому ты нужна, такая безобразная, красноглазая зама-
рашка?

Надо сказать, что молодая хозяйка Киттлрампита не была красавицей, да никогда и не считала себя красивой. Но слова феи так ее рассердили, что она не утерпела и сказала:

— Вы правы, прекрасная госпожа. Надо мне было самой догадаться, что такая, как я, не достойна даже завязать шнурки на башмаках высокородной и всеильной принцессы Уинпети Стүри!

Ну, будь в этом дворе зарыт громадный запас пороха и взорвись он внезапно у самых ног злой феи, она и то не смогла бы подпрыгнуть так высоко, как подпрыгнула в этот миг.

А когда фея вновь коснулась ногами земли, она тотчас повернулась и побежала вниз по склону, визжа от злости и досады. Ни дать ни взять «сова, за которой ведьмы гонятся», как сказано в одной старинной книге.

ТРИ СЫНА ГОРЛЫ

Козопас Горла и его жена жили в маленькой хижине на горе Бен-нан-Син, что значит «Гора бурь». У них была одна белокурая дочь и три красавца сына: Черный Арден, гордец, Рыжий Рьюэс, силач, и Русский Комхен, добряк.

Как-то раз девушка пасла козлят на горном склоне, и вдруг ее обволокло густым белым туманом. Туман этот был

не простой, а волшебный, — когда он рассеялся, девушка бесследно исчезла. Тяжкое горе вселилось тогда в хижину, на Горе Бурь.

Через один год и один день Черный Арден встал и сказал:

— Я уйду из отчего дома и не буду отдыхать ни днем, ни ночью, пока не найду сестры.

Тогда отец его, Горла, спокойно проговорил:

— Не буду удерживать тебя, сын мой. Но лучше бы тебе сперва попросить у меня позволения уйти.

На это Арден только плечами пожал. Тут мать его пошла и испекла две лепешки — большую и маленькую.

— Скажи, сын мой, — молвила она, — какую лепешку хочешь ты взять с собой в дорогу — большую или маленькую? Большую возьмешь с материнским гневом, — а гневаюсь я на тебя за то, что ты не попросил позволения уйти из отчего дома. Маленькую возьмешь с материнским благословением.

— Возьму большую, — ответил Арден. — А маленькую и свое благословение оставь для тех, кому они пужны.

И вот положил Арден большую лепешку в сумку и отправился искать сестру. Быстро шел он вперед. Бежал по лужам так, что брызги летели, взбегал на холмы так, что пыль поднималась, — словом, ног не жалел, пока не добрался до леса Роудир. Тут ему захотелось есть. Он сел на плоский серый камень и вынул свою лепешку, но еще не успел откусить от нее, как вдруг услышал хлопанье крыльев и увидел, как черный ворон вылетел из леса и сел на выступ скалы над его головой.

— Дай мне кусочек, дай кусочек, сын Горлы, хозяина стада! — закаркал ворон.

— Ни кусочка ты от меня не получишь, урод проклятый, — сказал Арден. — Мне и одному не хватит.

И, не глядя на ворона, сам съел весь хлеб до последней крошки. Потом опять тронулся в путь.

Наступила ночь. Арден взобрался на горный гребень и увидел перед собой хижину. В окне ее горел яркий свет, и Арден надумал попроситься переночевать здесь. Дверь ему открыл древний старец и приветливо поздоровался с ним.

— Свет у меня яркий, — сказал старец, — и путники часто заходят ко мне на огонек.

Арден поужинал, отдохнул, а потом старец спросил его:

— Не хочешь ли наняться ко мне в услужение? Мне нужен пастух — трех моих бурых безрогих коров пасти.

— Я пошел свою сестру искать, — ответил Арден, — но могу задержаться и послужить тебе. Только ты мне хорошо запомни.

— Заплачу, — молвил старец. — В обиде не будешь!

И вот на другой день Черный Арден встал и собрался погнать в горы трех бурых безрогих коров старца. Но перед его уходом старец сказал:

— Обещай, что не будешь гнать и не будешь вести коров. Просто шагай за ними следом — пускай они сами себе пастбище ищут. И дай слово, что ты от них не отойдешь, что бы ни случилось.

«Ну, эдак пасти коров не трудно!» — подумал Арден. Он обещал старцу выполнить его наказ и легкими шагами пошел следом за коровами. А те перевалили через две горные гряды и спустились в узкую зеленую долину. И в этой долине Арден увидел диковинное зрелище: откуда ни возьмись появились золотой петух и серебряная курица. Они словно с неба слетели и побежали впереди Ардена. Хвост у петуха так ярко сверкал на солнце, отливая золотом, а грудка у курицы так ярко сияла, отливая серебром, что Арден начисто позабыл про свое обещание и бегом пустился вдогонку за птицами. Он со всех ног мчался по зеленой траве и уже чуть было не схватил петуха за его золотой хвост, как вдруг и петух и курица пропали.

Кляня себя за глупость, Арден вернулся к трем коровам, туда, где они щипали траву в долине. Но тут ему довелось увидеть такое диво, что он даже глаза себе протер. Откуда ни возьмись появились два прута — один золотой, другой серебряный — и принялись подпрыгивать перед Ардемом.

«Да, тут столько золота и серебра, что мне на весь век хватит!» — подумал Арден и бросился за прутами. Но он не успел пробежать и десятка шагов, как вдруг и золотой прут и серебряный куда-то пропали.

Арден опять вернулся к трем бурым безрогим коровам и подумал: «Ну, теперь-то уж я не поддамся на обман!» А коровы перестали щипать траву и побрели по долине. Арден плелся за ними следом, пока они не дошли до конца долины, а там он даже ахнул от удивления. Тут росло много плодовых деревьев, и на их ветвях зрели всевозможные плоды — и все те, какие Арден знал, и еще плоды двенадцати видов, про каких он в жизни не слыхивал. И столько их было, спелых и румяных, что под их тяжестью ветви до земли клонились. Арден бросился туда и принялся рвать и есть плоды, пока не наелся досыта. Когда же он опять подошел к коровам, они сразу повернули назад, побрели домой и вскоре добрались до хижины старца.

— Сейчас буду доить своих трех бурых безрогих коровушек, — сказал старец. — Вот теперь узнаю, хорошо ли ты моих коров пас и сдержал ли свое слово.

Старец принялся доить коров, но молоко, что струилось из их вымени, оказалось совсем жидким, нежирным. Так старец узнал, что Арден не сдержал своего слова — отходил от коров.

— Обманщик! — вскричал старец. — Вот тебе плата за пастбу!

Тут старец медленно поднял руку, и Черный Арден превратился в каменный столб.

Еще через один год и один день в хижине на Горе Бурь встал средний сын пастуха Горлы, Рыжий Рьюэс, и сказал:

— Я уйду из отчего дома и не стану отдыхать ни днем, ни ночью, пока не разыщу своей сестры и своего брата Ардена.

А потом все было так, как было, когда ушел его старший брат, Черный Арден. Горла попрекнул сына за то, что он не попросил позволения уйти из дома, но Рьюэс на это только презрительно махнул рукой. А когда мать спросила его, какую лепешку он хочет взять в дорогу — большую с материнским гневом или маленькую с материнским благословением, Рьюэс, как и Арден, ответил:

— Большую! Оставь маленькую лепешку и свое благословение тем, кому они нужны.

Затем Рьюэс тронулся в путь. И вот со средним сыном пастуха Горлы случилось в точности то же самое, что было с его старшим братом, Черным Арденом.

Рыжий Рьюэс увидел черного ворона в лесу Роудир и не дал ему ни кусочка от своей лепешки. Он зашел к старцу и нанялся пасти его трех бурых безрогих коров. И он тоже не сдержал своего слова — погнался за золотым петухом и серебряной курицей; потом — за золотым прутом и за серебряным; а в саду, что был в конце узкой зеленой долины, досыта наелся плодов. Когда же он вернулся к старцу, тот превратил его в каменный столб. Так оба брата понесли наказание за то, что не сдержали слова, и теперь, каменные, недвижно стояли рядом.

А еще через один год и один день младший сын Горлы, Русый Комхен встал и сказал:

— Вот уже три года и три дня миновали с тех пор, как пропала моя сестрица. Оба брата мои пошли ее разыскивать, но слуху о них тоже нет как нет. Если ты не против, отец, позволь мне пойти на поиски и разделить их участь.

— Позволяю и благословляю тебя, Комхен, — молвил его отец.

Тогда жена Горлы сказала:

— Дать тебе на дорогу большую лепешку без моего благословения или маленькую с добрыми пожеланиями от всего сердца?

— Благослови меня, матушка, — ответил Комхен. — Ведь, унаследуй я хоть весь мир, бедное это будет наследство без твоего благословения.

Тогда родители пожелали ему гладкой тропы на дальнем пути, и он ушел из дома.

Быстро шел Комхен, — так быстро, как ветер летит по равнине. Мхи клонились к земле на пустоши, когда он к ней приближался, роса падала с кустистого лилового вереска, когда он бежал по горному склону, а рыжие куропатки, те, увидев его, улетали прочь.

Наконец Комхен добрался до леса Роудир и сел отдохнуть на плоский серый камень — хотел подкрепиться своей маленькой лепешкой. Но тут слетел с дерева черный ворон.

— Дай мне кусочек, дай кусочек, сын Горлы, хозяин стада! — закаркал ворон.

— Дам, дам тебе кусочек, бедняга, — молвил Комхен. — Ты, видать, еще голодней, чем я. Лепешки нам обоим хватит — ведь ее моя матушка благословила.

И он разломил пополам маленькую лепешку и половину дал ворону, а тот унес ее в клюве.

Настала ночь, и в темноте Комхен увидел яркий свет в чьем-то окне. Старец радушно принял Комхена. А когда тот поужинал и отдохнул, спросил, как спрашивал его братьев:

— Хочешь наняться ко мне в пастухи — моих трех бурых безрогих коровушек пасти?

— Я пошел искать свою любимую сестрицу и своих возлюбленных братьев, — ответил Комхен. — Но если тебе

нужен пастух, я, пожалуй, задержусь ненадолго и помогу тебе, старец. Ты ведь уже одряхлел, трудно тебе бродить по горам.

Наутро Комхен собрался на пастбище с тремя коровами, а перед уходом обещал старцу коров не гнать — пускай сами ищут себе корм — и, что бы ни случилось, от них не отходить.

И вот он побрел следом за коровами. А коровы перевалили через две горные гряды и спустились в узкую зеленую долину. Тут с неба слетели золотой петух и серебряная курица и побежали впереди Комхена. Но как они ни сверкали на солнце, отливая серебром и золотом, Комхен не забыл про свое обещание и не отошел от коров.

А коровы брели все дальше и дальше. И вот откуда ни возьмись появились два прута, золотой и серебряный, и запрыгали перед Комхеном. Первый раз в жизни довелось ему увидеть такое сокровище. Но он не отходил от своих коров — пас их, как хороший пастух пасет. Потом коровы привели его к плодovому саду, в конце долины. Но хоть плоды там были такие спелые и румяные и благоухали так сладко, что у Комхена слюнки текли, он ни разу не остановился и прошел мимо.

И вдруг все заволокло дымом и запахло гарью. Комхен увидел, что коровы бредут к большому торфянику, а вереск на этом торфянике весь в огне. Грозное пламя вздымалось, словно морские волны в бурю, а коровы ступили прямо в огонь. Но Комхен и тут не забыл своего обещания — что бы ни случилось, не отходить от коров. И он пошел за ними по горящему торфянику, хотя колени у него дрожали от страха. Однако и он, и все три коровы миновали торфяник целыми и невредимыми. Ноги им не обожгло огнем и даже ни одного волоска не опалило.

Немного погодя Комхен услышал шум воды. Все три коровы подошли к реке. Она широко разлилась, и желтые во-

ды ее бурлили. Река была такая глубокая, что если бы несколько человек стали друг другу на плечи и вошли в нее, тому, что был наверху, вода дошла бы до поздрей. Но, к ужасу Комхена, все три коровы спокойно сошли с берега в воду. У их пастуха зубы стучали от страха, но он и тут не позабыл про свое обещание и вошел в воду вслед за коровами. И вскоре все они уже стояли на другом берегу, целые и невредимые. Через эту свирепую реку они перебрались благополучно.

Домой коровы побрели другой дорогой и вскоре подошли к дому старца.

— Сейчас подою своих трех коровушек, — сказал старец, — вот и узнаю, хорошо ли ты их пас и верный ли ты слуга.

И тут у всех трех коров из вымени полилось молоко, густое и жирное. Так старец узнал, что Комхен сдержал свое слово.

— Ты хороший пастух, — сказал он. — А не сдержи ты своего слова, с тобой было бы то же самое, что случилось с твоими двумя вероломными братьями.

Тут он провел Комхена в соседнюю комнату и показал ему два каменных столба. Это были Черный Арден и Рыжий Рьюре. Великая жалость к братьям пронзила сердце Комхена, и он понял, что его хозяин — волшебник.

«Наверное, это он похитил мою белокурую сестрицу», — подумал Комхен.

— Ну, Комхен, — сказал старец, — теперь проси у меня платы за службу. Чего попросишь, то и получишь.

— Верни мне живыми и здоровыми моих возлюбленных братьев, — молвил Комхен. — И если можешь, верни мне также мою любимую сестрицу.

Старец нахмурился. Не по праву ему пришлось речь Комхена. Но, давши слово, держись! И он сказал:

— Многого ты просишь, малый. Однако просьбу твою я выполняю, но не раньше, чем ты сделаешь три дела.

— Скажи какие, — молвил Комхен.

— Так слушай! Вон с той высокой горы приведи мне быстроногую косулю. У нее пятнистая шкурка, тонкие ножки, красивые рожки. Это первое дело... Потом с глубокого озера, что тут недалеко, принеси мне зеленую утку с желтой шейкой. Это второе дело... Затем из темного омута, что прячется среди скал, вон на том горном склоне, достань мне форель с белым брюшком, красными жабрами и серебряным хвостиком. Это будет третье и последнее твое дело.

И вот Русский Комхен поднялся на высокую гору, чтобы немедленно сделать первое свое дело. Там на утесе он увидел тонконогую косулю и сразу же бросился за ней в погоню. Но хоть бежал он так быстро, что ноги его едва касались земли, косули догнать не смог. Только взбежит на пригорок, а она уже где-то за пять пригорков от него.

— Эх! — вскричал Комхен. — Вот если бы ноги у меня были такие же резвые, как у гончей!

И не успел он это сказать, как откуда ни возьмись появилась гончая, поравнялась с ним и присела, готовая мчаться за дичью.

— Черный ворон приказал мне догнать стройную косулю для тебя, Комхен, — гавкнула собака. — Ведь ты с ним свою лепешку разделил.

Тут собака умчалась вперед, но вскоре вернулась и положила к ногам Комхена пятнистую косулю. Он перекинул косулю через плечо и пошел к глубокому озеру, где жила зеленая утка с желтой шейкой. Но утка летела высоко над его головой. Комхен понял, что не сможет ее поймать, и вскричал:

— Эх! Были бы у меня сильные птичьи крылья да острые птичьи глаза!..

И вдруг с неба слетел сам черный ворон.

— Зеленую утку я тебе принесу, Комхен, — каркнул он, — ведь ты меня пожалел!

Тут ворон улетел, и спустя миг зеленая утка с желтой шейкой лежала на земле перед Комхеном. Так, с косулей на плече и держа утку за желтую шейку, Комхен пошел к омуту среди скал на горном склоне — тому самому омуту, где плавала форель с белым брюшком, красными жабрами и серебряным хвостиком. Комхен хорошо умел ловить рыбу, но хитрая форель лежала на дне под плоским камнем, и достать ее было невозможно.

— Эх, если б мог я плавать и нырять, как выдра! — вскричал он.

И сразу же откуда ни возьмись появилась коричневая выдра с блестящим мехом и сказала:

— Черный ворон велел мне поймать для тебя белобрюхую форель с красными жабрами и серебряным хвостиком, Комхен, потому что ты над ним сжалился, когда он голодный был.

Тут выдра нырнула в омут и спустя миг вытащила форель из-под камня и отдала ее Комхену.

И вот Комхен, торжествуя, поспешил к старцу и показал ему пятнистую косулю, зеленую утку и форель с серебряным хвостиком.

— Я все твои три приказания выполнил, — сказал он старцу. — Выполни и ты свое обещание — верни мне моих возлюбленных братьев и мою любимую сестрицу.

Подвинулся старец, когда взглядел на то, что принес ему Комхен, и сказал:

— Сын мой, правильно тебя называли Комхен — то есть «благородный, добрый». Ну что ж, я сдержу свое слово — верну тебе твоих возлюбленных братьев и любимую сестрицу. Она тоже была у меня в плену, заколдованная, с того дня как пропала в тумане на горе.

И вот Черный Арден и Рыжий Рьюэс снова облеклись плотью, и кровь побежала по их жилам. Они крепко обняли Комхена и больше уже никогда в жизни не вели себя как гордецы и неслухи. Но еще больше обрадовались все три брата, когда появилась их белокурая сестрица, живая и здоровая.

Все они сразу же встали и тронулись в обратный путь, к дому отца своего, козопаса Горлы. Когда они уходили, старец стоял на пороге и говорил им вслед:

— Будь здоров, Комхен! Да пребудет с тобой мое стариковское благословение, где бы ты ни был и куда бы ни направил стопы свои!

И в тот день в хижине на Горе Бурь царили радость и веселье.

1. ФЭРН-ДЭНСКИЙ БРАУНИ

Некогда в Шотландии водилось много брауни. Брауни — они вроде домовых, но живут не в домах и не во дворах людей, а сами по себе, где-нибудь поблизости от людского жилья. Много рассказывают сказок про брауни из Бодсбека и брауни из Бледнока, но самая лучшая — это сказка про брауни из Фэрн-Дэна,

«Фэрн-Дэн» значит «Папоротниковый лог». Так называлась одна ферма, потому что стояла она в конце лога, где буйно росли папоротники. По этому логу надо было пройти, чтобы попасть на ферму.

Ходили слухи, будто в логу живет брауни. Днем он не появлялся, а по ночам люди иногда видели, как он бесшумно, словно безобразная тень, крадется от дерева к дереву, стараясь, чтобы его не заметили. Но он никогда никому не вредил.

Ведь все брауни, если их не обижают, не только не вредят людям, но даже всячески стараются помочь тем, кто нуждается в помощи. Фермер, хозяин Фэрн-Дэна, частенько говаривал, что прямо не знает, как он обошелся бы без своего брауни. Ведь если на ферме была спешная работа, скажем, если надо было обмолотить и провеять рожь, или ссыпать зерно в мешки, или собрать репу, или выстирать белье, сбить масло, выколоть огород, — на помощь приходил брауни. Хозяевам фермы стоило только, отходя ко сну, распахнуть дверь в амбар, или в молочную, или в сарайчик, куда складывали репу, да поставить на порог чашку с парным молоком — брауни на ужин, и когда они наутро просыпались, чашка оказывалась пустой, а все работы на ферме законченными. И все было сделано даже лучше, чем делали бы люди.

Все знали, какой этот брауни кроткий и незлобивый, но все почему-то боялись его. Когда люди возвращались домой из церкви или с базара, они даже ночью делали крюк мили в две, только бы не проходить по логу — так им было страшно увидеть брауни даже издали.

Впрочем, страшились его не все. Жена фермера сама была такая добрая и приветливая, что не боялась ничего на свете. Когда ей надо было поставить за порог чашку молока, брауни на ужин, она наливала в нее самое густое, жирное молоко да еще подбавляла к нему полную ложку сливок,

— Брауни на нас усердно работает, — говаривала она, — а жалованья не просит. Значит, мы должны угощать его как можно лучше.

И вот однажды вечером фермерша внезапно захворала, да так тяжело, что все боялись, как бы она не умерла. Муж ее очень встревожился, да и слуги тоже, — ведь она была добрая хозяйка, и они любили ее, как мать родную. Но все они были люди молодые, в болезнях ничего не понимали и поэтому говорили, что надо бы вызвать опытную старуху лекарку, что жила в семи милях от фермы на другом берегу реки.

Но кому за ней съездить? Вот вопрос! Близилась полночь, тьма была крошечная, путь к дому лекарки пролегал через лог, а там, чего доброго, можно было встретить брауни, которого все боялись.

И никто на ферме не знал, что тот, кого все они так опасаются, стоит сейчас за кухонной дверью.

Это был крошечный волосатый уродец с длинной бородой, красными веками, широкими плоскими ступнями — точь-в-точь жабы лапы — и длинными-предлинными руками, доходившими до земли, даже если он стоял прямо.

Брауни в тревоге прислушивался к разговору на кухне. В тот вечер он, как всегда, вышел из потаенной норы в лог, чтобы узнать, нет ли работы на ферме, и выпить свою чашку молока. И тут он увидел, что входная дверь дома не заперта, а в окнах горит свет, и догадался, что на ферме что-то неладно. Ведь в этот поздний час там всегда было темно и тихо. Ну, он и прокрался на крыльцо разузнать, что случилось. И вот он узнал из разговора слуг, что фермерша занемогла. Тут сердце у него упало — ведь фермершу он крепко любил, потому что она всегда была добра к нему. И он очень рассердился, когда понял, что эти трусы не смеют съездить за лекаркой, потому что боятся его, брауни.

— Дураки, олухи, болваны! — забормотал он и топнул широкой безобразной ногой. — Словно я брошусь их кусать,

как только встречу! Эх, если б они только знали, как я стараюсь не попадаться им на глаза, они бы не мололи такого вздора. Но мешкать нельзя. Эдак хозяйка и помереть может. Придется, видно, мне самому за лекаркой ехать.

Тут брауни поднял руку, снял с гвоздя темный плащ фермера и накинул его себе на голову. Он хорошенько закутал в плащ свое нескладное тело, потом побежал на конюшню, а там оседлал и взнуздal самую резвую из лошадей. Потом повел лошадь к двери и вскарабкался к ней на спину.

— Ну, коли ты всегда бегаешь быстро, так сейчас беги еще быстрее! — сказал он.

И лошадь словно поняла его. Она тихонько заржала, запридала ушами, потом ринулась во тьму, как стрела, пушенная из лука. Никогда еще она не бежала так быстро, и вскоре брауни остановил ее у домика старухи лекарки.

Она крепко спала. Но брауни забарабанил в окно, и тут же в окне показался белый ночной чепец. Старуха прижалась лицом к стеклу.

— Кто там? — спросила она.

Брауни наклонился и проговорил своим глухим басом:

— Скорей собирайся, тетушка! Надо спасти жизнь хозяйке Фэрн-Дэна. На ферме ее некому лечить, там одни только дуры-служанки.

— Но как же я туда попаду? — с беспокойством спросила старуха. — За мной прислали повозку?

— Нет, повозки не прислали, — ответил брауни. — Садись ко мне за спину и крепко держись за меня. Я тебя доведу до Фэрн-Дэна целой и невредимой.

Он не просто говорил, а приказывал, и старуха не посмела ослушаться. К тому же в молодости она не раз так ездила верхом, за спиной у какого-нибудь всадника. Она оделась и вышла из дому. Потом стала на камень, что ле-

жал у порога, влезла на лошадь и села, крепко обхватив незнакомца в темном плаще.

Они ни словом не перемолвились, пока не подъехали к логу. Тут старухе стало жутко.

— Как думаете, нам здесь не встретится брауни? — робко спросила она. — Не хочется мне его видеть! Люди говорят, что встреча с ним — не к добру.

Спутник ее рассмеялся каким-то странным смехом.

— Не беспокойся и не болтай вздора, — сказал он. — Ты боишься встретить урод. Но ничего безобразней того, кто сейчас сидит с тобой на лошади, ты не увидишь. За это я ручаюсь!

— Ну тогда все хорошо и ладно! — отозвалась старуха со вздохом облегчения. — Хотя я и не видела вашего лица, но знаю, что вы человек добрый, раз вы так успокаиваете бедную старушку.

Больше она ни слова не вымолвила, пока они не проехали по всему логу и лошадь не вбежала во двор фермы. Тут всадник спешился, протянул свои сильные длинные руки и осторожно ссадил старуху. И вдруг с него соскользнул плащ, и старуха увидела, что спутник ее — уродец с коротким широким туловищем и безобразными руками и ногами.

— Да кто же вы такой? — спросила она, вглядываясь ему в лицо при свете занявшейся зари. — Почему у вас глаза как плошки? И что у вас за ступни? Больно уж они велики! Да и на жабьи лапы смахивают.

Маленький уродец рассмеялся.

— Я много миль прошагал пешком в молодые годы. А говорят, кто много ходит, у того ступни расшлепаны, — ответил он. — Но ты, тетушка, не трать времени на болтовню. Ступай в дом. А если кто тебя спросит, как ты добралась сюда так быстро, скажи, что люди, мол, за мной не приехали, ну и пришлось мне сидеть за спиной у брауни из Фэрн-Дэна!

2. «Я САМ»

Жил-был мальчик, и звали его Парси. Как и многие мальчики и девочки, он вечером ни за что не хотел ложиться спать.

Парси и его мама жили в маленьком каменном домике на самой границе между Шотландией и Англией. Жили они бедно, но по вечерам, когда ласково теплилась свечка, а в камине ярко горел огонь, в домике у них было очень уютно.

Тогда Парси садился у огонька, а мама рассказывала ему старые сказки. А если не рассказывала, он сидел просто так и сонно смотрел на пламя, — ведь оно то и дело менялось, вспыхивало, опадало... Наконец (Парси всегда считал, что — слишком рано) мать говорила сынишке:

— Пора тебе спать, Парси!

Мальчик упирался, говорил: «Еще рано!» Но все-таки приходилось ему ложиться в постель. А ляжет, так, бывало, не успеет положить голову на подушку, как заснет.

И вот однажды он никак не хотел ложиться, а матери надоело его уговаривать. Она взяла свечу и сказала:

— Ну что ж, оставайся тут, раз уж тебе так хочется. Но если явится старуха фея и тебя с собой заберет, сам будешь виноват. Пеняй на себя, что меня не слушался.

И она ушла в спальню.

«Вот еще! Так я и побоялся старухи феи!» — сердито подумал Парси и остался сидеть у огня.

Надо сказать, что в домике матери Парси, как и во многих других фермерских домах, каждую ночь появлялся маленький брауни. Бесенок спускался в камин по дымовой трубе, подметал коминату и наводил в ней полный порядок. В награду за эти услуги мать Парси никогда не забывала ставить за порогом чашку сливок, снятых с козьего молока. И наутро чашка всегда оказывалась пустой. Ведь в те времена все домовые-брауни дружили с людьми. Но они были вспыльчивы и сердились, если им казалось, что люди их обидели. Горе было хозяйке, когда она забывала поставить для брауни чашку сливок! Наутро все у нее в доме было перевернуто вверх дном, и брауни больше уже никогда не приходил ей помогать.

Но тот брауни, что помогал матери Парси, каждый вечер находил за порогом чашку сливок. Поэтому он являлся ночь за ночью и работал бесшумно и ловко, пока Парси и его мать крепко спали.

Надо сказать, что у этого брауни тоже была мать — старая фея, очень сердитая; людей она недолюбливала. Про нее-то и говорила мать Парси, когда уходила спать.

И вот Парси все сидел да сидел у огня, очень довольный, что настоял на своем. Но когда огонь стал угасать, мальчик озяб и стал подумывать о своей теплой постельке. Он уже собирался отправиться спать, как вдруг что-то зашуршало и зацарапалось в дымовой трубе, и вот из камина в коминату выпрыгнул брауни — бесенок с тонкими кривыми ножками и острыми ушками. Парси очень удивился — он никак не ожидал увидеть брауни. А тот удивился тоже, почему Парси все еще не спит. Мальчик поглядел, поглядел на брауни и наконец спросил:

— Как тебя звать?

— «Сам», — ответил брауни с лукавой усмешкой. — А тебя как?

Парси догадался, что брауни пошутил, и решил тоже ответить шуткой:

— Меня зовут «Я сам».

Затем Парси принялся играть с брауни у огня. «Сам» был прыткий бесенок, и Парси только глазами хлопал, когда тот ловко, словно кошка, прыгивал с высокого шкафа на стол или разбрасывал корзинки по всему полу.

Немного погодя Парси помешал угли в камине, и тут, к его ужасу, горячий уголек отскочил в сторону и упал прямо на ножку брауни. «Сам» взвизгнул, да так пронзительно, что старуха фея, его мать, услышала и свирено крикнула в дымовую трубу:

— Кто тебе сделал больно? Отвечай! Вот я сейчас спущусь и задам ему!

Тут Парси бросился в спальню, забрался в свою кроватку и с головой завернулся в одеяло. Он дрожал всем телом — так ему было страшно.

— Ну, говори же, кто тебе сделал больно! — кричала старуха фея сыну.

— Это «Я сам»! — взвизгнул в ответ брауни.

— Так чего ж ты расшумелся? — отозвалась его мамаша. — И как ты смеешь беспокоить меня своим визгом по пустякам? Сам себе сделал больно, значит, сам и виноват!

Тут из дымовой трубы высунулась длинная костлявая рука со скрюченными пальцами, схватила брауни и утащила его.

Наутро мать Парси увидела, что чашка со сливками стоит за порогом нетронутая. И брауни уже больше ни разу не пришел в ее домик. Жалко было матери Парси потерять такого хорошего помощника, но зато сынишку ее уже не приходилось уговаривать ложиться спать. Парси побаивался — а вдруг длинная костлявая рука со скрюченными пальцами опять высунется из каминя, да и утащит его, Парси, в дымовую трубу.

1. МАК-КОДРАМ ТЮЛЕНИИ

Давным-давно, еще до того, как первые мореходы пустились в плаванье, стремясь увидеть земли, что лежат за морем, под волнами мирно и счастливо жили морской король и морская королева. У них было много красивых детей. Стройные, кареглазые, дети день-деньской играли с

веселыми морскими барашками и плавали в зарослях пурпурных водорослей, что растут на дне океана. Они любили петь, и куда бы ни плыли, пели песни, похожие на плеск волн.

Но вот великое горе пришло к морскому королю и его беззаботным детям. Морская королева захворала, умерла, и родные с глубокой скорбью похоронили ее в коралловой пещере. А когда она скончалась, некому стало присматривать за детьми моря, расчесывать их длинные волосы и убаюкивать их ласковым пением.

Морской король с грустью глядел на своих печесанных детей, на их волосы, перепутанные, как водоросли. Он слышал, как по ночам дети не спят и мечутся на ложах, и думал, что надо ему снова жениться — найти жену, чтобы заботилась о его семье.

А надо сказать, что в дремучем лесу на дне моря жила морская ведьма. Ее-то король и взял в жены, хоть и не питал к ней любви, ибо сердце его было погребено в коралловой пещере, где покоилась мертвая королева.

Ведьме очень хотелось стать морской королевой и править обширным морским королевством. Она согласилась выйти за короля и заменить мать его детям. Но она оказалась плохой мачехой. Глядя на стройных, кареглазых детей моря, она завидовала их красоте и злилась, сознавая, что на них приятней смотреть, чем на нее.

И вот она вернулась в свой дремучий лес на дне моря и там набрала ядовитых желтых ягод морского винограда. Из этих ягод она сварила зелье и заклала его страшным заклятием. Она пожелала, чтобы дети моря утратили свою стройность и красоту и превратились в тюленей; чтобы они вечно плавали в море тюленями и только раз в году могли вновь принимать свой прежний вид, и то лишь на сутки — от заката солнца до следующего заката.

Злые чары ее пали на детей моря, когда те играли с веселыми морскими барашками и плавали в чаще пурпурных водорослей, что растут на дне океана. И вот тела их распухли и утратили стройность, тонкие руки превратились в неуклюжие лапы, светлая кожа покрылась шелковистой шкуркой, у одних — серой, у других — черной или золотисто-коричневой. Но их нежные карие глаза не изменились. И голоса они не потеряли — по-прежнему могли петь свои любимые песни.

Когда отец их узнал, что с ними случилось, он разгневался на злую морскую ведьму и навеки заточил ее в чашу дремучего леса на дне моря. Но расколдовать своих детей он не мог.

И вот тюлени, что когда-то были детьми моря, запели жалобную песню. Они печалились, что не придется им больше жить у отца, там, где раньше им было так привольно, что уже не вернуть им своего счастья. И старый морской король со скорбью смотрел на своих детей, когда они уплывали вдали.

Долго, очень долго плавали тюлени по морям. Раз в году они на закате солнца отыскивали где-нибудь на берегу такое место, куда не заглядывают люди, а найдя его, сбрасывали с себя шелковистые шкурки — серые, черные и золотисто-коричневые — и принимали свой прежний вид. Но недолго могли они играть и резвиться на берегу. На другой же день, как только заходило солнце, они снова облекались в свои шкурки и уплывали в море.

Люди говорят, что впервые тюлени появились у Западных островов как тайные посланцы скандинавских викингов. Так это или нет, но тюлени и правда полюбили туманные западные берега Гебридских островов. И даже в наши дни можно видеть тюленей у острова Льюис, у острова Роны, прозванного «Тюленьим островом», а также в проливе Харрис.

До жителей Гебридских островов дошел слух о судьбе детей моря, и все знали, что раз в году можно увидеть, как они резвятся на взморье целые сутки — от одного заката солнца до другого.

И вот что случилось с одним рыбаком, Родриком Мак-Кодрамом из клана Доналд. Он жил на острове Бернерери, одном из Внешних Гебридских островов. Как-то раз он шел по взморью к своей лодке, как вдруг до него донеслись голоса, — кто-то пел среди больших камней, разбросанных по берегу. Рыбак осторожно подошел к камням, выглянул из-за них и увидел детей моря, что спешили поиграться вволю, пока не зайдет солнце. Они резвились, и длинные волосы их развевались по ветру, а глаза сияли от радости.

Но рыбак смотрел на них недолго. Он знал, что тюлени боятся людей, и хотел было уже повернуть назад, как вдруг заметил сваленные в кучу шелковистые шкурки — серые, черные и золотисто-коричневые. Шкурки лежали на камне, там, где дети моря сбросили их с себя. Рыбак поднял одну золотисто-коричневую шкурку, самую шелковистую и блестящую, и подумал, что не худо было бы ее унести. И вот он взял шкурку, принес ее домой и спрятал в щель над притолокой входной двери.

Под вечер Родрик сел у очага и принялся чинить невод. И вдруг вскоре после захода солнца услышал какие-то странные жалобные звуки — чудилось, будто кто-то плачет за стеной. Рыбак выглянул за дверь. Перед ним стояла такая красавица, каких он в жизни не видывал, — стройная, с нежными карими глазами. Она была нагая, но золотисто-каштановые густые волосы, как плащом, прикрывали ее белое тело с головы до ног.

— О смертный, помоги мне, помоги! — взмолилась она. — Я — несчастная дочь моря. Я потеряла свою шелко-

вистую тюленью шкурку и, пока не найду ее, не смогу вернуться к своим братьям и сестрам.

Родрик пригласил ее войти в дом и укутал своим пледом. Он сразу догадался, что это — та самая морская дева, чью шкурку он утром взял на берегу. Ему стоило только протянуть руку к притолоке и достать спрятанную там тюленью шкурку, и морская дева смогла бы снова уплыть в море к своим братьям и сестрам. Но Родрик смотрел на красавицу, что сидела у его очага, и думал: «Нет, надо мне оставить ее у себя. Эта прекрасная дева-тюлень избавит меня от одиночества, внесет радость в мой дом, и как тогда будет хороша жизнь!» И он сказал:

— Я не могу помочь тебе отыскать твою шелковистую тюленью шкурку. Должно быть, какой-то человек нашел ее на берегу и украл. Сейчас он, наверное, уже далеко. А ты останься здесь, будь моей женой, и я стану почитать тебя и любить всю жизнь.

Дочь морского короля подняла на него глаза, полные скорби.

— Что ж, — молвила она, — если мою шелковистую шкурку и вправду украли и найти ее невозможно, значит, выбора у меня нет. Придется жить у тебя и стать твоей женой. Ты принял меня так ласково, как никто больше не примет, а одной блуждать в мире смертных мне страшно.

Тут она вспомнила всю свою жизнь в море, куда уже не надеялась вернуться, и тяжело вздохнула.

— А как хотелось бы мне навек остаться с моими братьями и сестрами! — добавила она. — Ведь они будут ждать и звать меня по имени, но не дождутся...

Сердце у рыбака заняло, так ему стало жаль этой опечаленной девушки. Но он был до того очарован ее красотой и нежностью, что уже знал: никогда он не сможет ее отпустить,

Долгие годы жили Родрик Мак-Кодрам и его прекрасная жена в домике на взморье. У них родилось много детей, и у всех детей волосы были золотисто-каштановые, а голоса нежные и певучие. И люди, что жили на этом уединенном острове, теперь называли рыбака «Родрик Мак-Кодрам Тюлений», потому что он взял в жены деву-тюленя. А детей его называли «дети Мак-Кодрама Тюленьего».

Но за все это время дочь морского короля так и не была своего великого горя. Часто она бродила по берегу, прислушиваясь к шуму моря и плеску волн. Порой она даже видела своих братьев и сестер, когда они плыли вдоль берега, а порой слышала, как они зовут ее, свою давно потерянную сестру. И она всем сердцем жаждала вернуться к ним.

И вот однажды Родрик собрался на рыбную ловлю и ласково простился с женой и детьми. Но пока он шел к своей лодке, заяц перебежал ему дорогу. Родрик знал, что это не к добру, и заколебался — не вернуться ли домой? Но посмотрел на небо и подумал: «Уж если нынче быть худу, так только от непогоды. А мне не впервой бороться с бурей на море». И он пошел своей дорогой.

Но он еще не успел далеко уйти в море, как вдруг и правда поднялся сильный ветер. Он свистел над морем, свистел и вокруг дома, где рыбак оставил жену и детей. Младший сынишка Родрика вышел на берег. Он приложил к уху раковину, чтобы послушать шум прибоя, но мать окликнула его и велела ему идти домой. Как только мальчик ступил за порог, ветер подул с такой силой, что дверь домика с грохотом захлопнулась, а земляная кровля затряслась. И тут из щели над притолокой выпала шелковистая тюленья шкурка. Это ее когда-то запрятал Родрик, и принадлежала она его прекрасной жене.

Ни словом не осудила она того, кто столько долгих лет

держал ее у себя насильно. Только сбросила с себя одежду и прижала к груди тюленью шкурку. Потом сказала детям: «Прощайте!» — и пошла к морю, туда, где играли на волнах белые барашки. А там она надела свою золотисто-коричневую шкурку, бросилась в воду и поплыла.

Только раз она оглянулась на домик, где хоть и жила против воли, но все же познала маленькое счастье. Шумел прибой, на сушу катились волны Атлантического океана, и пена их окаймляла берег. За этой пенной каймой стояли несчастные дети рыбака. Дочь морского короля видела их, но зов моря громче звучал у нее в душе, чем плач ее детей, рожденных на земле. И она плыла все дальше и дальше и пела от радости и счастья.

Когда Родрик Мак-Кодрам вернулся домой с рыбной ловли, он увидел, что входная дверь распахнута настежь, а дом опустел. Не встретила хозяйина заботливая жена, не приветствовало его веселое пламя торфа в очаге. Страх обуял Родрика, и он протянул руку к притолоке. Но тюленьей шкурки там уже не было, и рыбак понял, что его красавица жена вернулась в море. Тяжко стало ему, когда дети со слезами рассказали, как мать только молвила им: «Прощайте!» — и покинула их одних на берегу.

— Черен был тот час, когда шел я к своей лодке и заяц перебежал мне дорогу! — сокрушался Родрик. — И ветер тогда был сильный, и рыба ловилась плохо, а теперь обрушилось на меня великое горе...

Он так и не смог забыть свою красавицу жену и тосковал по ней до конца жизни. А дети его помнили, что их матерью была женщина-тюлень. Поэтому ни сыновья Родрика Мак-Кодрама, ни внуки его никогда не охотились на тюленей. И потомков их стали называть «Мак-Кодрамы Тюленьи».

2. ОХОТНИК И МОРСКОЙ ЖИТЕЛЬ

По соседству с домом Джона О'Грута, что, как всем известно, стоит на крайнем севере Шотландии, жил когда-то один охотник. Он поселился в маленьком домике на берегу моря и зарабатывал охотой на тюленей и продажей их шкур, — ведь тюлений мех ценится очень дорого.

Охотник этот нажил немало денег, потому что в те времена тюлени нередко подплывали к берегу большими стадами. Морские звери выплзали на сушу неподалеку от его домика, укладывались среди больших камней и грелись на солнышке, так что охотник без труда скрадывал и убивал их.

Были среди тюленей какие-то особенно крупные животные. Люди называли их «чалыми». Поговаривали, будто они вовсе не тюлени, но «морские жители и жительницы» и будто приплывают они сюда со своей далекой родины, что находится в глубинах моря. А в тюленей они превращаются для того, чтобы, проплыв под водой, выходить на сушу и дышать воздухом земли.

Охотник слушал эти рассказы и только посмеивался. Он говорил, что на крупных тюленей охотиться выгоднее — ведь шкуры у них больше и стоят они дороже.

И вот как-то раз на охоте он вонзил свой нож в очень крупного тюленя. И то ли удар был недостаточно сильный, то ли по другой причине, но тюлень с громким криком боли соскользнул с камня в море и скрылся под водой вместе с ножом охотника.

Охотник очень досадовал на свою неудачу, да к тому же и нож его пропал. Хмурый, он побрел домой обедать. И вдруг на дороге ему повстречался всадник. Всадник был такой дородный, такой странный с виду и сидел на таком огромном вороном коне, что охотник прямо диву дался. Он остановился и во все глаза смотрел на всадника, гадая, кто бы это мог быть и откуда такой взялся.

Всадник тоже остановил коня и спросил охотника, чем тот занимается. А когда услышал его ответ, тотчас заказал ему большую партию тюленьих шкур. Охотник сначала обрадовался, потому что заказ был очень крупный и сулил много денег. Но ему тут же пришлось огорчиться, так как всадник велел доставить шкуры в тот же вечер.

— Никак не могу, — сказал охотник. — Тюлени не выйдут на берег раньше завтрашнего утра.

— А хочешь, я отвезу тебя в такое место, где тюленей сколько угодно? — молвил всадник. — Садись на коня ко мне за спину, и поедem!

Охотник согласился и сел на коня позади всадника. А тот тронул поводья, и огромный вороной конь помчался так быстро, что охотнику было трудно на нем усидеть.

Они все мчались и мчались с быстротой ветра и наконец выехали на самый край высокого утеса, что отвесно обрывался в море. Здесь таинственный всадник круто осадил коня.

— Слезай! — коротко приказал он охотнику.

Тот соскочил с коня и осторожно заглянул с обрыва

вниз, — ему хотелось узнать, правда ли, что здесь на прибрежных камнях лежат тюлени.

Но никаких тюленей и даже никаких камней внизу не было. Только море плескалось, омывая подножие скалистой стены.

— А где же тюлени? — спросил охотник в тревоге. Он уже пожалел, что сдуру пустился в путь с каким-то незнакомцем.

— Сейчас увидишь, — ответил незнакомец, бросив поводья на шею коня.

Охотнику стало очень страшно. Он уже чуял беду и знал, что в таком безлюдном месте некого звать на помощь.

Страх его оказался не напрасным. Незнакомец положил ему руку на плечо, и в тот же миг охотник полетел с утеса прямо в море. Тут он решил, что настал его последний час, и даже успел подумать: «За что? Я же ни в чем не виновен!»

Но, к великому своему удивлению, он вдруг почувствовал, что с ним происходит что-то странное: вместо того чтобы захлебнуться, он дышал легко и свободно. А спутник его очутился рядом с ним и опускался в морские глубины так же быстро, как мчался на коне по суше.

Они погружались все глубже и глубже и наконец подплыли к огромной стрельчатой двери из розовых кораллов, сверху донизу усаженной раковинками. Дверь открылась сама собой, и они вошли в просторный зал. Стены его были из перламутра, а пол, гладкий и твердый, — из желтого морского песка.

В зале собралась большая толпа, но не людей, а громадных тюленей. Охотник повернулся к своему спутнику — хотел спросить, что все это значит, и... обомлел, увидев, что тот превратился в тюленя. Еще больше он испугался, когда посмотрел на себя в большое стенное зеркало. Он увидел,

что уже потерял всякое сходство с человеком и стал тюленем с красивым коричневым мехом.

«Ох, горе мне! — подумал охотник. — Этот коварный незнакомец ни за что ни про что околдовал меня злыми чарами, и придется мне до конца моих дней жить в зверином обличье».

Сначала ни один тюлень с ним не заговаривал. Все они как будто были в большом горе. Одни тюлени медленно двигались по залу, ведя негромкую, невеселую беседу. Другие лежали на песчаном полу, очень печальные. Крупные слезы капали у них из глаз, и тюлени вытирали их мягкими лапами.

Но вот они, видимо, заметили охотника и стали о чем-то перешептываться, а его спутник отошел от него и скрылся за дверью в конце зала. Вскоре он вернулся с большим ножом в руке.

— Видел ты этот нож раньше? — спросил он и протянул нож несчастному охотнику.

Тот с ужасом узнал свой охотничий нож. Это его он утром вонзил в большого тюленя, и раненое животное скрылось с ним в глубине моря.

Тогда охотник повалился в ноги своему спутнику и стал просить пощады. Он догадался, что обитатели пещеры на дне моря разгневались на него за то, что он ранил их сородича. Они сумели каким-то таинственным образом захватить его в плен и увлечь в свое подводное жилище, а теперь убьют из мести.

Но тюлени его не убили. Они столпились вокруг охотника и принялись тереться носами о его мех, чтобы показать, что они на него не гnevаются. Они даже просили его не тревожиться, уверяя, что ничего плохого с ним не случится. А они на всю жизнь станут его друзьями, если только он выполнит их просьбу.

— Скажите, чего вам от меня надо, и я сделаю все, что в моих силах, — проговорил охотник.

— Следуй за мной, — ответил его спутник и повел его к двери в ту комнату, куда ходил за ножом.

Охотник вошел вслед за ним в небольшую комнату и увидел в ней огромного коричневого тюленя. Он лежал на подстилке из бледно-розовых водорослей, и в боку у него зияла рана.

— Это мой отец, — сказал охотнику его спутник. — Нынче утром ты ранил его, приняв за простого тюленя, из тех, что обитают в море. Но он не тюлень, а «морской житель». Он обладает даром речи и разумом, как и вы, смертные. Я привел тебя сюда, чтобы ты перевязал его рану. Ведь один ты можешь его исцелить.

Тут охотник только подивился в душе — до чего милостивыми оказались эти странные существа, которых он так тяжело, хоть и невольно, обидел.

— Я не лекарь, — сказал он, — но постараюсь как можно лучше перевязать рану и жалею, что это я ее нанес.

Он подошел к ложу раненого морского жителя, наклонился над ним и очень осторожно и ловко промыл и перевязал рану.

И вот одно лишь прикосновение его рук исцелило раненого, как по волшебству. Не успел охотник закончить свою работу, как рана затянулась, заросла и остался только шрам. Старый тюлень встал с ложа таким же здоровым, каким был раньше.

Тут в подводном дворце началось великое ликование. Тюлени смеялись, болтали, обнимали друг друга. Они толпились вокруг своего исцеленного сородича, терлись носами о его нос и всячески выражали свою радость по поводу его выздоровления.

Все это время охотник стоял один в углу и думал невестные думы. Хоть он и знал теперь, что его не убьют, но

не хотелось ему всю жизнь провести в глубине океана в обличье тюленя.

И вот к нему подошел его спутник и сказал:

— Теперь ты волен вернуться домой к жене и детям. Я провожу тебя к ним, но только с одним условием.

— С каким? — быстро спросил охотник, не помня себя от радости, что скоро вернется на сушу к своей семье.

— Ты должен дать клятву, что никогда больше не тронешь ни одного тюленя.

— С радостью поклянусь! — ответил охотник.

Правда, он знал, что отныне лишится заработка, но надеялся найти себе другое занятие, когда вновь станет человеком.

Охотник поднял правый ласт и произнес торжественную клятву, а тюлени столпились вокруг него как свидетели. И когда он умолк, по подводным залам прошестел вздох облегчения, — ведь звери знали, что он самый лучший охотник на всем Северном побережье.

Затем охотник простился с обитателями подводного дворца и вместе со своим спутником снова прошел через коралловую дверь.

И вот они стали подниматься все выше и выше, а сумрачная зеленая вода вокруг них все светлела и светлела. Наконец они выплыли на свет солнца и увидели землю.

Одним огромным прыжком они взлетели на утес, где, мирно пощипывая траву, их ждал все тот же громадный вороной конь.

И как только спутники выскочили из воды, с них спало тюленье обличье, и они вновь приняли свой прежний вид: один стал простым охотником, другой дородным джентльменом в дорогой одежде для верховой езды.

— Садись ко мне за спину! — приказал он охотнику и вскочил в седло.

Охотник послушался и тотчас крепко уцепился за куртку всадника — он ведь не забыл, что на пути к утесу чуть не свалился с коня.

Всадник тронул поводья, конь поскакал во весь опор, и вскоре охотник, здоровый и невредимый, спешил перед калиткой своего сада.

Он протянул было руку, чтобы попрощаться со спутником, но тот вложил в эту руку кошель, набитый золотом.

— Ты сделал свое дело, мы должны сделать наше, — сказал он. — Пусть не говорят люди, что мы отняли у честного человека заработок и ничем его не возместили. Возьми кошель! Проживешь безбедно до конца дней своих.

И вдруг он исчез. Удивленный охотник отнес кошель к себе домой, высыпал золото на стол и увидел, что спутник его сказал правду: золота было так много, что охотник сразу сделался богачом.

БЕЛЫЙ ГОЛУБОК

Жил-был один батрак. Он работал на чужих полях, — тем и зарабатывал себе на жизнь. У него был сынок по прозвищу «Кудри Кольцами». А дочку его прозвали «Золотые Косички».

Но вот жена батрака умерла, и дети остались без присмотра, — ведь отец их на целый день уходил в поле. Он

боялся, как бы с ними не случилось чего худого, и в один недобрый день женился.

Вторая его жена была хитрая баба — до свадьбы притворялась, что любит детей, а на самом деле ненавидела их. И так она обижала обоих ребят, такая была сварливая, что старик, ее муж, то и дело вздыхал и горько каялся, что не остался вдовцом. Но слезами горю не поможешь, а злой жены не выгонишь.

Так прошло несколько лет. Дети подросли, стали выбегать из дома, играть во дворе без присмотра.

Как-то раз старик поймал зайца, принес домой и велел жене сварить его на обед. Стряпала она хорошо, и похлебка из зайца вышла у нее превкусная. Но мачеха была обжора, и пока похлебка варилась, она все пробовала и пробовала ее и до того допробовалась, что от зайца ни кусочка не осталось. Тут она всполошилась. Подумала: скоро муж с работы придет, а ей нечем его покормить.

И как вы думаете, что сделала злая мачеха? Вышла во двор, где ее маленький пасынок Кудри Кольцами играл на солнышке, и позвала его в дом: сказала, что хочет его умыть. И вот стала мачеха умывать ребенка и вдруг как стукнет его молотком по головке. Потом сунула в котел.

Немного погодя старик пришел с работы, и мачеха подавала котел с похлебкой. За стол сели втроем: старик, его дочка Золотые Косички и ее мачеха.

— А что ж Кудри Кольцами не идет? — спросил старик. — Похлебка остывает. Куда он подевался?

— А я почему знаю? — огрызнулась мачеха. — Мало у меня хлопот, что ли? Не хватает только, чтобы я за этим постреленком гонялась!

Старик промолчал. Окунул ложку в похлебку и вытаскивал из котла крошечную ножку.

— Да ведь это ножка нашего мальчика! — крикнул он. — Неужто его погубили?

— Что ты за чушь городишь! — возразила мачеха и расхохоталась, словно что-то смешное услышала. — Да как же могла его ножка попасть в похлебку? Вглядишься получше — это же задняя заячья лапка. Лапки-то у зайцев точь-в-точь как детские ножки.

Старик опять промолчал. Но тут же выловил ложкой ручонку.

— Смотри — это ручка нашего мальчика! — закричал он. — Неужто не узнаешь? Я ее по мизинчику узнал.

— Да он с ума спятил! — воскликнула мачеха. — Не видит, что это передняя заячья лапка!

Бедный старик не проронил ни слова больше, но похлебки есть не стал и ушел на работу, очень беспокойный — все его какое-то сомнение брало.

А дочка его, Золотые Косички, обо всем догадалась. Собрала косточки в передник и зарыла под плоским камнем близ куста белых роз за порогом домика.

И вдруг:

Обросли эти косточки телом
И стали голубем белым.
И взмахнул голубок крылами,
И быстро вдаль улетел он.

Голубок этот полетал-полетал, потом сел в траву у ручья. Тут две женщины полоскали одежду. Посидел-посидел голубок, поворковал, потом тихонько запел:

Гуль-гуль-гули, гуль-гуль-гули, гуль-гуль-ла,
Меня мачеха со свету сжила
И отцу на обед подала,
А сестрица косточки сохранила,
Под белым камушком схоронила.
Обросли мои косточки телом,
И стал я голубем белым.
И взмахнул голубок крылами,
И быстро вдаль улетел он.

Женщины перестали полоскать одежду и переглянулись, не помня себя от удивления. Ведь не каждый день услышишь, как птица поет человеческим голосом. И они догадались, что это не простая птица.

— Спой нам еще раз эту песенку, голубок, — сказала одна из них. — Споешь, мы тебе отдадим всю эту одежду.

Голубок опять спел песню. Прачки отдали ему всю одежду, какую выполоскали, а голубок сунул ее под правое крыло и улетел.

Вскоре он подлетел к одному дому, в котором все окна были открыты. Голубок сел на подоконник и заглянул в комнату. В комнате за столом сидел человек, а на столе перед ним лежала груда серебряных монет. Человек пересчитывал деньги.

Тут голубок, сидя на подоконнике, запел:

Гуль-гуль-гули, гуль-гуль-гули, гуль-гуль-ла.
Меня мачеха со свету сжила
И отцу на обед подала,
А сестрица косточки сохранила,
Под белым камушком схоронила.
Обросли мои косточки телом,
И стал я голубем белым,
И взмахнул голубок крылами,
И быстро вдаль улетел он.

Человек перестал считать серебряные монеты и прислушался. Как и прачки, он догадался, что голубок этот не простая птица. И вот он сказал:

— Спой мне еще раз эту песню, голубок, и я высыплю все свое серебро в сумку и отдам тебе.

Голубок еще раз спел песню и получил полную сумку серебра. Он сунул ее себе под левое крыло и улетел.

Недалеко он отлетел, как вдруг увидел мельницу. В ней

двое мельников мололи зерно. Голубок сел на мешок с мукой и опять запел свою песню:

Гуль-гуль-гули, гуль-гуль-гули, гуль-гуль-ла,
Меня мачеха со свету сжила
И отцу на обед подала,
А сестрица косточки сохранила,
Под белым камушком схоронила.
Обросли мои косточки телом,
И стал я голубем белым,
И взмахнул голубок крылами,
И быстро вдаль улетел он.

Мельники бросили работу, переглянулись и удивленно почесали в затылке.

— Спой нам еще раз эту песню, голубок! — вскричали они оба. — Споешь, мы тебе отдадим вот этот жернов.

И голубок еще раз спел свою песню. Потом попросил мельников положить ему жернов на спину и улетел прочь. А мельники глядели ему вслед и дивились.

И вот белый голубок, хоть и тяжеленько ему было, долетел наконец до отчего дома и сел на соломенную кровлю.

Тут он свалил и жернов, и серебро, и узел с одеждой на солому, а сам полетел во двор и набрал в клюв камешков. Потом сел на дымовую трубу и принялся бросать в нее камешки.

Дело было под вечер. Старик отец, его дочка Золотые Косички и злая мачеха сидели за ужином. И они прямо обомлели, когда из дымохода в камин вдруг посыпались камешки и подняли такую тучу сажки, что задохнуться впору. Все трое выскочили из-за стола и выбежали из дому, узнать, что случилось.

Самая маленькая из них троих, девочка Золотые Косички, была и самая проворная. Она первой выбежала за дверь, и белый голубок бросил к ее ногам узел с одеждой.

Отец выскочил вслед за дочкой, и белый голубок бросил к его ногам сумку с серебром.

А злая мачеха была толстуха. Она замешкалась и вышла последней. И белый голубок бросил ей прямо на голову жернов. Тут ей и конец пришел.

Потом голубок взмахнул крыльями и улетел.

Он избавил отца и сестричку Золотые Косички от злой мачехи, подарил им столько добра, что им на весь век хватило, а сам улетел да так далеко, что с тех пор никто его больше не видел.

1. ЛИСИЦА И ЯСТРЕБ

Спустился как-то ястреб на берег реки и задремал на теплом от солнца камне. Вдруг откуда ни возмись выскочила хитрая рыже-бурая лисица. Бросилась на ястреба и схватила его острыми зубами.

— Ой, не ешь меня! — взмолился ястреб. — Отпусти! Я тебе снесу яйцо величиной с твою голову.

«Ну, мне счастье привалило! — подумала лисица. — Ишь какую птицу поймала! Просто сокровище!» Разжала зубы и выпустила ястреба.

А ястреб взлетел на дерево, сел на ветку и с этого безопасного места принялся дразнить глупую лисицу.

— Не снесу я тебе яйца величиной с твою голову, — сказал он. — Не снесу, потому что не могу. Но зато я дам тебе три совета, и если ты их примешь, они тебе на пользу пойдут. Вот мои советы. Первый: не верь первому встречному. Второй: не огорчайся по пустякам. И третий... — Тут ястреб посмотрел на голодную лисицу и помолчал. — Третий совет такой: что поймала, то держи крепко.

Сказал и улетел. А лисица так и стояла, разинув пустую пасть.

2. ЛИСА И МАЛЕНЬКАЯ ПЫШЕЧКА

Одна хорошая хозяйка жила в белом домике на вершине крутого холма. Как-то раз испекла она три пышки мужу на ужин: большую пышку, среднюю пышку и маленькую пышечку. Вот вынула она их из печки и положила на блюдо остывать. Большая пышка и средняя пышка не хотели двигаться с места. А маленькая пышечка (она была румяная, поджаристая и пахла так вкусно!) подумала:

«Не хочу я здесь лежать-полеживать, чтобы меня хозяин за ужином съел! Пойду по белу свету гулять да счастье свое искать!»

Соскочила с блюда и покатила к двери. Как уже было сказано, домик хорошей хозяйки стоял на крутом холме, и не успела пышечка оглянуться, как кубарем покатила вниз.

«Быстро я удрала!» — подумала она, отдуваясь. И вдруг ахнула в испуге: под холмом текла река, и моста через нее не было.

Но тут откуда ни возьмись — рыже-бурая лиса выскочила. Зубы у лисы белые, острые, глаза — хитрые.

— Здравствуй, пышечка, — сказала лиса. — Может, тебе хочется на тот берег реки попасть?

— Здравствуй, лиса, — ответила пышечка, а сама испугалась: уж очень хитрые глаза были у лисы, уж очень острые зубы! — Я и правда хочу на тот берег попасть.

— Я тебя переправлю, — сказала лиса.

— Ох, нет! — отказалась пышечка. — Ты меня съешь!

— Очень нужно мне тебя есть! — возразила лиса и даже обиженной притворилась. — Не бойся, не трону я тебя. Садись ко мне на кончик хвоста, а я поплыву.

Ну, тут пышечка успокоилась. Подумала: «Сяду к лисе на хвост — оттуда ей меня не достать». И прыгнула на самый кончик пушистого лисьего хвоста. А лиса пустилась вplash по реке.

Так проплыли они около четверти пути, и когда стало поглубже, лиса сказала:

— Сядь ко мне на спину, пышечка, а не то промокнешь.

И пышечка послушалась — прыгнула к лисе на спину.

Доплыли до середины реки. Тут было очень глубоко, и лиса сказала:

— Сядь ко мне на голову, пышечка, между ушами, а не то промокнешь.

И пышечка послушалась — прыгнула к лисе на голову и уселась между ее ушами.

Так проплыли они три четверти пути. Стало совсем глубоко, и лиса сказала:

— Сядь ко мне на нос, пышечка, а не то промокнешь.

И пышечка послушалась — прыгнула на кончик длинного, острого лисьего носа.

Глупая маленькая пышечка! Не успела она прыгнуть к лисе на нос, как та стряхнула ее с морды и схватила зубами.

И вот доплыла хитрая старая лиса до другого берега реки и принялась облизываться длинным розовым языком. А румяной поджаристой маленькой пышечки (ох, как она вкусно пахла!) уже не было на свете.

3. ПЕТУХ И ЛИСА

Как-то раз рыже-бурая лиса с хитрыми глазами и пушистым хвостом крадучись спустилась с горного склона во двор к фермеру и утащила хорошего жирного петуха.

На ферме сразу же поднялся великий переполох, и все домочадцы погнались за лисой. А лиса крепко держала петуха в зубах и бежала во весь дух.

Но петушок — алый гребешок нисколько не хотел достаться лисе на обед и все думал, как ему заставить

воровку разинуть пасть и выпустить его. И вот начал он ее улащать:

— Ну и дураки они, лисонька, что гонятся за тобой! Ни в жизнь им тебя не догнать!..

Лисе по праву пришлись эти слова, — хоть и хитра была, а лесть любила. А петушок — алый гребешок продолжал:

— Но хоть им тебя и не догнать, все равно, негоже, чтобы целая орава гналась за тобой и вопила: «Стой, воровка!». Ты бы им крикнула в ответ: «Вовсе я не воровка! Это мой петух!». Они тогда поворотят назад, а ты спокойно побегнешь своей дорогой.

Лисе и этот совет пришелся по душе. Она подняла голову, разинула пасть и протяжно крикнула:

— Это мо-о-ой пе-ту-у-ух!

А петух, не будь промах, бросился наутек к своему двору. Да так быстро он мчался, что ярко-алый гребешок даже прикрыл ему черный, как бусинка, глаз.

4. ВОЛК И ЛИС

Жили-были волк и лис, и решили они поселиться вместе в пещере на морском берегу. Как ни странно, но жили они в ладу. Да и не мудрено — проведут целый день на охоте, вернутся домой, из сил выбившись, впору только поужинать да спать завалиться. И жить бы им поживать

так и по сей день, если бы не жадность и хитрость лиса. Он всячески старался надуть волка, — тот ведь простоватый был.

И вот что случилось. Как-то раз в темную декабрьскую ночь на море разыгралась страшная буря. Наутро весь берег был усеян обломками кораблей. Как только рассвело, лис и волк пошли на берег поискать, не найдется ли там чего-нибудь съестного.

Друзьям повезло — они нашли большой бочонок масла. Должно быть, его смыло с какого-нибудь корабля, что шел из Ирландии, — она ведь славится своим отменным сливочным маслом.

Простак волк, как увидел бочонок, даже заплясал от радости.

— Эх вы, ноженьки свиные да косточки мозговые! — прокричал он волчке присловье и облизнулся. — Будет у нас нынче вкусный ужин! Давай немедля прикатим бочонок в нашу пещеру.

Коварный лис очень любил сливочное масло. Но он уже решил сам все съесть — с волком не делиться. И вот он притворился, что все обдумал заранее, и важно покачал головой.

— Уж очень ты беззаботный, дружок, — попрекнул он волка. — Да разве это дело — открывать бочонок с маслом теперь, когда уже зима пришла? На гумнах полным-полно хлеба — таскай, сколько душа желает. На фермах утки и куры разжирили за лето. Нет, нет! Надо нам подумать о будущем. Надо кое-что отложить про запас на черный день. К весне-то ведь уже весь хлеб обмолят, а куры и утки на рынок пойдут. Так лучше нам зарыть этот бочонок в землю. А придет нужда — выроем.

Не хотелось волку отказываться от масла. Он совсем отошел, изголодался, не то что лис. Но делать нечего — пришлось согласиться. Друзья выкопали яму в песке, за-

рыли бочонок и стали по-прежнему добывать себе пропитание охотой.

Прошла неделя. И вот раз приходит лис домой в пещеру и валится на землю, словно совсем из сил выбился. А если бы кто присмотрелся к нему получше, увидел бы по глазам — хитрит лис!

— Ох, ох, ох! — вздыхает лис. — Тяжело жить на свете!

— Что с тобой? — спрашивает волк. Он ведь был добрый малый, жалостливый.

— Да видишь ли, какое дело: позвали меня друзья на крестины нынче вечером, а живут они вон за теми горами. Ты подумай только — в такую даль тащиться!

— А ты не ходи, — советует волк. — Пошли кого-нибудь сказать, что не можешь.

— Да нет, нехорошо. Ведь они меня в крестные отцы приглашают. Ничего не поделаешь! Как ни трудно, а придется пойти.

И лис убежал, а волк один просидел весь вечер в пещере.

Но хитрый лис не на крестины пошел. Он побежал на то место, где был зарыт бочонок. Вернулся он к полночи, очень довольный, сытый и веселый. Волк уже было задремал, но теперь встрепенулся и спросил сонным голосом:

— Ну, как называли дитя?

— Чудное имя ему дали, — отвечает лис. — Такого чудного имени я в жизни не слыхивал.

— Так скажи какое? — спрашивает волк.

— «Дай-попробую», вот какое, — отвечает лис. — Надо же такое выдумать!

И лис, ухмыльнувшись, завалился спать в углу. Очень уж темно было в пещере, а не то волк заметил бы, что лис ухмыляется.

Прошло несколько дней, и лис сказал, что его опять зовут на крестины. На этот раз — еще дальше. Двадцать пять миль по берегу моря брести придется. И лис опять принялся охать да вздыхать, но все-таки сказал, что хочешь не хочешь, а идти надо и убежал.

В полночь он вернулся, ухмыляясь, и даже ужинать не стал. А когда волк спросил его, как называли дитя, ответил:

— Этому дали имя еще чудней. «Переполовинил» — вот как его называли.

На следующей неделе, к великому удивлению волка, лиса опять пригласила в крестные отцы. На этот раз дитя называли «Поскреби-дно». И с тех пор лиса перестала звать на крестины.

Шло время. Наступила голодная весна. Погода была сырая, студеная, охотиться стало трудно, а у лиса с волком в кладовой хоть шаром покати.

— Давай вырою бочонок с маслом, — предложил волк. — Пора уже!

Лис согласился — он уже придумал, как ему вывернуться. И вот друзья пошли на то место, где зарыли бочонок. Разбросали песок, вынули из ямы бочонок, а он — пустой.

— Твоя работа! — накинулся лис на бедного, ни в чем не повинного волка. — Пока я на крестины ходил, ты здесь шлялся и потихоньку все масло слопал.

— Что ты! — возразил волк. — Да я и близко не подходил к бочонку с того самого дня, как мы с тобой его тут зарыли.

— А я тебе говорю, что ты сожрал масло, — спорил лис. — Кроме нас двоих, никто про него не знал. Да и по шкуре твоей видно, что ты его съел — прямо лоснишься. Ишь какой гладкий стал!

А какой там гладкий! Лис просто нагло врал. Волк до того изголодался, до того исхудал, что дальше некуда.

И вот пошли они домой в пещеру и всю дорогу препирались. Лис твердил, что это волк съел масло, а волк уверял, что не он.

— Ну так поклянись, что не ты, — сказал наконец лис, а почему он так сказал, кто его знает.

— И поклянусь! — отозвался волк.

Стал посреди пещеры, торжественно поднял лапу и произнес страшную клятву:

Если я сожрал то масло, если я, если я,
Пусть падет болезнь опасная на меня, на меня!

Сказал он эти слова, опустил лапу и, повернувшись к лису, пристально посмотрел на него. И тут вдруг заметил, что мех у лиса стал что-то уж очень гладким и шелковистым.

— Теперь твой черед, — говорит. — Я поклялся, так и ты поклянись.

Очень не понравилось это лису. Хотя и обманщик он был, хоть и жулик, а смолodu знал, что ложная клятва — тяжкий грех.

И стал лис отнекиваться. Но волк от него не отставал — он уже заподозрил, что дело нечисто. А лис боялся признаться в своей вине, так что пришлось ему тоже поклясться. Он сказал:

Если я сожрал то масло, если я, если я,
Кара пусть падет ужасная на меня, на меня!
Уйррам, уйккам, уйррам, уйккам,
Уйррам уа, уйррам уа!

Услышал волк эту страшную клятву и поверил, что лис не виноват. Даже решил никогда больше не поминать про бочонок. А у лиса совесть была нечиста, и ему не терпелось

доказать, что это не он, а волк съел масло. И вот опять он стал говорить:

— Масло сожрал либо ты, либо я. Давай-ка станем поближе к огню, прогреемся как следует, вот масло и выступит на шкуре у того, кто его слопал.

Волк согласился, и лис поставил его как можно ближе к огню. Но огонь они разожгли на совесть, а пещера у них была маленькая. Бедный тощий волк пригрелся и прямо парадоваться не мог — так хорошо ему было в тепле. А толстому, сытому лису скоро невтерпёж стало от жары.

— Нет, — говорит, — все это ни к чему. — Теперь уже ясно: ни ты, ни я масла не ели. Должно быть, кто-то другой дознался про бочонок и сожрал наше масло. Лучше давай пойдем погуляем, проветримся.

Волк и тут перечить не стал. Он уже успел заметить, что у лиса на шкуре жир проступает, догадался, кто масло съел, и решил отомстить.

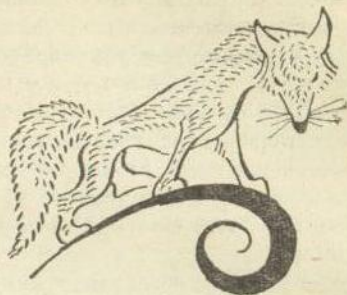
Вот отправились они гулять и немного погода подошли к кузнице, что стояла при дороге. Перед кузницей была привязана лошадь — ее ковать привели. И тут волк сказал лису:

— Смотри, на двери в кузницу что-то написано! Жалко, что не могу прочитать — глаза совсем плохи стали. Прочитай-ка ты, — может, это нам на пользу пойдет. — А сам стал в сторонке.

Лису не хотелось сознаваться, что глаза у него не лучше, чем у волка. Он подошел к двери и стал читать надпись, но печально задел лошадь за ногу. А та была с норовом — подняла ногу да как лягнет — убила лиса наповал.

Значит, правильно говорится: «Грех твой на тебя падет».

5. ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЙЕНА ДИРЕКА И РЫЖЕ-БУРОГО ЛИСА

Когда мир наш был гораздо моложе, чем теперь, жил на свете королевич по имени Айен Дирек, что значит «Айен Прямодушный». Он был хороший охотник и как-то раз пошел бродить по горам с луком и стрелами. Вдруг видит — летит птица, да такая красивая, каких он в жизни не встречал. Это был Синий сокол. Айен мигом пустил в него стрелу, но сокол летел быстрее стрелы, и только одно его синее перо упало на землю. Королевич поднял перо и, когда вернулся домой, показал его своей мачехе-королеве.

А королева была колдунья и, как увидела синее перо, догадалась, что оно не от простой птицы. И вот захотелось королеве-колдунье заполучить эту птицу, и она приказала Айену добыть Синего сокола во что бы то ни стало и как бы это ни было опасно и трудно. Ведь пасынка она втайне ненавидела.

— Ступай найди мне эту птицу, — велела она Айену Диреку. — Без нее не возвращайся!

Айен боялся ее колдовской силы и пошел выполнять ее приказание — искать Синего сокола.

И вот он поднялся на горный склон, туда, где видел сокола, но как ни всматривался в даль, чудесной птицы

нигде не было видно. Немного погода стемнело, и певчие птички, что гнезятся в живых изгородях, принялись летать над кустами. Они перепархивали с куста на куст и садились на ветви терновника — все ночега себе искали.

Наконец настала ночь, темная, непроглядная. Айен сел под деревом и развел костер, чтобы согреться. Он уже собирался лечь да выспаться хорошенько, как вдруг что-то рядом с ним зашуршало, и в свете костра появился рыже-бурый лис. Он нес в зубах баранью ногу и овечью голову.

— Плохо в такую ночь под открытым небом, правда, королевич? — сказал лис Айену.

— Что правда, то правда, — согласился Айен. — Но я ищу Синего сокола для своей мачехи-королевы и, пока не найду его, не посмею домой вернуться.

Тут лис покосился на Айена своими хитрыми лисьими глазами и молвил:

— Трудная у тебя задача, но постарайся — справишься.

Затем они вместе поужинали бараньей ногой и овечьей головой — ведь Айен был голоден, как отошавшая выпь. За едой лис сказал ему, что Синим соколом владеет огромный великан о пяти головах, пяти горбах и пяти глотках.

— Ступай к этому великану, — сказал лис, — и попросись к нему на службу. Скажи, что умеешь ухаживать за всякими птицами. Он тогда поставит тебя смотреть за всеми своими ястребами и соколами, а среди них будет и та птица, что тебе нужна. Потом дождись дня, когда великан уйдет из дому, а тогда забирай Синего сокола и беги прочь. Это сделать нетрудно. Только помни одно: когда будешь выбегать из великанова дома, смотри, чтобы Синий сокол не задел там за что-нибудь даже кончиком одного своего синего перышка. А заденет, худо тебе будет.

Айен поблагодарил лиса за совет, и потом оба они всю ночь проспали под деревом. На заре лис показал Айену дорогу к великану о пяти головах, пяти горбах и пяти глотках.

Далеко было до зубчатой стены леса, что виднелась впереди, на самом краю земли, а до великанова дома — еще дальше. Но когда солнце стало закатываться, Айен Дирек наконец добрался до места. Он постучал в огромную дверь, и ее открыл сам великан — такой страшный, что Айен чуть не бросился наутек.

— Что тебе от меня надобно, королевич? — заревело страшилище.

— Хочу тебе послужить, — ответил Айен. — Я хорошо умею ходить за всякими птицами, так, может, и пригожусь тебе.

— Ну, коли так, нынче для меня счастливый день, — молвил великан. Распахнул дверь и пригласил Айена войти в дом. — Хорошо, что ты пришел: мне как раз нужен сокольник — смотреть за моими ястребами и соколами.

Так Айен Дирек стал служить великану о пяти головах, пяти горбах и пяти глотках. И он, конечно, нашел среди прочих птиц Синего сокола, за которым послала его мачеха.

Великан скоро увидел, что Айен хорошо ухаживает за птицами, и стал оставлять его одного в доме, когда сам уходил на охоту. И вот как-то раз, когда великан ушел, Айен решил бежать.

Он подождал, пока земля перестала трястись под тяжелой поступью великана, и осторожно снял Синего сокола с жердочки. Айен помнил совет лиса и нес птицу так бережно, словно она была из тонкого стекла. Но вот беда! Не успел он открыть дверь, как Синий сокол до того обрадовался яркому свету дня, что широко распахнул крылья и задел кончиком одного своего синего перышка за дверной

косяк. А косяк закричал, да так громко, что скрип его и за сотню миль слышали.

Айену некогда было даже подумать, что делать дальше, потому что земля сразу же затряслась, и великан сбежал с горы.

— Ты что же это — Синего сокола украсть вздумал! — заревел он своими громовыми пятью голосами. — Бежишь с тем, что не твое?

— Прости меня! — взмолился Айен. — Это все моя матека-королева! Она приказала мне добыть ей Синего сокола. Без него не велела и домой возвращаться.

Тут великан поглядел на Айена, и все его пять пар глаз загорелись коварным огнем.

— Я отдам тебе Синего сокола, — сказал он, — если ты принесешь мне Белый меч-светоносец. А мечом тем владеют дьюрредские Большие Женщины.

Айен обещал выполнить приказ великана и легкими шагами пустился в путь. А великан прислонился к дверному косяку и все хохотал и хохотал, да так раскатисто, что чудилось, будто это гром гремит. Ведь он думал, что Айену Диреку никогда в жизни не справиться с этой задачей.

Много миль прошагал Айен Дирек, и ни разу он не давал отдыха ногам, но так и не встретил того, кто мог бы ему сказать, как найти дьюрредских Больших Женщин. Когда стемнело, он развел костер под могучим деревом и только было собрался лечь да хорошенько выспаться, как вдруг рядом с ним опять что-то зашуршало. И кто же выступил из темноты на свет костра, как не его старый приятель, рыже-бурый лис!

— Не удалось тебе, значит, унести Синего сокола из великанова дома, — молвил он.

— В том-то и горе, что не удалось, — отозвался Айен. — Но великан обещал отдать мне сокола, если я принесу ему

Белый меч-светоносец. А мечом тем владеют какие-то дьюрредские Большие Женщины.

Тут лис покосился на Айена своими хитрыми лисьими глазами и сказал:

— Трудная у тебя задача, но постарайся — справишься.

Потом они опять поужинали вместе, и за едой лис сказал Айену, что Дьюрред — это остров. Он лежит посреди моря, и там живут три сестры-великанши по прозвищу «Большие Женщины».

— Ступай туда, — сказал лис, — и просись к ним на службу. Скажи, что ты мастер чистить сталь и железо, медь и олово — умеешь до блеска их начищать. Большие Женщины поставят тебя смотреть за их оружием, и там ты найдешь тот меч, какой тебе нужен. Потом дождись того дня, когда хозяйки твои уйдут из дома, забирай меч и беги. Это дело нетрудное. Только не забудь того, что я тебе в прошлый раз говорил. Когда будешь бежать из дома с мечом в руках, смотри не задень обо что-нибудь даже самым его острием. А заденешь, худо тебе будет.

На заре Айен с лисом подошли к морскому берегу, и тут лис сказал:

— Я обернусь лодкой и отвезу тебя на остров Дьюрред.

И вот он мигом обернулся узкой рыже-бурой лодкой, а Айен сел на весла и греб, пока лодка не подплыла к скалистому острову, что лежал среди моря. Как только лодка пристала к берегу, лис принял свой настоящий вид.

— Будь счастлив, королевич, — сказал он Айену перед тем как тот тронулся в путь к дому Больших Женщин. — В тот день, когда ты убежишь, я буду ждать тебя здесь, чтобы опять перевезти через море.

До дома великанш было недалеко, а когда Айен постучался в огромную дверь, ее открыли все три сестры. Одна

была высокая, как ель, другая черная, как грозовая туча, а третья безобразная, как смертный грех.

— Что тебе от нас надобно, королевич? — закаркали они.

— Хочу вам послужить, — ответил Айен. — Я мастер чистить сталь и железо, медь и олово, — умею до блеска их начищать. Может, я вам пригожусь.

— Ну, коли так, нынче для нас счастливый день! — вскричали сестры. Они широко распахнули дверь и пригласили его войти в дом. — Хорошо, что ты пришел! Нам как раз нужен оружейник — держать в порядке наши мечи и секиры.

Так Айен Дирек стал служить дьюрредским великаншам и, конечно, нашел среди их оружия тот самый Белый меч-светоносец, какой пожелал иметь великан о пяти головах, пяти горбах и пяти глотках.

Три сестры скоро увидели, что Айен умело чистит их оружие. Теперь они оставляли его одного дома, когда сами куда-нибудь уходили. И вот как-то раз, когда хозяйки ушли, Айен решил бежать.

Как только высокая сестра, черная сестра и безобразная сестра ушли на другой берег острова, Айен осторожно взял Белый меч-светоносец с того места, где он лежал. Он не забыл про совет лиса и нес меч очень бережно. Но вот беда! Он еще не успел выйти за дверь, как задел острием меча за притолоку, а та заскрипела, да так громко, что скрип ее за сотню миль слышен был. Все три сестры тотчас же помчались домой во весь дух.

— Ты что ж это — наш Белый меч-светоносец украсть хочешь? — завопили они. — Бежишь с тем, что не твое?

— Простите меня! — взмолился Айен. — Это все великан о пяти головах, пяти горбах и пяти глотках! Он приказал мне добыть ему этот меч. Не добуду, он не отдаст мне своего Синего сокола. А без Синего сокола я не смею вернуться домой к своей мачехе-королеве.

Тут все три великанши поглядели на Айена, и глаза их загорелись коварным огнем.

— Мы отдадим тебе наш Белый меч-светоносец, — сказали они, — если ты добудешь нам Золото-гнедую кобылицу. А владеет этой кобылицей король Эрина.

Айен обещал выполнить их приказ и ушел с надеждой в сердце. А все три великанши бросились друг другу на шею. Они хохотали до упаду и безобразно кудахтали, — ведь они думали, что Айену Диреку никогда в жизни не справиться с этой задачей.

Но вот Айен спустился на берег моря под скалистые обрывы и там увидел лиса. Тот ждал его, как обещал.

— Значит, не удалось тебе унести Белый меч-светоносец из дома дьюрредских Больших Женщин.

Так приветствовал он Айена.

— В том-то и горе, что не удалось, — отозвался Айен. — Не добыть мне этого меча, пока я не приведу на остров Дьюрред Золото-гнедую кобылицу. А владеет ею король Эрина.

Тут лис покосился на Айена своими хитрыми лисьими глазами и молвил:

— Трудная у тебя задача, но постарайся — справишься. Эрин — это большой остров. Лежит он еще дальше посреди моря. Я обернусь баркой и сведу тебя туда. Как доберемся до Эрина, пойдешь в королевский дворец и попроси короля нанять тебя в конюхи. Среди его лошадей ты найдешь ту, какую ищешь. А ночью, когда все заснут, беги с Золото-гнедой кобылицей. Это дело нетрудное. Только еще раз скажу: будешь бежать, смотри, чтобы кобылица ничего не задела на конном дворе ни гривой, ни мордой, ни хвостом — словом, ничем, кроме копыт. А заденет, худо тебе будет, как ты уже испытал, на свою беду.

И тут лис без лишних слов обернулся баркой с рыже-бурыми парусами и перевез Айена через море к берегам зеленого острова Эрина, как в старину называли Ирландию. Потом лис опять принял свой настоящий вид и сказал:

— Будь счастлив, королевич! В тот день, когда ты убежишь, я буду ждать здесь, чтобы перевезти тебя назад через море.

И вот Айен зашагал по зеленой земле и скоро подошел к королевскому замку. Он постучал в огромную дверь, и открыл ее сам король Эрина, величавый человек в богатом одеянии.

— Что тебе от меня надобно, чужестранец? — спросил король.

— Хочу тебе послужить. Найми меня в конюхи, — ответил Айен.

— Ну, коли так, нынче для меня счастливый день, — сказал король. — Хорошо, что ты пришел! Мне как раз нужен новый конюх.

Айен Дирек стал служить на конюшне у ирландского короля. И он, конечно, нашел среди королевских лошадей ту самую Золото-гнедую кобылицу, какую пожелали иметь джорредские великанши.

Вскоре Айен решил, что пора ему бежать. И вот как-то раз ночью, когда все в замке спали, он прокрался в конюшню и отвязал Золото-гнедую кобылицу. Айен помнил совет лиса и очень бережно вел кобылицу к воротам конного двора, чтобы там вскочить на нее и бежать. Но вот беда! Он еще не успел выйти за ворота, как молодая кобылица задела одним волоском своего хвоста за воротный столб. А столб закрипел, да так громко, что скрип этот во всем Эрине слышен был.

Тотчас сбежалась вся королевская дворня и во главе с самим королем бросилась к конюшне.

— Ты что ж это — хочешь украсть мою Золото-гнедую кобылицу? — в гневе закричал король. — Бежишь с тем, что не твое?

— Прости меня! — взмолился Айен. — Это все джорредские великанши! Они велели мне добыть им твою кобылицу. Не добуду, они не отдадут мне своего Белого меч-светоносца. А если я не принесу Белый меч-светоносец великану о пяти головах, пяти горбах и пяти глотках, он не отдаст мне своего Синего сокола. Ну, а без Синего сокола мне домой не вернуться — не посмею я показаться на глаза своей мечех-королеве.

Тут король Эрина лукаво поглядел на Айена.

— Я отдам тебе свою Золото-гнедую кобылицу, — сказал он, — но только если ты привезешь мне дочь французского короля. Я слышал, что краше ее нет девушки на свете, и хочу на ней жениться.

Айен обещал выполнить желание короля и ушел радостный. А король Эрина расхохотался до слез. Ведь он думал, что Айену Диреку никогда в жизни не справиться с этой задачей.

Вот Айен дошел до морского берега и увидел лиса. Тот ждал его, как обещал.

— Ох, не говори мне, что не удалось тебе увести Золото-гнедую кобылицу из конюшни короля Эрина!

Так приветствовал он Айена.

— В том-то и горе, что не удалось! — молвил Айен. — Не добыть мне Золото-гнедой кобылицы, пока я не привезу королю Эрина дочери французского короля.

Лис покосился на Айена своими хитрыми лисьими глазами.

— Трудная у тебя задача, но постарайся — справишься. Я обернусь кораблем и отвезу тебя к берегам Франции. Эта страна лежит еще дальше, за морем. А когда мы попадем во Францию, ты подойди к королевскому

дворцу и попроси помощи. Скажешь, что корабль твой лежит разбитый на берегу. Тогда король и королева выйдут с дочерью посмотреть на твой корабль. А прочее я уж сам сделаю, и все уладится.

Тут лис немедленно обернулся красивым остроносым кораблем и перевез Айена по морю к берегам Франции. Как только они причалили, Айен пошел к королевскому дворцу и постучал в огромную дверь. Ее открыл сам французский король, видный чернобородый мужчина.

— Что тебе от меня надобно, чужестранец? — спросил король.

— Ох, ваше величество, мой корабль лежит разбитый у самого берега, — сказал Айен, — и я пришел просить у вас помощи.

— Я приду взглянуть на твой корабль, — молвил король и велел своей супруге и дочери идти с ним на берег.

Ну, Айен, как увидел дочку французского короля, сразу подумал, что в жизни он не встречал такой красавицы. Правду сказал король Эрина, что «краше ее нет девушки на свете». Волосы у королевны были длинные, черные, глаза синие-синие, а лицо очень приветливое.

И вот французский король с женой и дочерью пошли вместе с Айеном на берег и, когда увидели корабль, подивились, что он такой большой. Меж тем Айен Дирек стоял и думал: «Что же теперь делать дальше?» Но вдруг с корабля донеслись звуки дивной музыки. Тут королева в восторге захлопала в ладоши.

— Проводи меня на свой корабль, — сказала она Айену. — Мне хочется посмотреть на музыкантов.

— С радостью провожу, — ответил Айен.

Король с королевой улыбнулись, а он взял королевну за белую ручку и повел ее на корабль. Но пока они осматривали богато убранные каюты, поднялся попутный ве-

тер, надул паруса, и корабль понесся по морю. Вот Айен с королевной поднялись на палубу, видят — они уже в открытом море. Вокруг, куда ни глянь, нигде ни кусочка земли.

— О, горе мне! — застонала королева. — Ты меня похитил! Разлучил с отцом и матерью!

— Прости меня! — молвил Айен. — Это все король Эрина! Он велел мне привезти тебя к нему. Хочет взять тебя в жены.

И Айен рассказал королевне про все, что с ним произошло. Сказал также, что не смеет вернуться домой к своей мачехе-королеве без Синего сокола, который живет у великана о пяти головах, пяти горбах и пяти глотках. Когда же кончил рассказывать, королева вздохнула и ласково вскинула на него свои синие-синие глаза.

— Благородный Айен, — промолвила она, — я охотнее выйду за тебя, чем за сотню ирландских королей.

Горько стало от этих слов Айену, потому что в сердце его вспыхнула великая любовь к королевне, и тяжело ему было думать о разлуке с нею.

Но верный лис помог ему и в этой беде. Не успели они высадиться на зеленый берег Эрина, как лис опять принял свой настоящий вид и сказал Айену, как ему перехитрить короля Эрина, да так, чтобы не разлучаться с королевой.

— Я обернусь красивой женщиной, — сказал лис. — Королева пусть останется на берегу, а ты отведи меня к королю Эрина и скажи, что я — дочь французского короля. — И лис добавил с хитрой усмешкой: — А уж как мне оттуда сбежать, я сам придумаю и потом догоню тебя.

И вот королева осталась на берегу, а лис вместе с Айеном тронулись в путь по зеленой земле Эрина. Лис уже успел обернуться красавицей с бледным тонким лицом и темно-рыжими кудрями. Они пришли в королевский замок,

и их принял сам король Эрина. Он был очень удивлен, что конюх его вернулся.

— Ну, король Эрина, — сказал Айен, — я привез тебе дочь французского короля в жены. А где Золото-гнедая кобылица? Ведь ты обещал отдать ее мне, когда я выполню твой приказ.

— Молодец, конюх! — сказал король.

Он велел оседлать Золото-гнедую кобылицу золотым седлом, взнуздать ее серебряной уздечкой и вывести из конюшни.

— Бери мою Золото-гнедую кобылицу, — сказал король Эрина Айену, — и ступай себе своей дорогой.

Айен вскочил на кобылицу и помчался к морскому берегу, где его ждала королева.

Тем временем король Эрина захотел было поцеловать свою невесту, но не успел он обнять ее, как она превратилась в рыже-бурого лиса, а лис прокусил ему руку до кости и умчался к морю.

На берегу лис обернулся баркой с рыже-бурыми парусами, и та понесла Айена, и королевну, и кобылицу по морю к острову Дьюрред.

— А теперь, — сказал Айену лис, когда они высадились на остров, — я скажу тебе, как перехитрить дьюрредских Больших Женщин и оставить у себя Золото-гнедую кобылицу. Королева с кобылицей пусть обождут на берегу, я обернусь породистой лошадейю, а ты отведи меня к великаншам и скажи, что я та самая кобылица, за какой они тебя посылали. — И лис добавил с хитрой усмешкой: — А уж как мне оттуда сбежать, я сам придумаю и потом догоню тебя.

И вот королева и Золото-гнедая кобылица остались ждать на морском берегу. Меж тем Айен направился к дому дьюрредских великанш, и с ним рядом шел лис в обличье породистой лошади. Диву дались сестры, когда увидели, что их слуга вернулся.

— Ну, сестры, — сказал Айен, — я привел вам Золото-гнедую кобылицу короля Эрина, как вы мне приказывали. А где же Белый меч-светоносец? Ведь вы обещали отдать его мне, когда я выполню ваш приказ.

— Молодец, оружейник! — сказали великанши, и та, что была ростом с ель, взяла меч с того места, где он лежал, и вручила его Айену.

— Бери наш Белый меч-светоносец, — сказали сестры, — и ступай себе своей дорогой.

Айен пошел назад, к берегу моря. На ходу он размахивал чудесным мечом и чувствовал, как подрагивает его гибкий клинок.

Великаншам не терпелось прокатиться на своей новой кобылице. Но каждой из них хотелось первой сесть на нее. И вот они вскочили к ней на спину все враз, так что пришлось им друг к дружке на плечи вскарабкаться. А лис, как только почувал их на своей спине, пустился вскачь к морю, домчался до самого края обрыва и вдруг стал как вкопанный — копытами в торф зарылся, а голову опустил. Тут все три великанши — и высокая, и черная, и безобразная — попадали с его спины вниз головой и шлепнулись в море. Там они и по сей день лежат.

А лис принял свой настоящий вид и прибежал к тем, что ждали его на берегу. Потом обернулся узкой рыже-бурой лодкой и повез Айена, королевну, кобылицу и меч по морю к берегам той страны, где когда-то начал свой путь Айен Дирек.

— Ну, вот и кончилось наше плавание, — сказал лис Айену. — А теперь я тебя научу, как перехитрить великана о пяти головах, пяти горбах и пяти глотках и оставить у себя Белый меч-светоносец. Королева пусть подождет здесь с Золото-гнедой кобылицей и Белым мечом-светоносцем. Я обернусь сверкающим мечом, а ты отнеси меня к великану и скажи, что это, мол, тот самый меч, за каким он

тебя посылал. — И лис опять добавил с хитрой усмешкой: — А уж как мне оттуда сбежать, я сам придумаю и потом догоню тебя.

И вот королева осталась на берегу, с Золото-гнедой кобылицей и Белым мечом-светоносцем. Меж тем Айен пошел к дому великана. В руках он держал лиса, только лис был теперь в обличье сверкающего меча. Подивился великан о пяти головах, пяти горбах и пяти глотках, когда завидел своего сокольника.

— Ну, великан, — сказал Айен, — по твоему приказанию я принес тебе от дьурредских великанов Белый меч-светоносец. А где же Синий сокол? Ведь ты обещал отдать его мне, когда я выполню твой приказ.

— Молодец, сокольник! — сказал великан.

Принес Синего сокола, посадил его в корзину и отдал Айену.

— Бери моего Синего сокола, — говорит, — и ступай себе своей дорогой.

Айен отправился на морской берег, туда, где ждала его королева. По дороге он все поглядывал на корзину — ведь между ее ивовыми прутьями виднелись синие перья, и Айен радовался великой радостью, что ему удалось добыть чудесную птицу. Много ему довелось вытерпеть из-за нее, и наконец-то она ему досталась.

А великану о пяти головах, пяти горбах и пяти глотках не терпелось поскорей испытать свой новый меч. Он рассекал мечом воздух и рубил острым клинком направо и налево, — словно с врагом своим сражался. Но тут меч вдруг изогнулся в воздухе и одним махом отрубил великану все его пять голов. Потом лис в последний раз принял свой настоящий вид и побежал к Айену и королеве.

— Ну, — сказал он Айену, — теперь твои приключения подходят к концу. Осталось тебе только рассеять злые чары твоей мачехи-королевы. Вот что тебе надо сделать. Сядь на

Золото-гнедую кобылицу, а королеву посади к себе за спину. В правую руку возьми Белый меч-светоносец и поверни его плоской стороной к себе. А Синего сокола посади себе на плечо. Так держи путь домой. Скоро ты встретишь на дороге свою мачеху. Она попытается заколдовать тебя смертоносным взглядом, так, чтобы ты упал с кобылицы и превратился в охалку хвороста. Но ведь к ней будет обращено острое лезвие твоего меча, и злые чары рассеются.

Айен послушался лиса. Он поехал домой на Золото-гнедой кобылице, с королевой за спиной и Синим соколом на плече, а в правой руке он держал Белый меч-светоносец плоской стороной к себе.

Долго он был в пути — миновал столько гор и долин, что даже сведущему человеку их не перечесть, и наконец подъехал к отцовскому дворцу.

Тут королева выглянула из окна и увидела, что Айен спускается с горы. Черная ненависть к пасынку вспыхнула в ее сердце, и она выбежала во двор и бросилась за ворота навстречу всаднику.

И вот как только Айен подъехал поближе, королева впиалась в него своими смертоносными глазами. Не будь у Айена его чудесного меча, он тут же упал бы с кобылицы, как и предсказывал лис. Но острое лезвие его меча было обращено к королеве; поэтому ее злые чары принесли гибель ей самой. Не Айен, а она рухнула на землю и превратилась в охалку хвороста.

Тут Айен торжественно вступил в отцовский дворец рука об руку с королевой и рассказал королю про все, что с ним приключилось. Король женил его на королеве и задал пышный свадебный пир. А охалку хвороста, что валялась за воротами, приказал сжечь на костре.

И вот Айен Дирек начал новую жизнь, удачливую и счастливую, да так и жил до конца дней своих. Жена у него была такая красавица, что краше ее во всем свете не

сыщешь. На конюшню у него стояла Золото-гнедая кобылица, такая резвая, что резвей ее во всем свете не было: ведь она могла обогнать один ветер и догнать другой. На стене в его доме висел неотразимый Белый меч-светоносец; на охоту Айен брал с собой Синего сокола, а это была такая птица, какой еще свет не видывал.

Но Айен не забывал, что счастьем этим он обязан своему старому другу, лису. И вот он сказал ему:

— Пока ты жив, мои охотники не тронут ни тебя, ни сородичей твоих.

Но лис только усмехнулся в ответ.

— Обо мне и моих сородичах ты не беспокойся, — сказал он. — Все мы сами умеем о себе заботиться.

И лис гордо поднял свой рыжий хвост трубой и убежал в горы.

Вот и сказка вся.

БЕЛЯК

Жил-был один фермер. Жил он в своем доме из серого камня на ферме, что приютилась в долине, среди холмов, поросших вереском. И был у этого фермера отменный баран, или «беяк», как зовут баранов в этой части Шотландии. Беяк этот был красивый, упитанный, с густой курчавой шерстью. Вот раз, незадолго перед рождеством, фермер и говорит жене:

— Завтра я зарежу нашего беляка, и будет у нас хороший рождественский обед да еще много баранины останется — на несколько недель нам хватит. А ты, женушка, спрядешь его густую курчавую шерсть, а потом соткешь из нее тонкое сукно.

Так он сказал, а беляк подслушал его слова и тут же решил, что теперь ему самое время бежать с фермы в долине да пойти по свету счастья поискать. И вот в ту же ночь, когда фермер с женой уже крепко спали, баран сбежал и стал подниматься на покрытую снегом гору, да так быстро, как только несли его все четыре ноги.

Но едва он поднялся на вершину и стал спускаться, как из темноты выступили два кривых рога, и он увидел перед собой рыжего быка.

— Как ты попал сюда, на покрытую снегом гору, в эту холодную зимнюю ночь, бык? — спросил беляк.

— Беда, брат! — ответил бык. — Хозяин мой собрался зарезать меня к рождеству. Вот я и решил, что теперь мне самое время пойти по свету счастья поискать.

И он поднял голову и громко замычал.

— Ох, — молвил беляк, — так и со мной случилось — в точности! Давай пойдем вместе счастья искать.

И вот пошли они вдвоем. Но еще не успели отойти далеко, как видят — кто-то уныло бредет к ним, волоча ноги и поджав хвост. И перед ними остановился большой черный пес.

— Как ты попал сюда, на покрытую снегом гору, в эту холодную зимнюю ночь, пес? — спросил беляк.

— Беда, брат! — ответил пес. — Хозяин мой сказал, что я состарился и больше уже не сторож, и собрался меня убить. Вот я и решил, что теперь мне самое время пойти по свету, счастья поискать.

И он залаял, оскалив острые зубы.

— Ох, — молвил беляк, — так и с нами случилось — в точности! Хочешь, пойдем вместе счастья искать?

И вот пошли они втроем. Немного погодя кто-то худой, как скелет, бесшумно нагнал их, и они увидели кота.

— Как ты попал сюда, на покрытую снегом гору, в эту холодную зимнюю ночь, кот? — спросил беляк.

— Беда, брат! — ответил кот. — Хозяйке моей стало нечем меня кормить, и она сказала, что лучше меня утопить, чем смотреть, как я с голоду подыхаю. Вот я и решил, что теперь мне самое время пойти по свету, счастья поискать.

Он замыкал, и в его глазах загорелся зеленый огонь.

— Ох, — молвил беляк, — так и с нами случилось — в точности! Хочешь, пойдем вместе счастья искать?

И вот пошли они вчетвером. Немного погодя тропинку перебежал кто-то, в перьях, и они увидели перед собой петуха.

— Как ты попал сюда, на покрытую снегом гору, в эту холодную зимнюю ночь, петух? — спросил беляк.

— Беда, брат! — ответил петух. — Хозяин мой давно уже откармливает меня к рождеству. И вот я решил, что теперь мне самое время пойти по свету, счастья поискать.

И он закукарекал, а его ярко-красный гребешок прикрыл ему черный, как бусинка, глаз.

— Ох, — сказал беляк, — так и с нами случилось — в точности! Хочешь, пойдем вместе счастья искать?

И вот пошли они впятером. Но еще не успели далеко отойти, как кто-то приблизился к ним, переваливаясь с ноги на ногу. И они увидели перед собой гуся.

— Как ты попал сюда, на покрытую снегом гору, в эту холодную зимнюю ночь, гусь? — спросил беляк.

— Беда, брат! — ответил гусь. — Брата моего закололи на пасху, сестру зарезали на михайлов день, и я остался один в птичнике. А рождество-то не за горами! Вот я и

решил, что теперь мне самое время пойти по свету, счастья поискать.

И он широко разинул клюв и загоготал.

— Ох, — молвил беляк, — так и с нами случилось — в точности! Хочешь, пойдем вместе счастья искать?

И вот шестеро путников — беляк, бык, пес, кот, петух и гусь — пошли все вместе счастья искать.

Небо все еще было черным-черно, и шли они осторожно, друг за другом, так, чтобы ни один не отстал и не потерялся. И вдруг заприметили на далеком холмике свет в окне какого-то дома. От окна по земле протянулась длинная светлая полоса, и снег тут ярко блестел и сверкал. Путники, как по уговору, пошли на огонек и вскоре уже стояли перед освещенным окном одинокого домика.

— Давайте заглянем в окно, — сказал беляк. — Здесь мы, наверное, найдем свое счастье.

Петух взмахнул крыльями и взлетел на загравок к быку, — он хотел узнать, что делается в домике, и рассказать о том своим спутникам.

— Что я вижу! — вскричал он вдруг. — Шестеро безобразных разбойников стоят вокруг стола. На столе громадная куча золотых монет, и разбойники деньги считают.

— Ну вот! Я же говорил, что счастье свое мы найдем здесь, — молвил беляк и приказал своим спутникам: — Крикните все враз, каждый по-своему, да погромче. Тогда разбойники убегут из дома, а золото оставят.

И вот беляк заблеял, бык замычал, пес залаял, кот замыаукал, петух закукарекал, а гусь загоготал. И такой шум и гам они подняли, что чудилось, будто люди кричат:

«КР-Р-О-О-О-ВИ!»

Как услышали это разбойники, все шестеро бросились вон из дома. Бегут, друг другу на пятки наступают, словно за ними сам дьявол гонится.

Ну вот, удрали разбойники в ближний лес, а наши путники торжественно вошли в дом, словно победители. Там они нашли на столе кучу золотых монет и поровну разделили ее между собой. А потом удобно устроились на ночлег, задули свечу и приготовились проспать весь остаток ночи.

Бык остался стоять у двери; беляк стал посреди комнаты; пес лег перед очагом, где еще тлел торф; кот свернулся клубочком на свечном ящике; петух взлетел на стропила под крышей, а гусь уселся на мусорной куче за порогом.

Вот разбойники в лесу увидели, что свет в доме погас, прислушались, подождали, но больше ничего не услышали. Наконец атаман решил вернуться в дом и поглядеть, нельзя ли забрать золото. Людей своих он оставил под деревьями, а сам осторожно подошел к дому, открыл дверь и прокрался в комнату.

В доме было темно и тихо. Атаман подошел к свечному ящику, и только было руку протянул за свечой, а кот как вцепился в нее когтями! Разбойник громко вскрикнул и задрожал от страха. Но все-таки достал свечу и подбежал к очагу, чтобы зажечь ее о горячие угли. Как только фитиль загорелся, пес вскочил, окунул хвост в горшок с водой, что стоял у очага, и погасил свечу.

Тут атаман испугался не на шутку — подумал, что в доме черти завелись, и кинулся к двери. Но по дороге наткнулся на беляка, а тот как боднет его рогами! Да еще бык ногой его лягнул. А петух, тот громко закукарекал на стропилах. Разбойник, не помня себя от страха, выскочил за дверь, но споткнулся о мусорную кучу, а гусь как бросится на него да как примется колотить его крыльями!

Наконец атаман вернулся к разбойникам, и те стали спрашивать, что с ним приключилось и почему он вернулся без золота.

— Что золото! Скажите спасибо, что я каким-то чудом жив остался! — простонал атаман. — Я уж думал — послед-

ний мой час пришел! Ведь только я вошел в дом и достал свечу, как кто-то выпрыгнул из свечного ящика и вонзил мне в руку десяток острых ножей. А едва я зажег свечу, какой-то здоровенный черный негодяй облил ее водой и погасил. Другой головорез выскочил на середину комнаты да как стукнет меня изо всей силы! Третий — подлый верзил — у двери стоял; тот меня ногой пнул. Так пнул, что я вон вылетел. А тут еще какой-то горлопан, что под крышей сидел, орет во всю глотку: «Тащи в мою нору — я его в порошок сотру!» Ну а за дверью что было! Там на мусорной куче засел какой-то мерзавец-сапожник, и вот он как примется меня колотить кожаным фартуком!.. Что до золота, коли оно вам нужно, сами его берите. А я до конца своих дней в этот дом — ни ногой!

Но после его рассказа разбойники только со страхом поглядели на дом, а потом все шестеро повернулись и давай бог ноги! И ни разу они не дали своим ногам отдыха, пока «страшный дом» не остался далеко позади — за большой долиной да за двумя горами.

Ну, а путники наши, те — тоже все шестеро — мирно проспали до утра. Они уже успели привыкнуть друг к другу и к тому же получили такое сокровище, какое найдет не каждый, кто пустится по свету бродить. Вот они и порешили вместе жить в этом доме до конца жизни. Да насколько я знаю, и по сей день там живут.

ПРЕДАНИЕ О ЗАМКЕ ИЛЕН-ДОНЕН

И на Шотландском нагорье, и на Гебридских островах издревле соблюдают такой обычай: когда ребенка отнимут от груди и впервые дадут ему пить из сосуда, этим сосудом должен быть череп ворона. Тогда ребенок, по поверью, будет обладать сверхъестественными дарами, — ведь ворон слышит самой мудрой из птиц.

Давным-давно жил-был в Кинтейле вождь одного клана. И вот ему захотелось узнать, есть ли хоть доля правды в этом поверье. Когда его маленького сына Шемаса отняли от груди и впервые собирались напоить коровьим молоком, отец велел налить молоко в легкий и хрупкий череп ворона.

Однако еще долго казалось, что у мальчика нет никаких особенных дарований. Он играл и лепетал, как и все другие дети, и так же, как они, был то своенравным, то послушным.

Но как-то раз отец увидел Шемаса под яблоней. Мальчик сидел, глядя вверх, на ее ветви, и что-то бормотал, но бормотанье его не походило на человеческую речь. Вождь подошел поближе, и тут раздался шум и трепыханье крыльев — целая стая птичек улетела в испуге.

— Эх, отец, зачем ты их распугал! — сказал Шемас. — Ведь птички рассказывали мне про теплые края, куда они улетают, когда мы тут зимой дрожим от холода. Рассказывали они и про безбрежное синее море, что целый день лежит под солнцем, спокойное, тихое, не бросает на берег серые волны, как наше море.

— Но как они могли тебе рассказать про это, сын мой? — удивился вождь. — Ведь птицы не говорят по-нашему.

— А я понимаю их и могу говорить с ними, — сказал Шемас, — их язык я знаю, как свой родной.

Так вождь убедился, что сын его одарен знанием птичьего языка. Справедливо было древнее поверье о черепе ворона!

Проходили годы, а Шемас не терял своего дара. Выезжая на охоту, он беседовал с соколом, что сидел у него на руке; гуляя по берегу моря, он слушал рассказы морских птиц о кораблях, плывущих по океану, а малые птишки, что подлетали к его отчему дому, сообщали ему обо всем, что

видели в окрестностях. Шемас отличался от других не только своим даром — он рос юношей умным и храбрым, и весь клан считал, что со временем он станет достойным преемником своего отца.

Но в один черный день случилось так, что гнев старого вождя обратился на Шемаса и заставил юношу в скорби покинуть родину.

В тот вечер он прислуживал отцу за столом. И вот старик вдруг показал рукой на законченные стропила. На этих стропилах бесчисленные птицы с незапамятных времен вили гнезда.

— Скажи, сын мой, о чем сегодня щебечут скворцы? — спросил Шемаса вождь. — В жизни я не слыхивал, чтобы они так шумели.

Шемас опустил глаза и ответил:

— Я бы тебе сказал, отец, да боюсь, что ты рассердишься.

Не мудрено, что старика обуяло любопытство, и Шемасу волей-неволей пришлось сказать ему правду:

— Скворцы говорят, что когда-нибудь мы с тобой помеемся местами: ты, отец, будешь мне прислуживать за столом в этой самой палате.

Услышал вождь ответ Шемаса и разгневался. Подумал, что сын хочет восстать против него и получить наследство раньше времени.

— Изменник! — крикнул старик и швырнул об пол свой кубок. — Так, значит, ты предашь родного отца? Уходи из моего дома! Простись со своими родичами и больше не показывайся мне на глаза!

Как ни убеждал Шемас отца в своей сыновней любви и верности, а пришлось ему проститься с родными и покинуть отчий дом. Он ушел из Кинтейла, как нищий, в чем был, а когда добрался до берега моря, подумал:

«Весь мир лежит передо мной за океаном. Сяду на какой-нибудь корабль и поплыву по синему морю к тем солнечным странам, про какие рассказывали мне птицы».

Случилось так, что как раз в тот день один корабль ухаживал в заморские страны, и Шемасу удалось на него напиться. И вот корабль поплыл по морю, то спокойному, то бурному, и наконец причалил к берегам Франции. Здесь Шемас решил высадиться и дальше идти пешком. В путь он тронулся легким шагом, готовый к любым приключениям.

Немного погодя он подошел к огромному парку, где в зеленой траве росли лилии. Вдали высились золоченые башенки, и Шемас догадался, что там королевский дворец. Он подошел к огромным воротам и услышал стук топоров и визг пил. Оказалось, что толпа дровосеков рубит тополевою рошу перед дворцом. Но это еще не все: к своему великому удивлению, Шемас увидел, что все небо вокруг дворца кишит птицами — маленькими бурыми воробьями. Они кричали без умолку да так пронзительно, что ему пришлось даже уши себе заткнуть.

Тут к нему подошел слуга и сказал:

— Затыкай, затыкай себе уши, странник! Все равно будешь слышать этот нестерпимый гомон. Нам покоя нет от птичьего щебета и чириканья, и не только здесь, в парке, но и в самом дворце. Прямо рехнуться впору! Король не знает, что делать, как избавиться от этой напасти.

И тут Шемас подумал: «А ведь я, пожалуй, смогу помочь королю в беде!» И он попросил слугу привести его к королю.

Слуга повел Шемаса по длинным галереям, где тучи воробьев бились крылышками о стены; повел по террасам, где придворные дамы не могли расслышать друг дружку из-за неумолчного птичьего гомона; повел через палату с колоннами, где воробьи, рассевшись по всем карнизам

и выступам, заглушали речи важных королевских советников.

Наконец слуга привел Шемаса в небольшую комнату, где король сидел один. Окна здесь были закрыты наглухо, за дверью на страже стоял часовой. Но несмотря на эти предосторожности, один прыткий воробей ухитрился-таки влететь в комнату утром, когда королева пришла поздороваться со своим супругом. Воробей сидел на подлокотнике кресла, а король смотрел на него в глубоком отчаянии, опершись подбородком на руку.

— Позвольте вам доложить, сэр, — начал Шемас, — что я, пожалуй, смогу избавить вас от этой пернатой беды, что свалилась на ваш дворец.

Лицо у короля посветлело, и луч надежды блеснул в его глазах.

— Если ты говоришь правду, — молвил он, — получишь большую награду и заслужишь мою вечную благодарность. Но почему ты думаешь, что сумеешь помочь моей беде?

Тогда Шемас поведал королю о своем даре — сказал, что умеет говорить с птицами на их языке.

— Если птицы на вас так ополчились, сэр, — молвил он, — и подняли такой шум, значит, этому есть какая-то причина.

Тут он повернулся к птичке, что сидела на кресле короля, и заговорил с нею на ее языке. Это было то же дикое бормотанье, какое услышал старый вождь, когда увидел сына под яблоней. Но вот Шемас умолк, а воробей перелетел на его протянутую руку и возбужденно защебетал в ответ. Король, конечно, ничего не мог разобрать в его щебете, а Шемас, тот, видимо, прекрасно все понял. Он повернулся к королю и сказал:

— Так вот, сэр, загадка эта совсем простая. Вы рассердили воробьев, когда приказали срубить тополя перед двор-

цом. Ведь птички гнездились на их ветвях, а теперь боятся остаться бездомными. Но если вы прикажете дровосекам прекратить рубку, птички обещают больше вас не беспокоить.

Тут король встал, распахнул дверь и отдал какой-то приказ часовому. И тотчас же шесть герольдов затрубили в шесть серебряных труб и объявили, что отныне ни одно дерево, ни один куст, ни одна ветка, ни один сучок в дворцовом парке не будут срублены. А еще король поклялся своей густой бородой и всеми французскими святыми, что, если птицы перестанут его тревожить, Шемас получит большую награду.

И вот как только все топоры перестали стучать, из длинных галерей, с террас, где сидели придворные дамы, из палаты с колоннами, где совещались королевские советники, из каждого угла и закоулка во дворце начали вылетать стаи воробьев. Пролетев над золочеными башенками, они устремились к тополям, чтобы снова вить на них свои гнезда. С того часа и до последних дней французского короля его уже не тревожил ни один воробей.

И король, верный своему слову, щедро вознаградил Шемаса за услугу — подарил ему длинную галеру, полностью снаряженную и с командой, и, кроме того, дал много золота.

На этом добром новом корабле Шемас опять поплыл по морю в поисках приключений. Он побывал в странах, где живут темнокожие люди и там, где золото лежит прямо на земле, словно камни на горах, но никто на него не обращает внимания. Плавал Шемас и между прекрасными островами, на которые еще не ступала нога человека. И куда бы он ни приехал, всюду он приобретал и богатство и знания. Но во всех этих дальних странах Шемас часто вспоминал родные горы и горные озера и поросшие вереском склоны

Кинтейла. Он странствовал десять лет и больше уже не мог противиться своему великому желанию вернуться домой и вновь увидеть родных.

И вот наконец его роскошная галера с золоченым носом пробралась сквозь туман меж Гебридскими островами и бросила якорь в узком проливе между островом Тотегом и одним скалистым островком.

Родичи Шемаса и члены его клана, заведя большой корабль, стали дивиться его великолепию и спрашивать друг друга: кто же этот богатый иноземец, что прибыл в их страну? Новость передали старику вождю, что когда-то выгнал из дому родного сына, и он пошел на берег, чтобы приветствовать незнакомого мореплавателя и оказать ему гостеприимство. Но он не узнал в этом красивом чужестранце родного сына и обошелся с ним как с важным заморским гостем. А Шемас решил открыться не сразу, но во время пира, который задали в его честь.

По обычаю тех времен, хозяин дома должен был сам прислуживать за столом почетному гостю. Шемаса посадили за главный стол, и старый вождь принес ему вина. Старик стал перед ним на одно колено и протянул ему кубок с вином, и тут Шемас воскликнул:

— Отец мой, неужто ты меня забыл? Ведь я твой родной сын! Ты в гневе выгнал меня из дому, когда услышал пророчество птиц. Теперь их предсказание исполнилось: ты прислуживаешь мне за своим собственным столом. Отец, прими меня, как своего сына! Я снова клянусь, что у меня и в мыслях не было изменять тебе. Ничего дурного я против тебя не замышлял.

Тут старик вскочил с радостным криком и бросился обнимать сына. При всех собравшихся в палате он назначил Шемаса своим преемником и наследником, и все в клане возликовали.

Когда же Шемас рассказал о своих путешествиях, слава о нем разлетелась повсюду и дошла до самого шотландского короля. В те времена на жителей западного побережья Шотландии часто нападали скандинавы, и король искал верного человека, чтобы поручить ему охрану подступов к Кинтейлу. Он призвал Шемаса ко двору и, убедившись, что он одарен великой мудростью, приказал ему построить замок на скалистом островке Илен-Донен напротив острова Тоттега. Этот замок стал сторожевой крепостью и твердыней, ограждавшей Шотландию от скандинавских захватчиков.

ДЕТИ КОРОЛЯ ЭЙЛПА

Давным-давно у подножия обледенелых холмов в густой тени деревьев произошло сражение между королем Эйлпа и друидами. И когда битва кончилась, король Эйлпа вместе со своими воинами лежал мертвый на земле, а друиды расхаживали по его дворцу и распевали свои дикие победы песни. И вдруг они заметили обоих детей короля Эйлпа: мальчик и девочка сидели, скорчившись, у огромной двери. Их подняли и с торжествующими криками потащили к предводителям.

— Девочку мы возьмем себе, — решили друиды. — И пусть все знают, что отныне она принадлежит нам.

Тогда одна из их женщин прикоснулась к пленнице. И вот белая кожа девочки стала зеленой, как трава.

Но друиды еще не решили, что им делать с сыном короля Эйлапа. А он вдруг вырвался из их рук и побежал с быстротой оленя, которого травят. Мальчик бежал, пока не поднялся на вершину горы Бен-Глойн, что значит «Стеклянная гора». На ее ледяной вершине он и заснул в ту ночь. Но пока он спал, один друид нашел его и заколдовал — обратил в борзого пса, а потом увел обратно во дворец. Однако он не лишил королевича дара речи.

Друиды, собираясь покинуть дворец короля Эйлапа, оставили в нем королевну, чтобы она смотрела за своим братом. К тому же она отказывалась повиноваться их женщинам, и те были рады отделаться от нее.

— Зеленая девочка и борзый пес будут жить вместе в доме отца своего, — изрек предводитель друидов. — Мы их заколдовали, и наши могучие чары не рассеются, пока не произойдут два события. Если какая-нибудь женщина по доброй воле согласится остаться здесь на всю жизнь и не покидать борзого пса, королевич снова примет свой прежний вид. А если королевну поцелует принц, кожа ее снова станет такой же белой, какой была раньше.

Королевна стояла у входа во дворец, обвив зеленой рукой шею борзого пса, а предводитель друидов широким жестом показал на двор, устланный костями павших в великой битве. И перед тем, как навсегда уйти отсюда, он произнес еще одно пророчество:

— Кости отца вашего и воинов его останутся здесь, и высушит их солнце, и дожди отмоют их добела, и будут они лежать, непогребенные, пока дети детей ваших не предадут их земле.

Много лет брат и сестра жили одни в отчем доме. И пока вокруг него за воротами все пышней и пышней разрастался папоротник, отроческие годы королевских детей миновали. Зеленокожая королевна, высокая и стройная, бродила по опустевшим покоям, и зеленые волосы рассыпались у нее по плечам. За ней по пятам ходил поджарый борзый пес с человеческими глазами. Он обладал даром речи, и в душе у него жили мечты, свойственные юным людям.

И вот когда брат и сестра стали уже взрослыми, сосед их покойного отца, король Эрби, выступил в дальний поход с тремя сотнями воинов. Но не успели они углубиться в горы, как с неба спустился густой белый туман, и король сбился с тропы. Он в замешательстве пробирался вперед ощупью, тщетно стараясь отыскать тропу и не потерять из виду своих спутников.

— Держитесь ближе ко мне! — крикнул он.

Из непроглядной тьмы ему откликнулось только сто человек.

Король все брел и брел вперед и вот различил справа от себя слабое поблескивание тихого горного озера и крикнул снова:

— Держитесь ближе ко мне!

На этот раз отозвались только двадцать воинов.

Он выхватил из ножен палаш, словно желая рассеять им туман, и опять пошел вперед. А когда различил слева от себя чуть видные очертания могучей ели, крикнул в третий раз:

— Держитесь ближе ко мне!

Но теперь откликнулось лишь трое воинов.

Наконец он забрел по колено в густую чащу папоротника и в последний раз позвал своих воинов. Но теперь уже никто не откликнулся на его зов, и он понял, что остался один.

С палашом в руке он стоял, не двигаясь с места, пока туман не поднялся над горами и рваными клочьями не

поплыл по синему небу. И тут путник увидел перед собой дворец короля Эйлла. Буйный папоротник рос в щелях его ветхих стен, довершая их разрушение.

Король Эрби опасно приблизился к воротам, которых никто не охранял, и вошел в безлюдный двор. Он по-прежнему был устлан костями тех, что пали в бою много лет назад. Кости эти уже высохли на солнце, и дожди отмыли их добела. «Страшная, должно быть, битва разыгралась здесь когда-то!» — подумал король Эрби и направился ко входу во дворец, но по дороге нечаянно задел ногой череп. Это был череп самого короля Эйлла, и он покатился по двору и пересек его из конца в конец.

И тут из огромной двери вдруг выскочил свирепый борзой пес. Он в бешенстве бросился на короля Эрби и сшиб его на землю, — вот-вот в горло вцепится. Нежданное нападение ужаснуло короля, но он был поражен еще больше, когда из собачьей пасти с острыми клыками послышался человеческий голос.

— Ты осквернил кости моего отца! — зарычал пес. — Ты топтал ногами тех, что обречены лежать непогребенными, пока их не предадут земле дети наших детей!

— Пощади меня! — взмолился король Эрби в ужасе. — Кто бы ты ни был, о пес с человеческим голосом, пощади меня!

И тут из дворца донесся звонкий девичий голосок:

— Пощади этого незнакомца, брат! Кто знает, а может, он нас расколдует?

Борзой пес отскочил в сторону, и король, пошатываясь, поднялся на ноги. И тут он увидел, что по двору к нему идет стройная девушка с ярко-зелеными волосами и кожей.

— Где я? — спросил король в страхе. — И кто вы такие, странные вы создания?

— Это дворец короля Эйлла. Он был убит в сражении с нашими врагами — друидами, — ответила королевна. — А мы — несчастные дети короля Эйлла.

Тогда заговорил борзой пес.

— Как тебя зовут, незнакомец? — спросил он.

— Я король Эрби, — ответил тот. — У меня тоже есть сын и дочь, и они будут оплакивать меня всю жизнь, если я не вернусь к ним.

Тут хитроумный замысел пришел в голову королевичу. Он отозвал сестру в сторону и сказал ей:

— Мы должны заманить сюда дочь этого короля. Я постараюсь уговорить ее остаться со мной на всю жизнь, и тогда снова стану человеком. И кто знает — а вдруг ее брат расколдует тебя? Ведь он — принц, и его поцелуй может рассеять чары друидов.

— Хорошо придумал! — сказала сестра. — Но как это сделать? Ведь женщина должна остаться с тобой, не зная, что ты — королевич. А принц должен поцеловать меня, не ведая, что меня заколдовали друиды. И мы не должны по-верять своей тайны королю Эрби.

— Верно, сестра, — молвил королевич. — Так давай скажем королю, что убьем его только через год. Пусть он пока уйдет в свое королевство и за это время подготовит сына себе в преемники. Ты пойдешь с королем и приведешь к нам его дочь. Она послужит залогом того, что отец ее вернется к нам через год. Так мы заманим принцессу к себе, а прочее уж зависит от нас самих. Если постигнет нас неудача, придется нам до конца своих дней жить в скорбном одиночестве.

И вот они сказали королю Эрби, что отпускают его на год, но с тем условием, чтобы дочь его прожила этот год у них. Королю волей-неволей пришлось согласиться. Потом он вместе с дочерью короля Эйлла пустился в путь по бездорожным порослям папоротника, и путники не отдыхали ни днем, ни ночью, пока не дошли до королевского дворца.

Вскоре борзой пес, поджидавший сестру у ворот, увидел, как она спускается с холма, а с нею идет молодая прин-

цесса — идет, робея, но из гордости не выдавая своего страха. Это была Ойгриг, дочь короля Эрби. А сын короля Эйлла, как только взглянул на нее, подумал, что краше ее нет девушки на свете.

Брат и сестра приняли Ойгриг как почетную гостью, и вскоре ее ненависть и недоверие к странным хозяевам сменились удивлением. Она не понимала, как могут этот борзой пес с кроткими глазами и эта зеленая девушка, что так ласкова с нею, грозить смертью ее отцу. Она умоляла их пощадить короля Эрби, но они не внимали ее мольбам.

— Вы скрываете от меня какую-то тайну, — сказала наконец Ойгриг. — Я знаю, что вы не жестокие.

И вот настала весна, и зацвели колокольчики; настало лето, и чибисы стали бороздить небо; настала осень, и гроздь красных ягод запылала на ветвях рябины. Королю Эрби близилась пора вернуться к детям короля Эйлла.

— Как хорошо тут, в горах! — воскликнула как-то раз осенью Ойгриг.

Сердце у королевича забило от радости. Но девушка не произнесла тех слов, которые он жаждал услышать. Когда же выпал первый снег, королевич сказал ей:

— Ты скоро покинешь нас, Ойгриг! Завтра твой отец придет сюда, а ты вернешься к своим.

— Вернусь, но — одна! — горестно воскликнула Ойгриг. — О, не отпускай меня одну! Умоляю тебя, пощади моего отца! — Она помолчала, потом тихо добавила: — А уж если не хочешь отпустить нас обоих, отпусти только отца, а меня оставь здесь навсегда или убей меня вместо него.

И радостно и недоверчиво смотрели на нее дети короля Эйлла.

— Ты и вправду согласна остаться здесь на всю жизнь? — спрашивали они.

— Да, — ответила Ойгриг. — Чтобы спасти жизнь отцу.

И как только она проговорила эти слова, чары друидов

рассеялись. Сын короля Эйлла сбросил с себя обличье пса и принял свой прежний вид. Перед Ойгриг стоял юный королевич.

— Не бойся за отца, — сказал он с улыбкой. — У меня и в мыслях не было убить его.

Затем он рассказал принцессе о том, как его заколдовали, а его сестра обняла их обоих своими зелеными руками и расплакалась от радости.

Тут во двор вошел король Эрби и, увидев их, изумился. Ему открыли тайну, и он снова отправился на родину, чтобы привести своего сына на свадебный пир, — Ойгриг и сын короля Эйлла уже собирались обвенчаться.

В полдень следующего дня король Эрби и его сын верхом на резвых кобылицах показались на горном склоне. Их встретили с радостью. Печалилась только дочь короля Эйлла. Ведь она с первого же взгляда всем сердцем полюбила юного принца. А он от нее отшатнулся — не понравились ему ее длинные зеленые волосы и зеленая кожа.

— Нет, не дожидаться мне от него поцелуя — так и останусь заколдованной, — сказала она брату, и слезы потекли по ее зеленым щекам.

— Не отчаивайся! — молвил он. — Принеси кубок желтой браги, что сварена из меда диких пчел. В старину говорили, что это волшебная брага. Кто знает, а вдруг она склонит сердце принца к тебе.

Сестра послушалась его совета и поднесла сыну короля Эрби кубок солнечной медовой браги.

— Попробуй! Она пахнет вереском, — сказала девушка. — Она напомнит тебе о благословенном летнем тепле.

Принц взял кубок из ее рук и поднес к губам. И вот едва он пригубил медовый напиток, как глаза его, словно по волшебству, увидели королевну в ее прежнем прекрасном облике, и показалось ему, что не сравнится с нею никакая другая девушка. Он поставил на стол кубок, обнял

королевну и поцеловал ее. И в тот же миг злые чары друидов рассеялись, и дочь короля Эйла снова стала красавицей.

В тот день задали два свадебных пира вместо одного. Ойгринг и сын короля Эйла остались во дворце и были счастливы там весь свой век. А дочь короля Эйла отбыла вместе с королем Эрби и его сыном в их королевство. И они тоже обрели счастье на всю жизнь.

А со временем исполнилось и третье предсказание друидов: дети детей короля Эйла собрали со двора кости воинов, давным-давно павших в бою, и наконец предали их земле.

1. ДРЕВНИЕ ФЕЙНЫ

Шотландия — родина многих героев, но больше всех прославился Фин Мак-Кул. Жил он в седую старину, и древние сказители передавали рассказы о его великих подвигах из поколения в поколение.

Фин Мак-Кул был вождем отряда в девять тысяч воинов, получившего прозвище «Воинство фейнов» (или — фиэна). Они воевали и в Эрине и в Альбе — как некогда называли Ирландию и Шотландию, и, пожалуй, нет в этих двух

странах ни клочка земли на равнине, ни горного склона, что не хранил бы памяти о деяниях Фина.

Воинство фейнов образовалось в те времена, когда локленки (как в древности называли норвежцев, да и других скандинавов) осаждали берега Эрина и Альбы. Король Эрина тогда созвал совет, чтобы обдумать, как ему одолеть своих врагов.

И вот ему посоветовали выбрать самых сильных людей в стране — полсотни мужчин и полсотни женщин — и переженить их, с тем чтобы их сыновья составили непобедимое воинство для борьбы с иноземными пришельцами.

Так народилось поколение могучих воинов. Они всегда рвались в бой и под предводительством Фина прогнали скандинавов. А потом защищали родину от других вражеских нападений, в мирное же время охотились.

Могучий Фин был все же не самым сильным из своих девяти тысяч воинов. Но его почитали за мудрость, великодушие, покровительство слабым и беззащитным и незапятнанную честь. Есть поговорка: «Друга в беде ни разу Фин не покинул», — и воинство фейнов во всем полагалось на него.

Один зуб у Фина был не простой, а волшебный. Он служил ему неоценимым советчиком и помогал предводительствовать фейнами. Сверхчеловечески мудрым становился Фин, когда нажимал этот зуб указательным пальцем.

У вождя было два сына: Осгар и Оссиан. Осгару дали прозвище «Вождь Людей», и он совершил немало подвигов, достойных его великого отца. Фин за всю свою жизнь пролезился лишь раз. Это было, когда умер Осгар.

Оссиан был бардом фейнов. Последний в роде, он жил еще долго после того, как все фейны покинули наш мир. Дряхлый, слепой горемыка, он бродил по стране, оплакивая в своих песнях бывшее величие фейнов.

Русый Дирмед, по прозвищу «Крепкий Щит», тоже был одним из великих героев, что сражались в рядах Воинства

фейнов. Он приходился Фину племянником — был сыном его сестры-близнеца и, как говорят, родоначальником клана Кембелл. В память об охоте Дирмеда в Кинтейлском лесу герб этого клана увенчан изображением кабана с грозными клыками.

Конен, псарь Фина, был самым свирепым из фейнов. Каждый волос на его голове обладал силой взрослого мужа. Страшны были вспышки его дикой ярости, и Фин, опасаясь, как бы он сгоряча не поранил других воинов, приказал остричь его наголо и не давать его волосам отрастать.

Голл был самым сильным из всех фейнов. По преданию, он мог съесть за обедом целых семь оленей.

Колайт, он же «Тинмен», был самым быстроногим из бегунов. Когда он бежал во всю прыть, людям чудилось, будто это три человека бегут, — так стремительно он мчался вперед.

Вот какими были славнейшие герои фейнов. А теперь мы расскажем, какие подвиги они совершали в рядах легендарного воинства.

2. ПУТЕШЕСТВИЕ ФИНА В ЛОКЛЕН (СКАНДИНАВИЮ)

Отгнав скандинавов, Фин со своими воинами отправился на охоту в горы. И вдруг к ним подошел какой-то юноша и приветствовал их. По его слову можно было догадаться, что он чужеземец.

— Откуда ты пришел и что тебе нужно от нас? — спросил Фин, а пес Брэн, лежавший у его ног, впился глазами в незнакомца.

Брэн был громадный пес, черный, с желтыми лапами, белым брюхом и рыжими острыми ушами, всегда настороженными. Лучшей охотничьей собаки свет не видывал.

— Я пришел сюда издалека искать себе хозяина, — ответил незнакомец.

— А мне как раз нужен слуга, — молвил Фин. — Какой платы ты просишь за год и еще один день службы?

— Мне немного надо, — ответил юноша, — а вернее, лишь одно: когда пройдет год и еще один день, ты пойдешь со мной вместе на пир и ночной праздник во дворец короля Локлена. Но пойдешь ты один — не возьмешь с собой ни собаки, ни человека, ни теленка, ни ребенка, а также — никакого оружия.

Фин с такой силой хлопнул юношу по плечу, что тот покатился с горного склона.

— Согласен! — сказал ему Фин. — Просьбу твою я выполняю, потому что чую — тут пахнет приключениями. Послужи мне год и еще один день, и я пойду с тобой в Локлен, как ты просишь.

И вот юноша верой и правдой служил Фину год и еще один день. А когда срок его службы кончился, пошел к Фину и напомнил ему о его обещании. Тогда Фин собрал все девять тысяч воинов-фейнов в своем жилище и сказал:

— Придется мне теперь сдерживать мое обещание этому молодцу. Когда вернусь, не знаю. Но если не вернусь через год и один день, знайте, что локленеки меня убили. Если это случится, пусть те, что не отточат мечей своих, натянут тетиву на луки и приготовятся к великой битве на побережье Локлена — к отмщению за мою смерть.

Фин уже ступил за порог, как вдруг его окликнул шут и сказал:

— О Фин, вождь людей, послушай мой совет, — ведь головы шутов нередко питают мудрость королей.

— А что ты посоветуешь? — спросил Фин.

— Вот что. Возьми с собой золотую цепь Брэна. Цепь — не собака, не человек, не теленок, не ребенок и не оружие; однако она может тебе пригодиться.

— Возьму, — сказал Фин.

И он снял с Брэна цепь и положил в карман. Потом простился со своими домочадцами и пошел вслед за юношей, что прослужил ему год и один день.

Фин ходил быстро, но скоро увидел, что юноша идет еще быстрее и поспевать за ним нелегко. Они шагали по горам и долам, по болотам и горным склонам, поросшим папоротником, переправлялись через реки и озера. Иной раз юноша скрывался из виду в расщелине скалы, но Фин обходил гору и встречал спутника у другой расщелины. Так они и шагали, пока не кончился их путь и не подошли они к дворцу короля Локлена.

Черный и мрачный, стоял дворец над морем, а море пенилось и с ревом билось о прибрежные скалы. Фин утомило путешествие, и он с нетерпением ожидал обещанного пира. Войдя во дворец, он сел в кресло отдохнуть.

Но не позвали Фини Мак-Кула на пир в тот день. Король Локлена и его угрюмые воины стали совещаться, какую из позорных казней лучше избрать для Фини. Ибо он, войдя во дворец, стал их пленником и теперь уже понял, что пощады от них не жди.

— Давайте повесим его! — сказал один советчик.

— Сжечь его живым! — крикнул другой.

— Утопить в самом глубоком озере! — заревел третий.

Потом один воин, самый свирепый с виду, поднялся и сказал:

— Есть еще более позорная смерть, и ей мы и предадим Фина Мак-Кула. Отведем его в Большое ущелье, где живет страшный Серый Пес, и он разорвет Фина на куски. Какой позор будет для фейинов, когда их вождя растерзает паршивая собака! Нет большего позора!

Тут все захлопали в ладоши, и раздались громкие крики одобрения. Ведь нельзя было придумать более жестокой и страшной казни, чем смерть от клыков чудовищного Серого Пса. Этот пес много лет бродил по Большому ущелью и пожирал всех, кто попадался ему на пути.

И вот все собравшиеся немедленно встали, вышли с Финном из дворца и отвели его в ущелье. А там оставили одного в тумане среди зарослей черного терновника и зубчатых скал. Лай страшного пса с острыми клыками уже доносился издали.

Что было делать Финну? Спасаться бегством? Остаться на месте? И то и другое грозило ему гибелью. Побег он назад — его убьют враги; останься на месте — растерзает пес. И Фин решил, что лучше уж погибнуть от Серого Пса, чем от руки вероломных локленеков.

Он стоял недвижно и прислушивался ко все более громкому вою Пса, готовясь встретить смерть, как подобает герою.

И вдруг он различил в тумане, что Серый Пес приближается. Как ни храбр был Фин, колени его задрожали и все тело затрепетало от страха. Пес был такой же огромный, как Брэн, и щетина на спине у него стояла дыбом, словно наконечники копий. В разинутой пасти между острыми клыками висел красный язык. Пес громко фыркал, и его дыхание опаляло все на три мили вокруг. Кожа у Фина стала морщиться от этого страшного жара.

И вдруг Фин вспомнил, что, по совету шута, взял с собой золотую цепь Брэна. Наконец-то в душе его затеплилась надежда. Он вынул из кармана цепь и стал махать ею перед собой. И тут, словно по волшебству, Серый Пес замер, притих, умолк и даже принялся вилять хвостом. Потом он подошел к Финну и стал облизывать его с головы до ног, пока не исцелились все места, обожженные его огненным дыханием. И вот Фин надел Серому Псу на шею цепь Брэна и повел его по ущелью. Пес послушно шел рядом с ним.

В нижнем конце ущелья был небольшой домик. Здесь жила одна старуха со своим мужем. Она как раз стояла на пороге, когда Фин проходил мимо с Серым Псом. Старуха, не помня себя от удивления, вбежала в дом, заахала, замахала руками.

— Что такое? Что ты увидела? — спросил ее муж.

— По ущелью идет богатырь, да такой красавец, каких свет не видывал, — ответила старуха. — И ведет на золотом поводке страшного Серого Пса.

— Ну, это по силам лишь одному человеку на свете — Финну Мак-Кулу. А поводок — это золотая цепь Брэна, — молвил старик; потом встал, вышел из дома и поздоровался с Финном, а тот рассказал ему про все, что случилось в Большом ущелье. Супруги позвали Фина к себе, и старик сказал:

— Серый Пес потому присмирел, что узнал золотую цепь твоего Брэна. Ведь они родные братья — родились в одном помете. Брэн будет верен тебе до конца своих дней, и так же верен будет Серый Пес, — теперь ты его хозяин.

Фин подивился, что ему столь счастливо удалось спастись от гибели, и похвалил старика за мудрость. Старик и старуха были рады видеть у себя Фина и пригласили его погостить у них, сколько он сам пожелает.

Фину хорошо жилось у гостеприимных хозяев в домике близ Большого ущелья. Он и не заметил, как прошел год и один день с тех пор, как он покинул Воинство фейнов и ушел в Локлен.

Но вот как-то раз старуха поднялась на пригорок неподалеку от дома и увидела внизу на берегу моря необычное зрелище. Она быстро вернулась домой, выпучив глаза от удивления.

— На берегу какие-то великаны-воины, и нет им числа! — вскричала она. — Начальник у них рыжеволосый богатырь, да такой, что навряд ли его можно одолеть в бою.

Фин даже подскочил от радости.

— Это все мои возлюбленные братья! — воскликнул он. — А рыжий воин это мой сын Осгар. Пойду им на встречу!

И он ринулся на берег, а Серый Пес выскочил из-за очага и побежал за ним. Фейны увидели, что их вождь идет целый и невредимый, и так громко закричали от радости, что клики их разнеслись по всему Локлену. Радостной была встреча Фина с его воинами, и так же радостно встретились Брэн и его брат, Серый Пес.

— Мы отточили свои мечи, натянули тетивы на луки и пришли сюда отомстить за твою смерть, отец, — сказал Осгар. — Ведь прошел уже год и еще один день с тех пор, как ты нас покинул, и мы думали, что ты убит.

— Нет, сын мой, я выжил, — сказал Фин, — но не по милости локленцев.

И он рассказал своим воинам, как вероломно с ним поступили король Локлена и его люди.

Тут Фин и все Воинство фейнов обнажили мечи, вынули стрелы из колчанов и жестоко отомстили скандинавам. Весь берег покраснел от их крови, и громкие стоны заглушили шум прибоя.

А когда битва кончилась, фейны вернулись на родину и там задали пир на весь мир, чтобы отпраздновать свою победу.

И с того дня Серый Пес стал жить вместе с собаками фейнов.

3. СМЕРТЬ ДИРМЕДА

Однажды Фин задумал жениться. Многие прекрасные женщины с радостью вышли бы за него замуж. Но он решил выбрать не просто красавицу, а девушку умную и смелую. А чтобы узнать, умна ли, смыслена ли невеста, Фин придумал шесть вопросов и всякий раз задавал их женщине, когда приезжал к ней на смотрины. И он объявил: женой его будет та, что сумеет ответить на все вопросы.

У графа Аллина была дочь Грэн. Темноволосая, ясноглазая, она по всей округе славилась своей красотой. Она-то и ответила Фину на его шесть вопросов, когда он приехал к ее отцу.

— Что изобильней травы? — спросил ее Фин.

— Роса, — ответила Грэн, — потому что на каждой былинке лежит много капель росы.

— Что белее снега? — спросил Фин.

— Правда, — ответила Грэн.

— Что чернее ворона? — спросил он.
— Смерть, — ответила она.
— Что краснее крови?
— Лицо достойного человека, когда ему нечем угостить неожиданных гостей.

— Что острее меча?
— Упрек врага.
— А что быстрее ветра?
— Мысли женщины, что летят от одного мужчины к другому, — ответила Грэн.

И на все эти вопросы она ответила сразу — ни на миг не призадумалась.

Тогда Фин взял ее руки в свои.

— Поистине, Грэн, — сказал Фин, — ты самая прекрасная и самая смышленная из женщин. Хочешь стать моей женой?

— Стать женой Финна Мак-Кула — это самая великая честь, какая только может выпасть мне на долю, — ответила она.

И вот в замке графа Аллина в огромной палате задал пышный пир. И все девять тысяч героев Воинства фейнов пришли на свадьбу, чтобы отпраздновать бракосочетание своего великого вождя.

Балки дрожали, и кровля тряслась от раскатов их хохота, и стены содрогались, когда воины чокались винными кубками. Пир и веселье продолжались семь дней.

В числе собравшихся там девяти тысяч воинов был Дирмед, племянник Финна, третий после Финна и Огара в ряду славнейших героев Воинства. Тут надо сказать, что Русский Дирмед был самый красивый юноша из всех фейнов, а на левой скуле у него была родинка, и не простая, а волшебная. Стоило любой женщине только взглянуть на нее одним глазом, и она без памяти влюблялась в Дирмеда. Поэтому он всегда закрывал чем-нибудь эту родинку.

И вот когда свадебный пир был в самом разгаре, две белые собаки Грэн, что лежали у ее кресла, подрались из-за кости, брошенной на пол. Дирмед выскочил из-за стола и кинулся их разнимать. Вот с каких пустяков начались в тот день все его горести!

Пока он, стоя на коленях, разнимал собак, повязка скользнула с его левой скулы. Грэн увидела родинку и в тот же миг полюбила Дирмеда.

«Фин — мудрый и могучий вождь, — подумала она. — И он оказал мне великую честь. Но Дирмед прекраснейший из мужчин, и в глазах его сияет юность. И люблю я Дирмеда!»

А позже, когда Фин уже отяжелел от вина и дремал в кресле, повесив голову на грудь, Грэн наклонилась к Дирмеду и сказала, что любит его.

— Бежим отсюда вместе! — умоляла она его. — Возьми меня с собой, и нынче же ночью уйдем туда, где Фин никогда нас не найдет.

Дивная красота Грэн обворожила Дирмеда не меньше, чем девушку зачаровала его родинка. Но хотя просьба ее была для него великим соблазном, он поклялся, что ни за что на свете не изменит Фину и не похитит у него невесту.

— Неужто ты хочешь, чтобы я стал самым бесчестным из фейнов? — спросил он.

— *Заклинаю тебя*, бежим отсюда вместе! — ответила Грэн.

Когда она это сказала, Дирмед глубоко вздохнул. Ибо в те далекие времена был такой обычай: когда женщина заклинала мужчину выполнить ее просьбу, мужчина обязан был повиноваться. Однако Дирмед все же попытался уклониться от этого и сохранить верность Фину.

— О Грэн, — сказал он, — на тяжкую судьбу ты меня обрекаешь! Я увезу тебя, как ты этого требуешь, но лишь

с одним условием: я возьму тебя с собой не из дома и не со двора; ты явишься ко мне не верхом на коне и не пешком. И если ты не придумаешь, как все это можно сделать, мы останемся здесь.

Тут он встал из-за стола и ушел ночевать в соседний дом.

А наутро Грэн уже появилась под окнами этого дома вместе со своими двумя белыми собаками. И она оклинула Дирмеда:

— Дирмед, выходи! Посмотри сам, выполнила я твои условия или нет!

Дирмед встал и увидел, что все его условия она выполнила. Грэн не стояла на земле и не сидела на коне, но сидела верхом на козле. И находилась она не в доме и не во дворе, а на самом пороге — в проеме входной двери.

— Поистине, Фин был прав, когда сказал, что ты не только самая прекрасная, но и самая смысленная из женщин, — молвил Дирмед. — Так что пора нам в путь! Боюсь, однако, что, куда бы мы ни убежали, нет на свете места, где Фин не найдет нас. Стоит ему лишь нажать указательным пальцем свой зуб мудрости, и он сразу узнает, где мы скрываемся. Гнев его будет ужасен, и он не успокоится, пока мщение не падет на мою голову.

Тут Грэн соскочила с козла, и влюбленные, захватив с собой обеих ее белых собак, быстро ушли вдаль.

Они не давали отдыха ногам, пока множество зеленых гор и долин не легло между ними и замком графа Аллина. И вот наконец дошли до чудесных мест на полуострове Кинтайр.

Но как ни быстро они бежали, еще быстрее гнался за ними Фин. Ибо когда ему доложили, что Дирмед ушел с его невестой, он нажал указательным пальцем свой зуб мудрости и тотчас узнал, что беглецы уже скрылись в Кинтейлском лесу. Тогда Фин вместе со всем Войнством

фейнов ушел из Аллина и поспешил на полуостров Кинтайр. Всех их подгонял яростный гнев Финна.

— Дирмед был мне дороже всего на свете, и никогда бы я не подумал, что он может так меня оскорбить! — в бешенстве говорил Фин, и жилы вздувались на его шее.

Наконец фейны поднялись на вершину горы, что возвышается над бескрайним Кинтейлским лесом. Тут Фин отстегнул свой охотничий рог и громко затрубил, и эти трубные звуки разнеслись по всему полуострову.

Надо сказать, что каждый воин из Войнства фейнов давал клятву откликаться на охотничий зов Финна. И вот Дирмед услышал трубные звуки и понял, что придется ему на них пойти.

— Ничего не поделаешь, возлюбленная моя, — сказал он Грэн. — Я поклялся откликаться на охотничий зов и должен теперь пойти к Фину.

Грэн увидела, что он твердо решил идти, и молвила:

— Я пойду с тобою, возлюбленный мой. И если Фин готовит смерть тебе, то пусть она станет и моей смертью.

Они встали и явились к Фину на вершину высокой горы. С Финном были Осгар и Оссиан и самые славные герои из его войнства, а верный пес Брэн лежал у его ног. Когда Фин увидел, как Дирмед и Грэн поднимаются к нему, взявшись за руки, гнев в его сердце немного ослабел.

«Молод Дирмед для смерти! — подумал он, но тут же вспомнил, как оскорбил его племянник, и ревность запылала в нем с новой силой. — Но умереть он должен!» — решил Фин.

Однако он был не в силах сам убить Дирмеда своим мечом и придумал отмщение иного рода.

В Кинтейлском лесу жила старуха по имени Малла Али, что значит «Седая Бровь». Она держала стадо свиней, и вожаком стада был страшный кабан. На него охотились многие храбрецы, но ни один не вернулся с охоты —

с такой яростью он на них нападал. И Фин задумал послать Дирмеда поохотиться на этого кабана. Вот каким образом решил он предать смерти племянника и утолить свою жажду мести.

Он приветствовал Дирмеда и приказал ему пойти убить кабана. Дирмед знал, что ему грозит неминуемая гибель, и попрощался с Осгаром и Оссианом, со своими родичами и друзьями своей юности. Он молча простился и с Фином. А под конец подошел к прекрасной Грэн и сказал ей: «Прощай!» Потом взял свое копые, сошел с горы в лес и скрылся из виду в густой чаще.

Вскоре люди на вершине горы догадались, что Дирмед нашел кабана — до них донесся шум борьбы охотника со зверем. Они услышали, как трещит и ломается подлесок, как фыркает взбешенный кабан. И вдруг наступила тишина. А потом послышался ликующий крик человека. Дирмед убил кабана.

Фин и его сыновья бросились в лес и там нашли Дирмеда, целого и невредимого. Он отдыхал рядом с тушей кабана. Черная кровь сочилась из сотни ран, нанесенных копыем охотника.

— Недаром люди прозвали тебя «Крепкий Щит», Дирмед, — сказал Фин племяннику.

Хоть Фин и похвалил Дирмеда, в нем кипела злоба, — ведь замысел его не удался. Но Фин знал, что на спине у этого кабана растут ядовитые щетинки. Один лишь укол такой щетинки может убить человека. И вот он позвал Дирмеда и сказал:

— Измерь свою добычу, племянник. Пройди по спине кабана и скажи, сколько ступней будет от его рыла до хвоста.

Дирмед, не чуя беды, встал и босяком прошел по спине кабана от рыла до хвоста, как велел ему Фин. Но, по счастью, ни одна ядовитая щетинка не попала ему под ногу.

— Шестнадцать ступней! — объявил он. — Измерено точно.

— Измерь еще раз, может быть, ты ошибся, — приказал ему Фин.

И Дирмед опять ступил на широкую спину кабана. Но на полпути ядовитая щетинка уколола его в родимое пятно на правой пятке. Смертоносный яд проник в тело Дирмеда, и он замертво упал на землю.

Тогда Фина стала терзать совесть.

— Дирмед! Что может тебя исцелить? — крикнул он.

И Дирмед ответил слабым голосом:

— Глоток воды из ладоней Фина.

Фин тотчас пошел к ручью, что протекал под деревьями, сложил руки ковшиком и зачерпнул немного воды. Но вдруг вспомнил, какой гнев обуял его, когда Дирмед бежал с Грэн, подошел к Дирмеду и растопырил пальцы. Вода пролилась на землю.

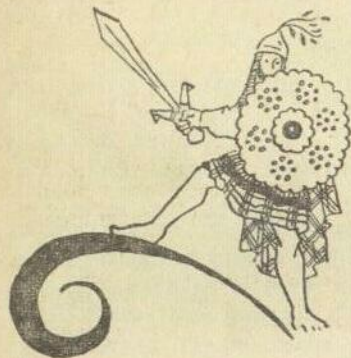
Однако Фин еще раз пошел к ручью, опять сложил руки ковшиком и зачерпнул полную горсть воды. Но душа его раздиралась на части: то в нем вспыхивала давняя любовь к Дирмеду, то — яростный гнев на него за его вероломство. И Фин снова пролил драгоценную воду. Когда же он в третий раз подошел к племяннику, Дирмед был уже мертв.

— Я убил единственного сына своей сестры, убил из-за женщины, что меня больше не любит! — горевал Фин. — Тот, кто был третьим в ряду самых доблестных героев Воинства фейнов, пал от моей руки.

Тогда Осгар, Оссиан, могучий Голл, псарь Конен — все те, что росли с Дирмедом и вместе с ним проводили свои молодые годы, стали горько оплакивать его. А когда Грэн узнала, что Дирмед скончался и она осталась одна, дух ее сломился, и она тоже умерла с горя.

Дирмеда и Гран с почестями похоронили вместе на берегу озера Лок-Дайк, у его серых тихих вод. Их тела положили не в гроб, но в длинную ладью Дирмеда и рядом с ним положили его острый меч, его знаменитый щит и все то, что ему принадлежало. А в ногах Гран лежали ее белые собаки. Как только умерла их хозяйка и они тоже остались одни, обе они издохли.

Потом над могилой насыпали огромный курган, и он до сего дня носит название Дирмен Дирмед.

4. КАК ФИН
ДОБЫЛ СЕБЕ МЕЧ

После смерти Дирмеда Фин покинул Киптайр и стал охотиться на острове Айлей. Как-то раз, когда Фин шел по горному склону, размахивая своим длинным копьем, ему повстречался какой-то широкоплечий, темнолицый незнакомец. Он вприпрыжку бежал навстречу Фину по траве, и у него был всего один глаз, да и тот — на лбу.

— Фин Мак-Кул, вождь людей, хочешь пойти со мной в мою кузницу? — спросил он звонким голосом.

— А ты, кузнец, видать, не из смертных, — молвил Фин. — Однако я все же пойду с тобой. Показывай дорогу!

Тут кузнец-эльф дико расхохотался, и хохот его как гром раскатился по горам.

— Следуй за мной, если можешь, Фин Мак-Кул! — крикнул он и тотчас понесся с быстротой штормового ветра. Фин помчался следом за ним.

Они бежали по косогорам, одним махом перескакивали через пустынные ущелья и, едва коснувшись правой ногой дна долины, левой уже ступали на ее дальний склон. Трава на горах волновалась, так быстро они неслись, и ни разу Фин не отстал и не замедлил стремительного бега.

Наконец они подбежали к каменной хижине. В нее вела каменистая тропка. Тут кузнец-эльф повернулся и потряс руку Фину.

— Ходим мы одинаково быстро, — сказал он. — Вот моя кузница! Войдем в нее и скуем меч тебе по руке.

Они вошли в хижину, где их радушно приняла дочь кузнеца. И пока Фин раздувал огонь, кузнец взял большой железный брус и принялся ковать меч, достойный героя.

Фин все еще раздувал мехи, и пот лился с его лба от страшного жара, а кузнец прикрепил к клинку двойную рукоять и доканчивал свою работу. И тут дочь кузнеца подошла к Фину и шепнула:

— Твой меч почти готов, Фин. Скоро отец повернется к тебе и спросит: «Что еще осталось сделать?» А ты ответь: «Мечу не хватает только пустяка». Потом выхвати у него из рук меч и вонзи в его тело. Так меч закалится его кровью и станет лучшим мечом на свете.

Фин послушался ее совета. Немного погодя кузнец-эльф и правда повернулся к нему и спросил:

— Ну, Фин, меч твой почти готов. Что еще осталось сделать?

А Фин подскочил, схватил меч обеими руками и острым клинком перерубил кузнецу хребет и ребра. Потом наступил

ногой на его тело, вытащил меч и ушел из кузницы к своим людям.

И вот, закаленный кровью кузнеца-эльфа, огромный двуручный меч и в самом деле стал лучшим из всех мечей на свете — всегда разил метко и ничего целым не оставлял.

Меч этот называли Мак-ан-Лайн, и Фин никогда с ним не расставался.

5. КАК ПОКАРАЛИ КОНЕНА

Несчастливый год выдался для Фейнов — им не везло па охоте. Настал голод. Мясо сошло с их костей, и скулы выпятились на их лицах. Тогда, отчаявшись найти дичь на острове Айлей, они вернулись в Арднамёркан, где остались их жены, чтобы поохотиться там.

Диву дались все девять тысяч воинов, когда увидели, что жены их стали толстыми и упитанными, — в такой-то голодный год! Больше того, женщины похорошели вдвое против прежнего и ничуть не жаловались на голод.

Фейны много говорили между собой об этом чуде, и наконец Фин сказал:

— Позор нам, охотникам и кормильцам, что жены наши умеют добывать пищу, а мы нет! Не надо уни-

жаться — не будем просить их открыть нам эту тайну. Но пусть один из нас останется здесь и все разузнает без их ведома. А мы завтра уйдем охотиться на остров Скай.

Потом он повернулся к псарю Конену и сказал:

— Раскрой для нас эту тайну, Конен, и, когда мы вернемся, поведай нам, что узнаешь.

Конен охотно согласился и, когда наутро все воины отправились на остров Скай, он остался. Влез на дерево, уселся на суку и, спрятавшись в листве, стал следить за женщинами.

Вскоре женщины вышли добывать себе пищу на завтрак. Конен увидел, как они рассыпались по горным склонам и собирают корни вереска, листья папоротника и сладкие побеги орешника. Все собранное они потом сложили в огромный котел и разожгли под ним огонь. И вскоре от их варева пошли вкуснейшие запахи. Они защекотали ноздри Конену, так что он даже чихнул, да с такой силой, что не удержался на суку и со страшным грохотом хлопнулся на землю прямо в толпу женщин.

Они сразу догадались, что он спрятался, чтобы за ними следить, и очень рассердились на него.

— Если бы наши мужья поменьше гордились и чванились и сами попросили бы нас открыть им нашу тайну, мы с радостью открыли бы ее, — говорили они. — Но они, словно воры, захотели ее выкрасть.

Однако женщины боялись бешеных вспышек Конена, и особенно теперь, — ведь, как уже было сказано, каждый волос на его голове обладал силой взрослого мужчины, а с тех пор, как начался голод, Конена не стригли. Поэтому женщины не стали его упрекать и даже покормили своим варевом.

Но когда Конен после еды лег отдохнуть, такой сытый, каким не был уже много дней, женщины начали

перешептываться и вскоре придумали, как его наказать за любопытство.

Они вбили в землю два кола по обеим сторонам его головы и обметали колья его длинными волосами. Потом женщины отошли в сторону и все враз громко закричали и застонали.

Конен тотчас проснулся от этого гама и, решив спросонья, что подходят враги или что женщины попали в беду, вскочил на ноги, не успев даже открыть глаза.

И тут он громко взревел — ведь волосы его были так туго привязаны к кольям, что, внезапно вскочив, он вырвал их вместе с кожей, и кровь заструилась по его плечам. Конен обезумел от боли, расвирепел и, бросившись на женщин, загнал их в маленькую хижину и запер. Потом сложил у двери огромный костер из хвороста и валежника и поджег его. Он хотел, чтобы его мучительницы задохнулись в дыму.

Но когда пламя стало лизать нижний слой хвороста, один из воинов, что охотились на острове Скай, остановился на горном склоне и стал смотреть на узкий пролив между островом и побережьем Арднамёркана.

— Что это за столб дыма там поднялся? — сказал он. — Должно быть, женщины наши в опасности!

Тут все фейны в тревоге бросили охотиться и помчались спасать своих жен. Одним махом они перенеслись с горного склона на берег острова, а там воткнули свои длинные копья в землю и перепрыгнули через пролив.

Один воин тогда погиб. Он не удержал в руках своего копья, упал, и воды навеки сомкнулись над ним. Этого воина звали Мак-ан-Рэдин, и с тех пор пролив между островом Скай и Арднамёрканом называется Кол-Рэдин или Кайл-Рэй.

Но прочие воины с самим Фином во главе переправились благополучно. Они поспешили к хижине, где Конен

запер их жен, затушили его костер, затоптали ногами тлеющий валежник и голыми руками растаскали в стороны горящий хворост.

Женщины выбежали из хижины; слезы радости текли по их щекам. Фин выслушал их рассказ, потом повернулся к Конену и объявил, какую кару он должен понести.

— Ты повинен смерти, бешеный Конен, — изрек он. — Этой кары требует справедливость.

Конен пал на колени перед Фином, а другие воины молча стояли вокруг.

— Раз уж я приговорен к смерти, могучий Фин, — воскликнул Конен, — даруй мне последнюю милость: пусть мне снесут голову твоим острым мечом Мак-ан-Лайном, что разит метко — ударит, ничего целым не оставит. И пусть смертельный удар мне нанесет мой родной сын Гарб. И голова моя перед казнью пусть будет лежать на твоей ляжке, Фин.

Фин согласился. И вот юный Гарб, хоть и с великим ужасом, приготовился выполнить желание отца. Тогда Фин взял семь толстых звериных шкур, семь вязанок хвороста и семь пластов серой древесной коры и обвязал всем этим свою ляжку, чтобы защитить ее от острого лезвия Мак-ан-Лайна.

И когда все это было сделано, Конен подошел и положил голову на ляжку Финна, а Гарб взял в руки громадный двуручный меч. Сталь сверкнула в воздухе, низверглась со свистом и отделила голову Конена от тела одним точным ударом. И хотя ляжка Финна была защищена трижды семью покроями, кровь брызнула из его жил и потекла по вереску.

Гарб взглянул на отрубленную голову своего отца, громко вскрикнул и лишился рассудка.

— Где же фейны? Где мои братья? — кричал он, никого не узнавая. — Должны же они отомстить за смерть Конена!

Воины поняли, что Гарб помешался, и сказали ему, что все Воинство фейнов опустилось на дно моря. Тогда Гарб, громко взывая к Фину, побежал к берегу, бросился в воду и утонул.

Вскоре после этого стрелы фейнов снова стали попадать в оленей, а их охотничьи коня — пронзать веером, так что великий их голод пришел к концу.

6. ЗЕЛЕНЫЙ ОСТРОВ

Куда же девались фейны, когда они завершили свои ратные подвиги и покинули землю? Одни говорят, будто Фин и все его воинство пали в великом бою и умерли, как подобает умирать смертным. Ведь один холм в Пертшире называют Сил-Фин, что значит «Могила Фина». А в Гленарки, в графстве Инвернесс другой холм, с виду похожий на ладью, по слухам, насыпан над братской могилой всех его воинов.

Другие говорят, что Фин не умер, но все еще живет на некоем зеленом острове. Остров этот где-то на дальнем западе, на самом краю света. Он называется Илен-па-Хойг, — «Остров Вечной Юности». Там растут волшебные яблоки

и в животных источниках течет всеисцеляющая вода. Блажен тот, кому посчастливится попасть в этот кельтский рай, в эту Страну Света, Страну Исполненных Желаний. Ибо как только человек ступит на ее берег, к нему возвращается юность. Он снова становится таким, каким был в двадцать лет, — тело его выпрямляется, седина исчезает, а морщины разглаживаются.

Есть предание, что один человек некогда ступил на этот волшебный берег. Он жил на Джуре — одном из Внутренних Гебридских островов, и звали его Энгас Мак-Грегор. У него была небольшая парусная лодка, и он перевозил грузы с острова на остров и с островов на побережье Шотландии.

Как-то раз он стоял на пристани в Гринокке, и тут к нему подошел человек громадного роста. Таких богатырей Энгас в жизни не видывал. Человек был на три головы выше обычных людей, и грудь его прикрывала ярко-рыжая борода. Он хлопнул Энгаса по плечу и сказал:

— Говорят, у тебя есть лодка и ты перевозишь грузы на острова и на материк. Мне нужно доставить мясо на один остров западнее Айлея. Можешь ты перевезти туда меня и мой груз?

Они сторговались, и великан перенес свой груз в лодку Энгаса. Лодочник только покачал головой, когда увидел огромные говяжьи и бараньи туши, что заполнили его суденышко.

«Пожалуй, этого хватит на прокорм целого войска горцев», — подумал он.

Когда все было готово, Энгас поднял паруса и поплыл в ту сторону, куда ему указал наниматель. Они вышли из устья реки Клайд, миновали Арран, обогнули мыс Кинтайр и вошли в пролив Айлей. И тут на море пал густой туман. Энгас правил рулем вслепую, стараясь держать курс на запад и повиноваться указаниям великана. Два дня они не

видели ни земли, ни неба, и Энгас в недоумении спрашивал себя, где же они находятся.

«Должно быть, мы уже миновали самые дальние из Внешних Гебридских островов», — думал он.

На третий день туман рассеялся, и Энгас понял, что лодка его приближается к берегу какого-то острова, которого он никогда не видел. Серое спокойное море омывало остров, и лодочнику он показался каким-то зеленым раем, сулящим отдых и покой.

— Вот и кончается наш путь, — сказал его рослый спутник.

Но Энгас понимал, что они еще не очень скоро доберутся до берега, и потому сошел в каюту и прилег, чтобы немножко поспать. Разбудили его слабые толчки лодки о берег. Он поднялся на палубу и увидел, что лодка его покачивается на волнах. Груза на ней уже нет, а великана и след простыл.

Когда лодочник с ним договаривался, тот обещал заплатить за перевозку, когда они придут на место. А теперь Энгас понял, что наниматель хочет его обмануть, и решил отыскать его во что бы то ни стало.

Он вышел из лодки и пошел вброд к травянистому берегу. И как только он ступил на остров, с него словно свалилось какое-то бремя. Все следы старости покинули его тело, и ему почудилось, будто он снова стал двадцатилетним юношей. Он диву давался, до чего ему было легко ходить; щупал себе лоб и чувствовал, что морщин как не бывало.

«Видать, попал я на Илен-на-Хойг — «Остров Вечной Юности», — догадался он.

И он догадался также, что великан, сидевший в его лодке, это — один из фейнов.

«В наши дни уже нет таких силачей, — думал Энгас. — И, значит, Остров Вечной Юности — это то же самое, что Остров Героев».

Тем не менее Энгас твердо решил получить с фейна плату за перевозку. И вот он отправился бродить по острову. Вскоре он подошел к дому, построенному из огромных камней. Входная дверь его была в двадцать футов высотой и двадцать шириной.

Энгас вошел в дом и очутился в обширном зале. Здесь в тяжелом кресле сидел громадный старец с бородой до колен. На лице его лежала мрачная печать тысячи битв, в которых он когда-то сражался, а в глазах жила вечная скорбь о тех, что пали в бою, сражаясь рядом с ним. Это был сам Фин Мак-Кул. Он повернулся и заметил Энгаса.

— Чего тебе здесь надо? — спросил он и поднял свою огромную руку. — Впрочем, сначала выпей, потом скажешь.

И он подал Энгасу огромный кубок, полный золотистого меда. Кубок был такой тяжелый, что Энгас лишь с великим трудом поднял его обеими руками и поднес к губам. А когда осушил его, сел и рассказал Фину про все, что с ним приключилось.

Тогда Фин спросил:

— Скажи мне, житель острова Джуры, если тот рослый человек, что тебе не заплатил, сейчас придет сюда, ты сможешь его узнать?

— Смогу, — ответил Энгас.

Фин громовым голосом кликнул клич, и в зал стали входить его герои. Руки и ноги у них были словно деревянные стволы, и когда они шли, пол трясся под ними. Среди них Энгас увидел того человека, которого привез сюда из Гринока. Узнать его было нетрудно по ярко-рыжей бороде.

— Вот этот человек! — сказал Энгас Фину.

Фин приказал великану уплатить Энгасу сполна, и тот уплатил, хоть и очень неохотно. Затем Фин отпустил Энгаса, но когда тот вышел из дома, великан догнал его, схватил за плечо и вырвал у него правый глаз.

— Сделай я это раньше, ты бы меня не узнал! — сказал он.

Страдая от острой боли и обливаясь кровью, что лилась из глазницы, Энгас все же кое-как доплелся до берега. Великан шагнул за ним следом. Когда же они добрались до места, где Энгас поставил на якорь свою лодку, великан приказал ему отрясти с ног прах острова — весь до последней пылинки.

Затем Энгас сел в свою лодку, поднял паруса и поплыл домой. Он видел, как Зеленый остров мало-помалу исчезает в тумане, поднимающемся над водой. А когда остров совсем скрылся из виду, бремя прожитых лет снова легло на плечи Энгаса.

Итак, поездка на Остров Вечной Юности принесла ему только потерю правого глаза.

7. СОН ФЕЙНОВ
В ВЕЛИКОЙ СКАЛЕ

Однако другое предание гласит, что Фин Мак-Кул поконится вместе со своими товарищами по оружию и охоте в одной огромной скале на острове Скай. И, веря этому преданию, люди говорят, что великий герой и его воины в

некое время воспрянут ото сна во всем блеске своего прежнего могущества. Это будет, когда случится одно из следующих двух событий.

Если кто-нибудь войдет в Великую скалу и трижды пробьет в деревянную трубу, что лежит рядом с Фином, или же если никто на земле в течение суток не заговорит про славу фейнов — то фейны тогда проснутся.

Однако пробудятся не все, что некогда сражались и охотились вместе с Фином. Ведь Осгар пал в бою, а Оссиан еще в юности был разлучен со своими родичами и вернулся на родину лишь через много лет, уже после того, как фейны покинули наш мир. Весь остаток своей жизни этот слепо́й старец прожил в одиночестве. Не проснутся также ни Русский Дирмед, ни Конен, чья бешеная душа привела его к гибели.

Скалу, в которой покоятся фейны, называют также «Скалой Кузнеца», и вот почему.

Жил когда-то на острове Скай один кузнец. Он услышал предание о Великой скале и решил попытаться войти в нее и разбудить фейнов.

Однажды он пошел в горы и бродил там, пока не добрался до скалы. И он отыскал в ней проход, что вел в самые ее недра. В глубине скалы проход расширялся, и кузнец скоро попал в огромную пещеру. Ее стены и потолок терялись во мгле.

И там, в этом странном полусвете, кузнец различил множество людей огромного роста, распростертых на полу. То были фейны. Тысячелетний сон сковал их вежды. Руки и ноги у них были как древесные стволы, а лица застыли, суровые и мрачные. Рядом с ними лежали их шлемы и оружие; их огромные щиты; их копы, длинной с молодую сосну; их мечи, чей блеск еще не потускнел.

Самый крупный из фейнов покоился в середине пещеры, и у его раскрытой ладони лежал огромный деревянный

жест, просверленный по всей длине, от одного конца до другого. И кузнец догадался, что великан этот — сам Фин Мак-Кул, а полый жест у его ладони — деревянная труба.

Долго стоял кузнец в оцепенении, потрясенный тем, что увидел могучих героев. Ведь про их великие подвиги он слышал еще в детстве от старых сказителей, а их имена знал, как имена своих родных.

И он решил: раз уж он забрался так далеко, надо ему попытаться выполнить то, зачем он сюда пришел. Он представил себе, как эти великие люди вернутся на землю во всем блеске своей славы, и наклонился, чтобы поднять деревянную трубу.

У себя на родине кузнец считался силачом, однако ему удалось только приподнять один конец трубы. А Фин — тот подносил ее к губам двумя пальцами и трубил в нее, когда грозила смертельная опасность. Тогда эти трубные звуки доносились до всех семи границ земли и даже до края света.

И вот кузнец, собрав все свои силы, дунул в трубу. Раздались трубные звуки, да такие громкие, что стены пещеры дрогнули и земля затряслась под ногами кузнеца.

А великаны шевельнулись во сне, и трепет пробежал по их телам с головы до ног. Быть может, громовый клич, который они некогда слышали, пробудил в них какие-то смутные воспоминания и погнал кровь по их жилам.

Кузнец опять глубоко втянул в себя воздух и затрубил во второй раз. И тут все фейны повернулись на другой бок и приподнялись, опираясь на локти. А кузнец с ужасом увидел, как глаза их приоткрываются.

— Ох! Что я наделал! — воскликнул он.

И его обуял такой дикий страх, что он выпустил из рук деревянную трубу и ринулся вон из пещеры. Он бежал по

проходу, что вел на свет божий, и его преследовали звуки множества голосов. Великаны кричали в глубоком горе:

— Нам хуже, чем было до твоего прихода! Нам хуже, чем было до твоего прихода!

Но кузнец ни разу не оглянулся. Он выскочил на горный склон и бежал, не останавливаясь, пока не добрался до своего дома. Там он крепко запер за собой дверь и дал себе обет никогда больше не поддаваться таким искушениям, как то, что привело его к Великой скале.

СОДЕРЖАНИЕ

Томас Лермонт из Эрсилдуна	5
1. Томас Стихотворец	19
2. Кенонби Дик и Томас из Эрсилдуна	
Страшные чудища	
1. Морег и Водяной Конь	26
2. Ассипатл и Владыка Морской Змей	30
Карликов камень	47
Сказки про великанов	
1. Принц и дочь великана	60
2. Великан Дрэглин Хогни	76
3. Лод, сын фермера	81
4. Пириглуп	90
Лорд О'Коу	102
Черный Бык Норроуэйский	107
Ведьма из Файфа	120
Золотое Деревце и Серебряное Деревце	127
В плену у фей	
1. Феи Мерлиновой скалы	138
2. Рыцарь-эльф	143
3. Паж и серебряный кубок	152
4. Кузнец и феи	156
5. Тэм-Лин	163
6. Волящик из Кейла	167
7. Фаркуэр Мак-Нейл	171

Знамя фей в Данвегане	177
«Добрые соседи»	
1. Фея и котел	186
2. Ночные помощницы доброй хозяйшки	190
Крошка-лепешка	196
Фея и фермерша	203
Три сына Горлы	210
Сказки про брауни	
1. Фэрн-дэнский брауни	221
2. «Я сам»	226
Сказки про тюленей	
1. Мак-Кодрам Тюлений	229
2. Охотник и морской житель	236
Белый голубок	243
Сказки про лисиц	
1. Лисица и ястреб	249
2. Лиса и маленькая пышечка	250
3. Петух и лиса	252
4. Волк и лис	253
5. Приключения Айена Дирека и рыже-бурого лиса	259
Беляк	273
Предание о замке Илен-Донен	281
Дети короля Эйла	289
Из сказаний о фейнах	
1. Древние фейны	297
2. Путешествие Фина в Локлен (Скандинавию)	299
3. Смерть Дирмеда	305
4. Как Фин добыл себе меч	312
5. Как наказали Конена	314
6. Зеленый остров	318
7. Сон фейнов в Великой скале	322

ШОТЛАНДСКИЕ НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ И ПРЕДАНИЯ

Редактор Е. Осепова
Художественный редактор
Л. Калитенская
Технический редактор
М. Позднюкова
Корректор Т. Кибардина

Сдано в набор 10/I 1967 г. Подписано к
печати 29/V 1967 г. Бумага типограф-
ская № 2. Формат 70×108¹/₃₂—10,25 печ.
л. = 14,35 усл. печ. л. 13,88 уч.-изд. л.
Тираж 100 000 экз. Заказ № 506.
Цена 59 коп.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Ленинградская типография № 2
имени Евгения Соколовой
Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете
Министров СССР
Измайловский пр., 29.